

Манас

ЭПИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КЫРГЫЗОВ

М. Убукеев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю культурологическое осмысление эпоса «Манас» написано недавно ушедшим из жизни автором - Убукеевым Мелисом Айткуловичем, неординарным человеком, талантливым исследователем, выдающимся кинорежиссером. В осмыслении глубин эпоса им ещё не была поставлена точка, рано наступившая смерть не позволила ему высказаться до конца по волнующей его эпической теме, которой он болел не один десяток лет, и эта довольно длительная временная дистанция отложила свой отпечаток на весь цикл его работ по эпосу. Мелис Айткулович Убукеев прекрасно понимал и интуитивно чувствовал, что эпос "Манас" тем и велик, тем и многомерен, что вобрал в свой художественный состав все специфические свойства менталитета кыргызов, которые были выработаны на протяжении не одного тысячелетия. Он понимал, что это очень сложное, многоохватное, стадийно многослойное произведение, что в нём сконцентрировано всё философское мировоззрение кыргызов, что в нём получили отражение временные и пространственные их понятия. Он дает своё понимание и толкование различным стадийно сменяющимся религиям, начиная от язычества, манихейства, несторианства до ислама.

Круг проблем, которые интересуют автора, не всегда по плечу даже иному исследователю, специально занимающимся вопросами манасоведения. Здесь и семантика эпоса, его исторические корни, истоки, образы, художественная природа устного произведения, здесь и тайна сказительского искусства, духовные свойства его, и здесь же ощущается сценарный пересказ главных сюжетных линий «Манаса». Автор пытается все эти проблемы сплавить воедино, дабы ответить на один волнующий его вопрос: в чём секрет «Манаса», этого монументального творения, которое оставили ему в наследство его соплеменники, извечные номады, кочевавшие по необъятным просторам Центральной Азии. Убукееву М. А. удалось войти в многосложную структуру эпоса, в его тематику, ему удалось уловить духовные, сакральные и некоторые эзотерические свойства его, что вылилось в своеобразное толкование эпического материала. Данный труд свидетельствует, что Мелис Айткулович не только писатель-сценарист, не только художник-режиссер, но и художник-исследователь. Именно аналитичность исследовательского инструментария, глубина постижения поэтического мира позволили ему сделать верный вывод о месте и значении эпоса в духовной жизни кыргызов.

Убукееву М. А. удалось по-своему осветить целый ряд вопросов, связанных с архаическими пластами эпоса, спецификой времени и пространства, трагедийной сущностью трилогии и ролью судьбы-рока в ней. Автор без колебания относит эпос к трагедийному жанру, в котором рок, судьба пред- определяет исход повествуемых событий, и где персонажами управляет всемогущий и неумолимый фатум. Об этом автор пишет следующее: «Идея объединения кыргызских племен перед внешней опасностью, тщетность осуществления этой высокой и благородной идеи в результате вмешательства некой высшей силы, не зависящей от воли людей - Судьбы - делают эпос «Манас» величайшей трагедией своей эпохи". Такое толкование идейной сущности эпоса, а именно определение его трагедией, где «соблюдены и классически соотнесены все пропорции и жанровые признаки высокой трагедии..." высказывается в манасоведении так открыто и откровенно впервые. Эпос М. А. Убукеевым воспринимается как катарсис, который очищал и возвышал слушающую аудиторию, которая «погружалась в надреальный фантастический мир эпоса, отождествляя себя с героями «Манаса».

В совершенно новом свете трактуется М. А. Убукеевым противоречивый образ Джакыпа, отца Манаса, и, наконец, очень интересно, с большой болью освещена многотрудная деформация национальной культуры. В противовес многим утверждениям о том, что эпос и

сегодня может твориться и импровизироваться, автор, по-моему, совершенно верно отмечает, что дальнейшее развитие его было бы не- продуктивным и спровоцировало бы деформацию жанра. Он констатирует о том, что «эпос умирает и, умирая, уходит в бессмертие». Думается, что точнее и лучше не скажешь.

Подход к эпосу как к многомерному явлению, явлению загадочному и таинственному, во многом верно помогает автору вскрывать эти свойства эпоса.

За долгие годы работы над сценарием фильма о Манасе, а затем над режиссурой постановки фильма автору пришлось перекопать огромный материал по истории, этнографии, фольклористике, не говоря уже об освоении монументального текста эпоса в различных вариантах. Он советуется, консультируется с известными учеными, писателями, делится своими размышлениями, дабы вернее и глубже постичь сущность эпоса. Так, сохранились его записи бесед со Львом Николаевичем Гумилевым - крупнейшим востоковедом и тюркологом. Здесь мы решили привести небольшой отрывок из их бесед о божественном происхождении и таинственной, сакральной природе «Манаса»: «...Л. Н. Гумилев - автор десятков книг по тюркологии и исторической географии, величайший востоковед современности, вклад которого в тюркологию не- сравним ни с чем и ни с кем. Человек трагической и прекрасной судьбы. Он сын двух великих русских поэтов - Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Лев Николаевич нес свой тяжкий крест из-за своих знаменитых опальных родителей и сам впал в немилость: дважды сидел и прожил суровую, полную лишений жизнь. Он автор степной трилогии и знаменитой теории пассионария, которую не все принимают в научном мире, но которая не оставляет никого равнодушным. Человек большой культуры, эрудиции и огромной любви и преданности Востоку. Признаться, я очень любил его и держал его почти за пророка...

Я часто бывал у него в Ленинграде и Москве и подолгу беседовал с ним. Зная о том, что я серьезно занимаюсь «Манасом», он однажды спросил меня:

- Кстати, а вы получили благословение бакшы, приступая к «Манасу»? (Поясню: бакшы - это кыргызский шаман).

- Меня благословил когда-то последний великий манасчи Саякбай Каралаев...

- Этого недостаточно. Надо, чтобы вас благо- словил настоящий бакши, то есть жрец Манаса, иначе вам не миновать беды.

И Лев Николаевич рассказал мне следующую историю.

- Когда я приступил к своей книге «Старобурятская живопись», меня начали преследовать не- удачи. Во всём. И в быту, и в творчестве. Кончилось тем, что меня арестовали в первый раз. Когда я вышел из тюрьмы, один мудрый человек мне сказал: тебе надо получить благословение буддийского монаха, иначе у тебя ничего не выйдет. Я так и поступил: поехал в Бурятию и принял благословение старого буддийского монаха - и все мои неудачи как рукой сняло...

Вокруг таких крупных духовных явлений, как «Манас», имеется мощное силовое поле, непонятная и таинственная сила, которая оберегает и ограждает свои святыни от всякого инородного вторжения, а порой и жестоко наказывает незваных гостей. Подобное случилось, когда решили поставить памятник «Деде Коркуту»: пятеро из семерых погибли, а двое оставшихся отказались продолжать работу.

- Почему такое происходит? - спросил я. - Ведь эти люди, наверное, работали с самыми чистыми помыслами и благородными намерениями...

Лев Николаевич усмехнулся:

- Попробуйте - суньте два пальца в розетку с самыми чистыми намерениями, и я посмотрю, что с вами будет.

И Лев Николаевич мне объяснил: дело в том, что вы вторгаетесь в пантеон чужих богов и, будучи человеком просвещенным и наделенным фантазией, при этом ощущаете определенный страх и тревогу. И чем больше у вас воображения и фантазии, тем больше страха. И этот подсознательный страх может стать причиной несчастного случая или даже смерти. Но когда вы получаете благословение шамана, жреца этого пантеона чужих богов, вы освобождаетесь от страха и ставите изоляцию между вами и страхом.

Как выяснилось, вся механика этого дела оказалась довольно простой. Но для того, чтобы объяснить всё так просто, нужно было быть Львом Николаевичем Гумилевым. Я очень крепко задумался над предостережением Л. Н. Гумилева и, с трудом разыскав в Сибири настоящего хакасского шамана, получил, наконец, его благословение..."

Богатая фантазия режиссера-сценариста часто сливается с фантазией писателя-исследователя, и в результате интересные мысли, выводы. Можно утверждать, ЧТQ умение в малом увидеть большое, обобщить, придать этим фактам нужные и важные для автора выводы позволяют читать исследование как захватывающее художественное полотно. Так, размышляя об археологической находке вблизи озера Иссык сакского Золотого Вождя, автор своей фантазией находит сходство вождя с образом богатыря Манаса, тем самым расширяя круг раздумий вокруг кыргызской эпопеи. Вот его слова: «Д возможно, он был похож на сакс кого Золотого Вождя, останки которого были найдены близ озера Иссык? Кто бы он ни был, этот неизвестный вождь кыргызов, со временем он обрёл мифические черты и стал эпическим героем Манасом".

Такого же типа озарение посещает автора, когда он ведёт речь о сказителях и об истоках сказительского искусства. Он считает, что жрец, шаман могли бы быть предшественниками сказителя-манасчи. «Духи,- пишет он - любили Слово - образное, поэтическое, ритмическое. Вот почему шаманизм в теснейшей связи с развитием поэзии, эпоса и других поэтических жанров фольклора. Сочетая в себе высокий поэтический дар со знанием мифов и преданий, шаман был, по существу, и народным сказителем".

«Вольная фантазия и раскрепощенное мышление», как выражается сам автор, помогают ему вы- сказать гипотезу о некоторых исторических реалиях эпоса. Так, он считает, что город карлуков Бейтин (Бешбалык), расположенный в Восточном Туркестане, является фольклорной транскрипцией исторического Бейтина и, следовательно, отражает события, связанные с борьбой кыргызов в 840-е годы против тогузогузов (уйгуров). Думается, что такая гипотеза не далека от исторической истины.

Известно, что в любой работе можно обнаружить свои издержки, по отдельным вопросам, поднятым автором, можно поспорить, не согласиться с некоторыми положениями. Так, рассматривая мировоззренческую семантику эпоса, М. А. Убукеев находит, что влияние ислама на эпос «ничтожно». Это не совсем точно. Известно, что вариант Сагымбая Орозбакова подвержен исламизации сюжетного хода и образов эпоса наиболее интенсивно, поэтому сбрасывать ислам, который был позднейшим религиозным наслоением, было бы не совсем верно. Эпос ценен и загадочен именно в силу таких стадийных многоступенчатых явлений.

В итоге следует сказать, что культурологическое исследование М. А. Убукеева по эпосу «Манас» заслуживает всяческой поддержки, стиль изложения и поднятые проблемы не могут оставить читателя равнодушными. Это исследование, я думаю, будет работать безошибочно на жгучий запрос времени: «Кто я, откуда и зачем?». Всё это говорит за то, что эпос прочтен с позиций сегодняшнего дня и неординарно отвечает на поставленные вопросы современности.

Р. З. Кыдырбаева, доктор филологических наук, член-корреспондент Национальной Академии Наук.

Глава 1. Рождение эпоса.

Кыргызы говорят: «СЛОВО - ВЕНЕЦ ВСЕХ ИСКУССТВ». Началом начал кыргызы считали Слово. Сокровенное художественное Слово.

Сотворили, берегли и бережно пронесли его сквозь более чем двадцать столетий нелегкой исторической судьбы.

Поэтический гений народа вызвал к жизни многочисленные эпические сказания - так называемые малые эпосы - героические, лирико-романтические и социально-философские. Они достойны того, чтобы назвать их поименно: «Эр-Тоштюк», «Коджоджаш», «Джаныл-Мырза», «Эр Табылды», «Кедейкан», «Курманбек», «Эр Солтоной», «Джаныш-Байыш», «Шырдакбек», «Сказание О Сарынджи», «Томор», «Делдеш», «Мендирман», «Джаныбек», «Дяр», «Асан-Кайгы», «Олджобай и Кишимджан», «Джоодарбешим», «Сейитбек», «Камбар баатыр», «Джалаир жалгыз», «Дк-Саткын и Кулмырза», «ДК Мёёр», «Бердикоджо», «Беш казак», «Чоро»...

Этот достаточно внушительный список «малых» эпосов не исчерпывает всего эпического богатства кыргызского народа.

Многие эпические сказания не дошли до наших дней, затерявшись в песках времен.

Каждый из этих «малых эпосов» ни по объему, ни по своему содержанию и красоте не уступают лучшим образцам мировой эпической культуры и могли бы по праву стать подлинным духовным украшением любой национальной культуры. Но все они, справедливости ради следует признать, кажутся пигмеями рядом с величайшим титаном эпической культуры - «Манасом».

Эпос «Манас» занимает совершенно уникальное место даже среди величайших памятников эпической культуры мира и отбрасывает свое величие на все пространство мировой культуры. И не вина эпоса, а скорее беда, что высочайшие художественные горизонты гениального кыргызского эпоса, его неповторимый эпический мир пока остаются недоступными взору всей мировой культуры...

* * *

«8 стародавние времена, когда раннее еще не кончилось, а позднее не начиналось, появились на Алтае и Енисее люди в высоких белоснежных войлочных шапках. Вид у них был утомленный, а войлочные калпаки – серыми от дорожной пыли. То были кыргызы, изгнанные кытаями со своей древней родины - Небесных гор. Предводителя кыргызов звали Джакыпом. Он был ханом, и восемь его предков тоже были ханами. Родословное древо Джакып-хана имело восемь мощных ветвей. Самым древним был Кара-хан. От Кара-хана родился Огуз-хан, от Огуз-хана - Аланча-хан. У Аланча-хана было двое сыновей: Байгур и Уйгур. Род Байгура продолжил Бабыр-хан, от Бабыр-хана был рожден Тубей-хан, сыном Тубей-хана был Когей-хан и, наконец, от Когей - хана родился Ногой-хан, отец Джакыпа.

У Ногоя было четыре сына - Орозду, Усен, Бай и Джакып, самый младший из братьев.

Кытайские владыки решили: «Опасно, если сыновья покойного хана Ногоя соединят свои четыре головы в одном месте» и рассеяли их в четыре разные стороны.

Тенирим берсе тилегим Аябас элем барымды!

Так горько оплакивал свою судьбу бездетный Джакып, но не знал он, что в Древней Книге Судеб, которая хранилась в большой тайне от всех, в далекой столице кытаев - Бейджине, было сказано:

"Родится среди кыргызов великий богатырь Манас. Превзойдет он всех живущих на земле силой, мудростью и величием души. Освободит он кыргызов от власти кытаев и соберет их под своим крылом. Назовут его кыргызы «Манасом Великодушным». Он завоюет священный город Бейджин и будет править им шесть месяцев».

* * *

Сбылось предсказание Древней Книги, и в юрте Джакыпа родился благословенный на Земле и на Небе долгожданный сын.

Могучий голос младенца огласил окрестные горы и далекие окраины кыргызских кочевий. В честь рождения сына Джакып устроил сказочный пир и пригласил на него мудрых старейшин всех племен и народов.

Кончился пир, вынес Джакып своего сына, завернув его в полу своего чапана, и показал тарейшинам: «Вот мой долгожданный первенец. Взгляните на него и дайте ему счастливое имя».

Взглянули старейшинь на ребенка и поразились облику его: узкое темя, широкий лоб, с горбинкой нос, щедрые руки, звездные глаза - все это были приметы

необыкновенного богатыря, рожденного для великих дел.

Долго думали старейшины, какое счастливое дать имя первенцу Джакыпа, не смогли придумать. И тогда появился белобородый святой старец - утверждает народное предание.

СТАРЕЦ:

**Сонундан тонду кийипсиэ,
Чогулуп баарын кирипсиэ,
Барбы мында жумушун?
Баарын бирдей сабыркап
Кандай токтоп турушун?**

Одеты вы все в хорошие шубы,
Собрались (до единого) для какого-то великого
дела.

Вы чем-то все смущены и озабочены,
Иначе как объяснить вашу растерянность?

АКБАЛТА:

**Ат коюп берсен балага,
Алар элен, дубанам,
Калын журттун сообун.**

Если ты, старец, дашь счастливое имя ребенку,
Ты всех нас (собравшихся) выручишь и осчастливишь.

СТАРЕЦ:

**Берген болсон уруксат,
Мен коёюн атын.**

Тогда разрешите, я дам имя этому младенцу.

СВЯТОЙ СТАРЕЦ взглянул на младенца и сказал:

**Мандайы жазы, башы кууш
Кочкор тумшук, кош кирпич
Эр мунозу корунот.
Алакан жазы, колу ачык,
Аттанып чыкса жалу ачык
Алп мунозу корунот.
Кут кылган болсо жараткан
Тенирден жашын сурайлы.
Бешик боосу бек болсун,
Кундагын боосу кут болсун,
Коко тенир сактасын
Аты болсун Манас,
Ар балаадан калас.**

Узкое темя, широкий лоб, с горбинкой нос и щедрые руки - это при меты богатыря. Тигриная шея и звездные глаза - это все при меты необыкновенного витязя, рожденного для великих дел. Да благословит его создатель, да умножит его дни. Да будет имя его - Манас, да будет он счастливым!

Людям понравилась это красивое звучное имя, но никто не знал, что оно означает.

* * *

Таким образом, фольклорная традиция намекает на таинственную священную природу имени Манас. Потому оно и не объяснимо, утверждают сказители, что имеет божественное происхождение.

Мы не знаем этимологии этого древнего имени - Манас. Имя Манас, кроме эпоса, не сохранилось в кыргызской ономастике. Объясняется это, вероятно, тем, что образ кыргызского эпического героя со временем обрел определенные сакральные черты, и имя его было табуировано. До революции существовал даже своеобразный культ Манаса. Именно по этой причине народ не осмеливался нарекать этим священным именем даже очень горячо любимых своих детей: страх перед духом Манаса был сильнее любви к собственным чадам. Именно по этой причине гордое имя Манас сохранилось в одном-единственном числе в богатой и разнообразной кыргызской ономастике. Имя превратилось в Тигул, в Символ.

Ученые полагают, что имя Манас этимологически восходит к сирийскому - **Мани** - Учитель, Вождь, и объясняют это широким распространением манихейской религии в Центральной Азии в VIII веке и влиянием ее на енисейских кыргызов*.

Ученые также полагают, что широкое распространение в средние века географического названия Маниса возникло из того же манихейского корня, что и МАНИ.

Из анонимной персидской рукописи X века "Худуд-ал Алам" (по свидетельству А. Бернштама**) стало известно, что Манисой в древние времена назывался грандиозный горный хребет, вернее, совокупность горных хребтов, тянущихся с юга на север в меридиальном направлении от северной Индии и Тибета до Тянь-Шанских гор. Но с упадком манихейства и эти названия горных хребтов стерлись из людской памяти. Но исчезли не все географические названия. Народ пытался сохранить и закрепить эпическое имя Манаса на местах своего обитания в географических названиях от гор Манас в Таласе (Кыргызстан) до оазиса Манас в китайском Туркестане, от реки Манас в горах Тянь-Шаня до реки Манас в северо-западной Индии (приток Брахмапутры).

Каждый народ хочет сказать о себе как можно больше не только в настоящем, но и в минувшем времени. Следы «Манаса» уходят в предвещенные времена. О великой протяженности во времени говорят в зачине кыргызского эпоса сами сказители:

**...Ошол кунден ушул кун,
Дениз кургап чел болду.
Чел бузулуп кол болду.
Туз бузулуп тоо болду.
Чокусу квкту тиреген.
300 бузулуп саз болду.
Жер бетинде злдерден
Коп чайпалып, аз болду.
Алысындап ар жерден,
Аз кобойуп, баш болду.
Кулак угуп корбогон
Жапан келге эл бутту.
Каз-ордогу ойногон
Какыр жерге кол бутту.
Ошол кунден ушул кун
Тутуп оскон жомокто
Биздин кулак укпаган,
Ыр кошулуп, ыр кетти.
Чыр кошулуп, чыр кетти.
Кажыбаган эрлери
Калын элге бел экен.
Качан болсо бул жомок
Кайрат берер неме экен.
Кыйла кылым етсе дв
Калк баатырын жомоктоп
Карыбасы эп экен!..**

... От тех дней и до этих дни утекли, как пески.
Годы ушли чередой безвозвратной.
Столетий иссякли пространства безмерные,
Что было вчера, то исчезло сегодня:
Иссохли моря полноводные,
Горбами вздыбились просторы бескрайние,
Горы высокие стали песками.
Города многолюдные,

Племена разноликие -
Исчезли в бездне времён.
От тех дней и до этих
Дело творило - Дело,
Мысль плодила - Мысль,
Слово рождало - Слово,
Все преходяще!
Лишь Слово бесценно.
Все преходяще!

Лишь Слово нетленно.

(Перевод Ч. Айтматова и автора)

Только великий эпос способен так ёмко и кратко выразить мысль о предельности времени и безмерности духовной памяти народа.

Когда умер Манас,
Отдала Канькей приказ:
"Я воздвигну Манасу гумбез:
Пусть пройдут под сводом небес
Десять веков, десять долгих веков,
Не затронут они гумбез,
Будет чудом он из чудес
За веками пройдут века,
Но времен седая рука
Обойдет и минет его,
Будет гордый гумбез нерушим,
Будет время бессильно пред ним.

... Мастера воздвигли гумбез,-
Стал гумбез одним из чудес.
На восьмидесяти стенах
Были ясно изображены
И батыры, и скакуны,
Совершившие дело войны.
Это был нарисован рассказ
О борьбе, что возглавил Манас.

Все восхищались умением мастера, великолепием красок, но певец Жайсан-Ырчы, ратник Манаса, сказал: «В этих изображениях есть сходство, но в них нет жизни. Только Слово, сокровенное, заветное, может вызвать к жизни великие души богатырей» *.

И певец Жайсан-Ырчы запел.

Он пел о том, как прибыл Джакып, отец Манаса, на Алтай, как родился у него сын Манас, как сорок богатырей стали опорой и сердцем Манаса, как создал Манас камень из песчинок, а народ - из рассеянных кыргызских племен...

День сменялся ночью, ущербная луна - круглой, а голос Жайсан-Ырчы не умолкал. Всему есть конец, но нет конца у песни...

Вот так объясняет эпическая традиция рождение кыргызского эпоса. Где кончается поэтическая легенда и где начинается историческая действительность?

Как объясняет современная наука генезис эпоса? Обратимся по этому случаю к авторитету крупнейшего немецкого фольклориста Андреаса Хойслера**. Согласно его теории - оплодотворяющим семенем будущего эпоса может стать очень значительный и драматический эпизод из истории народа, а само эпическое сказание, по обыкновению, вырастает из отдельной эпической песни, которая, разрастаясь, превращается в последующем - в эпос.

Стало быть, драматургической завязью эпоса, его центральной осью мог стать достаточно драматический эпизод, например, «Великий поход», а сам эпос мог вырасти из первой поминальной песни дружинного певца Жайсан-Ырчы, посвященной памяти эпического героя Манаса.

Из этого следует, что основным эпическим ядром эпоса, запечатленном ранее других эпизодов, мог явиться центральный эпизод «Великого похода» и связанный с ним эпизод смерти эпического героя. Возникновение же сквозной эпической биографии героя – его рождение, первые подвиги - вероятно, носят следы более позднего происхождения и служат эпическим приемом позднейшей идеализации народного героя...

Кажется, мы на верном пути. Теперь самое время выяснить - «Великий поход» - что это такое? Что скрывается под этим эпическим названием, и имел ли он место в истории народа вообще? И еще - помнит ли история о прототипе центрального эпического героя - Манаса? Ведь неспроста говорится: «Сказка - ложь, да в ней - намек...». Не следует забывать, что мифы и легенды не создавались ради красного словца и отвлеченной красоты. Они всегда несли в себе определенный смысловой знак, иносказание, намек. Поэтому туманные намеки преданий всегда были вещественны.

Вещественны!

Тогда, стало быть, и легендарный эпический герой Манас, и «Великий поход» - не плод досужей народной фантазии, не абстрактный вымысел! Если они материальны, то их следы обязательно должны отыскаться в тысячелетних песках истории...

Глава 2. Корни и исторический фон.

Так и есть!

Следы «Великого похода» мы находим в трудах Л. Гумилева, крупнейшего тюрколога-востоковеда современности.

«...В начале IX века из глубин Месопотамии и Ирана в Великую степь - так назывались степные пространства Восточной Азии, густо населенные кочевыми племенами – вторглись несметные полчища тогуз-огузов, или древних уйгуров, исповедовавших одну из самых зловещих и мрачных религий своего времени, а именно - манихейство. Мир, согласно учению манихейцев, считался воплощением зла, а человеческое тело - порождением и вместилищем дьявола. Отсюда их разрушительная философия смерти и распада, ненависть к живому и созидательному началу - рождению, жизни, любви. Особую ненависть у них вызывали кочевники, по их понятию, носители зла.

Манихейцы двинулись на Великую степь, сметая все на своем пути, предавая смерти и уничтожению все живое, оставляя от твердого - камень, от мягкого - пепелище. И вот на широких просторах Великой степи им преградили путь древние кыргызы. Столкнулись две противоборствующие силы, две жизненные философии, два нравственных начала.

Ценой небывалого напряжения сил всего народа кыргызы одержали победу над манихейцами в двух жестоких и кровавых сражениях 840 и 847 годов, последствия которых для тогуз-огузов оказались роковыми: они были разбиты наголову и рассеяны по Великой степи, а уцелевшие остатки их поспешно отступили на Запад, и, смешавшись с местным населением, образовали новый этнос уйгуров на нынешней территории Восточного Туркестана»*.

Как некогда многочисленные азиатские хунны, ценою собственной судьбы, остановили Китайскую агрессию на Великую степь и тем самым спасли многочисленные племена и народности Евразии от китайской экспансии, так и древние кыргызы заслонили собой Великую степь от небывалой и чудовищной по масштабу «манихейской агрессии».

Двадцатилетняя война с манихейцами вконец обескровила кыргызов, несколько поколений людей понесли небывалые потери убитыми, ранеными и нервно-надломленными.

Масштабы народного бедствия были настолько велики, что запечатлелись в народном сознании как десятилетия горя и страданий. Но в этой тяжелой обстановке народ находит в себе силы теснее сплотиться вокруг своего легендарного вождя-освободителя, который не только возглавил и организовал разгром врага, но и возродил былую политическую силу кыргызов И вывел страну на широкую центрально-азиатскую арену.

Вот она, та славная и драматическая глава из истории народа, тот центральный эпизод истории, который, обретя эпическую форму, лег в основу «Великого похода». Вот он, тот мощный драматургический ствол, из которого в последующем выросли, как крылья, остальные эпические ветви эпоса.

Но пока для нас остается загадкой имя легендарного вождя-освободителя, прообраза эпического героя Манаса.

Кто он?

И тут не обойтись без помощи А. Н. Бернштама, большого знатока и ревностного почитателя эпоса «Манас»:

«По берегам могучей сибирской реки Енисей раскинулись стойбища кыргызских племен - древнейшего здесь населения. Это было мощное и отнюдь не отсталое для своего времени (VI-X вв.) государство.

Родовая кыргызская знать - Беги, имена которых древние каменотесы выбили на могильных памятниках в текстах, писанных древнекыргызским руническим письмом, вела свою родословную от мифических предков - Барсов: «Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей», - писали поэтому на могильных эпитафиях древние кыргызы.

Кыргызским Бегам тюркские каганы из степей Монголии выдавали замуж своих царевен. Беги отважны, Беги - воинственны, Беги-враги Тюркского каганата. Беги - владельцы скота, пастбищ, выданных за них китайских принцесс и тюркских княжен.

Страна кыргызов имела высокую культуру, развитое земледелие, искусные ремесла, высокое по тем временам воинское вооружение. Кыргызы вели оживленную торговлю со Средней Азией, Восточным Туркестаном и Китаем.

На Енисее в то время складывается древне-кыргызская письменность, одна из древнейших датированных письменностей на территории нашей страны. Широко славились пастбища Енисея, занятые тысячами табунами лошадей, но и не меньшей славой пользовались замечательные изделия из золота и серебра. И не случайно алчные соседи не раз поднимали над страной Кыргызов свой меч. В конце восьмого - начале девятого столетия под массированными ударами древних тюрков и уйгуров кыргызское государство было разрушено и пришло в упадок. Но пришел народный вождь, который сумел объединить раздробленные племена, собрать их в один мощный союз. История не сохранила имя этого легендарного вождя кыргызов. Под его предводительством древние кыргызы сумели сбросить не только иго иноземцев - тюрков, тогуз-огузов, но и завоевали их земли, дошли до Тянь-Шаня на Западе, до Китая на юге и до Манчжурии на Востоке»
*.

Каков он был, этот легендарный народный вождь? Был ли он похож обличем на кыргызского витязя, выбитого на скале древним художником? Или напоминал грозного тюркского воителя Кюл-Тегина, ненавистного врага древних кыргызов?

А возможно, он был похож на сакского Золотого Вождя, останки которого были найдены близ озера Иссык? Кто бы он ни был, этот неизвестный вождь кыргызов, со временем он обрел мифические черты и стал эпическим героем Манасом.

Трудно определить начало деятельности этого мифического вождя кыргызов. Однако, есть основание отнести его ко второй войне с тогуз-огузами 821-847 гг. ...

В 840 году кыргызский каган Хюн-Ву Чен Мин (к сожалению, подлинное имя его до нас не дошло, и он вошел в историю под упомянутым тронным именем, дарованном ему китайским императором Танской династии) выступил со стотысячным войском против тогуз-огузов, разбил уйгурское войско, а столицу их – Орду Балык разграбил и сжег. Преследуя уйгуров, енисейские кыргызы дошли до владений карлуков на территории нынешнего Восточного Туркестана и захватили города карлуков: Бейтин (Бешбалык) и Аньси (Куча). Сам кыргызский каган, по дошедшим до нас сведениям, погиб в 847 году.

Вполне допустимо, что этот мифический вождь кыргызов жил еще раньше - в VIII веке. Не об этом ли говорит каменная стела с древнекыргызской рунической надписью, найденная близ озера Алтын-Кёл в Междуречье Енисея и Абакана чуть более ста лет тому назад?

Эпитафия была посвящена кыргызскому кагану по имени Барс-бег, погибшему в 710-711 гг. О том, что упомянутый Барс-бег был кыргызским каганом, подтверждает другая стела, выбитая в честь тюркского вождя Бильге-Кагана, заклятого врага кыргызов.

Вот, что сообщает стела Бильге-Кагана: «...был Барсбег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру-княжну. Но он изменил (нам). И вот каган был разбит, а его народ стал рабами и рабынями...»**

«...Проложив дорогу по снегу глубиной с копье и поднявшись на Кечменскую чернь, мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в черни Сунга... Кыргызского кагана мы убили, а его Эль взяли»***.

А теперь вновь обратимся к эпиграфии кыргызского кагана Барс-бега:

«1. Десять лун она носила (меня), моя мать! Она принесла (меня) моему элю. Я утвердился на земле благодаря своей доблести. (2) Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, (оставив) его в раскаянии. Увы (4) Тем, что было на земле – моими деяниями и моей доблестью - я, Барс, не пресытился! Эль (оставив) его в... (7) О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай (свое потомство)! Мой Барс покинул и быков, (весь этот) мир, он ушел! Увы! (8) Нас было четверо высокородных, Эрклиг разлучил нас. Увы! (9) Ради моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли (этот) вечный памятник»****.

Мы остановим наше внимание на трагической фигуре выдающегося кыргызского кагана Барсбега. Приведем пространную цитату из книги известных историков культуры В. Мокрынина и В. Плоских о кагане Барс-беге: «..Барс-бег происходил из древней правящей кыргызской династии, рано остался без отца, имел четырех братьев, был страстным почитателем псовой охоты. Род Барс-бега, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне; его родственники носили редкий титул - Умай-бег. Не исключено, что кыргызский ажо (или его род), помимо светских, обладал и жреческими обязанностями по отношению к этой богине. У Барсбега были старшие и младшие братья. В условиях сложной внешнеполитической обстановки он, скорее всего, обойдя старших, выдвинулся на первое место в государстве кыргызов благодаря своим исключительным личным качествам.

Барс-бег стал во главе кыргызов, когда политическая ситуация в Центральной Азии резко изменилась. Против гнета империи Тан восстали орхонские тюрки, которые нанесли ряд поражений китайским войскам и их союзникам в степи. Они, возглавляемые членом старой династии Ашина - Кутлугом, образовали Второй Тюркский каганат. Кыргызы, как и другие степняки, не желали менять фиктивное китайское владычество на вполне реальное тюркское, поэтому совместно с токуз-огузами Баз-кагана, курыканами, отуз-татами, кытаями, татабами выступили союзниками империи Тан. В 688 г. тюрки разгромили коалицию Баз-кагана и стали полными хозяевами в степи. Кыргызы сохранили свои войска, потому что не участвовали в этом сражении. Барс-бег возглавил оставшиеся антитюркские силы на северных границах каганата. Вскоре после 688 г. он, поняв, что кыргызы сильны, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем **Ынанчу Алп Бильге**. Верховный владетель кыргызов, таким образом, бросил решительный вызов Тюркскому каганату, открыто притязая на господство в Центральной Азии,

Каган тюрков Капаган (693-717 гг.) решил покончить с кыргызской опасностью. Но первый поход его войск на Енисей во главе с принцем (впоследствии каганом) Бильге закончился неудачно: они были остановлены на границах кыргызов. Заключается мир, согласно условиям которого Капаган признал Барс-бега каганом и отдал ему в жены свою племянницу, сестру Бильге. Кыргызы, в свою очередь, видимо, обязались быть лояльными по отношению к Тюркскому каганату. Выгодный мир легализовал и упрочил положение кагана Барс-бега Ынанчу Алп Бильге, но не удовлетворил его далеких притязаний.

В начале VIII в. Барс-бег смело проводил активную антитюркскую внешнюю политику. В 707-709 гг. он направил два посольства в воевавший тогда с тюрками Китай. Дипломатическая инициатива Барс-бега по организации антитюркского союза распространилась и на Тюркешский каганат, куда направляется посольство во главе с Эзгеном. К 709 г. кагану кыргызов удалось создать мощную антитюркскую коалицию, в которую, кроме кыргызов, вошли империя Тан и Тюркешский каганат. Один из крупнейших политических и военных деятелей Тюркского каганата Тоньюкук так оценил политическую ситуацию, сложившуюся в Центральной Азии: "Каган народа табгач (китайцев) был нашим врагом. Каган народа десяти стрел (тюркешей) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган»*. Тюрки решили не выжидать, а разбить союзников поодиночке.

Из приведенного выше текста видно, что наибольшую опасность для степного гегемона представляли не далекие китайцы и тюркешы, а войска Барс-бега. С них он и начал. В 709 г. отряды тюрок форсировали верховья Енисея и разбили союзные Барс-бегу племена чиков и азов. Они заняли Туву, сделав ее плацдармом для наступления на кыргызов, но главную дорогу из Тувы по ущелью Енисея кыргызы перегородили высоким валом, следы которого сохранились по сей день. Зимой вал из бревен и снега укладывался и по льду Енисея. Преодолеть это препятствие не могла никакая армия.

Барс-бег занял важные перевалы через Саяны и, как он полагал, в полной безопасности ждал помощи от своих союзников. Но ни тюркешы, связанные войной с арабами в Средней Азии, ни китайцы, несмотря на договор, не поддержали кыргызов. Они ограничились защитой своих рубежей, бросив Барс-бега на произвол судьбы. Отчаявшийся каган, оставшись один на один с мощным Тюркским каганатом, срочно переориентировался: не позже осени 710 г. направил посольство в Тибет, который в то время враждовал с империей Тан и государством тюркешей. Посольство возглавил выходец из сильного кыргызского племени булсар Эрен Улуг. Опытный дипломат, он уже участвовал в четырех успешных посольствах кыргызов за рубеж, за что был особо отмечен Барсбегом.

О миссии Эрен Улуга кыргызский каган, естественно, не уведомил Китай, но сведения о нем умышленно широко распространялись в кочевом мире, вероятно, не столько для устрашения тюрок, сколько для активизации военных действий Китая и тюркешей. Но было уже поздно. Эрен Улуг по неизвестной причине умер (или был убит) на чужбине, Тибет не стал союзником Барс-бега, Китай и тюркешы так и не выступили в поход, зато тюркские полководцы решились на отчаянный шаг: преодолеть Саянский хребет зимой трудным обходным путем, минуя дороги, охраняемые кыргызами. В этом походе участвовали будущий каган тюрок Бильге и его храбрый брат Кюль-тегин, но фактически возглавил его старый и опытный Тоньюкук. Он отыскал изменника из народа азов, который, как оказалось, на свою беду согласился провести войска тюрок в Минусинскую котловину тайными тропами в почти неприступных горах.

Замысел тюрок удался, и их войска внезапно обрушились на кыргызов. Первое сражение произошло ночью: «На кыргызов мы напали во время их сна... проложили путь КОПЬЯМИ»**, - отмечено в древнетюркском руническом памятнике. Основные силы кыргызов были разбиты.

Уцелевших Барс-бег собрал в черни Сунга и пытался организовать отпор. Сеча была злой и упорной. Здесь показал свою доблесть Кюль-тегин: «Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол пикой - одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и эль его взяли»***.

Да, кыргызы потерпели полное поражение. Барс-бег пал в открытом бою. Тело его даже не удалось похоронить с подобающими почестями по старинному обряду. Это отмечено в эпитафии из Алтын-кёля: "Скакуна ты с собой не взял! Трех сосудов с собой ты не взял!"* Соплеменники воздвигли в честь кагана каменную плиту выше человеческого роста, где кыргызскими рунами выразили печаль по поводу его гибели. В последний раз кыргызский каган Барс-бег Ынанчу Алп Бильге был лишь вскользь упомянут в 716 г., когда на могильном сооружении в честь умершего тюркского Капаган-кагана (победителя Барс-бега) в самом начале вереницы камней, изображающих его павших врагов, был поставлен «балбал», символизирующий главного врага - кыргызского кагана***. (Мы позволили себе дословно привести здесь слова историков, специально занимавшихся вопросами ранней средневековой истории кыргызов, пленившись слогом изложения авторов. Да простят меня читатели за столь долгую цитату).

Таковы скудные исторические сведения о выдающемся кыргызском кагане Барсбеге. О других выдающихся вождях древних кыргызов, возможных прообразах Манаса Великодушного, мы не имеем сведений.

Вероятно, мы уже никогда не узнаем имя легендарного народного ВОЖдя-освободителя, прообраза эпического героя кыргызского богатырского эпоса. Но не это важно. Важно другое - выдающиеся народные ВОЖДИ прошлого оставили в наследство кыргызскому народу грандиозный эпический цикл, где их образы, как героев исторических событий, стали стержнем выдающегося эпического сказания и трансформировались в единый и могучий эпический образ кыргызского богатыря-Манаса.

Глава 3. Семантика эпоса.

Эпический цикл о "Манасе" состоит из трех частей. Первая часть - собственно сам "Манас". Вторая часть - "Семетей" (по имени сына Манаса).

Третья часть - "Сейтек" (внук Манаса) сын Семетея.

Первая часть эпоса посвящена освободительной борьбе кыргызского народа во главе с Манасом с тогуз-огузами, тюрками, каракитаями (киданями) и калмыками (тюркский этноним ойратов Джунгарии).

Первый цикл эпоса монументален. В нем много волшебного-мифологического, ирреального. Мы поражаемся и поэтической силе вымысла и одновременно - удивительному своеобразие поэтического и магического реализма эпоса.

Вторая часть трилогии "Семетей" - несколько лишена элементов фантастики и мифологии первой части сказания. Все образы здесь человечески узнаваемы, психологически мотивированы. Характеры яркие, мощные, сложные.

По жанру "Семетей" является чистой трагедией. Но в то же время, вторая часть несет в себе известные элементы волшебства и мистики первой части. Мистика здесь не реальная

явь, а скорее - трансформация реальности в сознании героев эпоса. И, наконец, третья часть "Сейтек" по сравнению с первой и второй частями - это уже

вполне реалистическое произведение с очень отдаленными отголосками мифологии и мощи первых двух частей.

Трилогия "Манас" представляется нам полноводной мощной рекой, повернутой вспять от устья к своему истоку. Все-таки будет справедливо отметить, что эта река народного творчества скудеет, как скудела тысячелетняя историческая кыргызского народа перед Октябрем. Наиболее полно народный гений выразил себя в первых двух частях трилогии - в "Манасе" и «Семетее».

Каждая часть трилогии циклична. Начало и конец каждой части драматургически закольцованы. "Семетей" начинается с исходной трагической точки предыдущего цикла и безжалостно отбрасывается драматургией эпоса к еще более трагическому финалу. Первая часть эпоса начинается с рождения Манаса и завершается его смертью. Второй цикл - со смерти Манаса и рождения его сына Семетея. Завершается "Семетей" трагической смертью героя. Третий цикл "Сейтек" - со смерти Семетея и рождения его сына - Сейтека. Весь цикл завершается чудесным воскрешением героев трилогии: Бакая, Каныкей, Семетея, Дйчурек и Кульчоро - И последующим возвращением их в потусторонний мир. Сейтек же, одолев всех своих врагов, продолжает жить в мире и благоденствии со своим народом.

Сказание о "Сейтеке" завершает трилогию о "Манасе". Продолжение сказания "О Манасе,) можно проследить и дальше, правда, это уже не полноводные реки народного творчества, а скорее худосочные фольклорные речушки, малоизвестные в народе: "Эр Сары к"

"Сказание о Алымсарыке" "Сказание о Кулансарыке"

"Эр Кенен", "Дкаяр батыр", "дк жол батыр".

На „Дк жол батыре» эпический цикл о "Ма- насе» полностью исчерпывает себя.

Одна из уникальных особенностей "Манаса", поражающая воображение - его необъятность, не имеющая аналогов в мировой фольклористике. "Манас» по своим грандиозным мас-

штабам превосходит все эпические произве-

дения мира. Только первый цикл эпоса по варианту Сагымбая Орозбакова составляет 183 тысячи стихотворных строк, 263 печатных листа. Вариант эпоса, записанный со слов Саякбая Каралаева, составляет более полу- миллиона стихотворных строк, или 750 издательских печатных листов, что составило бы двадцать объемистых томов книжного издания.

Целый океан! В эпосе «Манас» поражает не только неохватный океанский разлив его повествования, но и поистине океаноподобная глубина его содержания и эпических образов. И в этом, пожалуй, удивительное единство внешнего и внутреннего мира эпоса.

Итак, цикл первый. «Манас». В те стародавние, эпические времена зрелость наступала рано. Непрерывающиеся истребительные войны требовали постоянного пополнения армии людскими ресурсами. До тридцати многие не доживали, пятидесяти- летние считались глубокими стариками. Об этом свидетельствуют многочисленные захоронения молодых воинов. В 15 лет юноша считался зрелым мужем и воином, а девочка в свои 13-14 лет - невестой. «С колыбели от- важен мальчонок, девчонка красива с пеленочкой»,- говорится в эпосе.

Двенадцать лет - возраст возмужания эпических героев. Но Манас не стал дожидаться положенных эпической традицией своих двенадцати лет и первые подвиги совершил в девятилетнем возрасте.

Крепко запомнили предсказания Древней Книги кытай и пуще смерти боялись рождения в стране кыргызов мальчика по имени Манас. Вражеские лазутчики сновали по всем обширным кочевьям кыргызов от Алтая до Небесных гор, выискивая мальчика по имени Манас, и угоняли в далекий Кангай всех мальчиков, носящих это ненавистное имя - МАНАС.

Джакып знал о смертельной опасности, грозившей юному Манасу. Он собрал всех своих соплеменников и потребовал от них клятвы держать в строгой тайне имя своего сына, и кыргызы поклялись не выдавать имя юного героя. Манаса нарекли временным именем «Чоті Жинди», что означает «Большой Буян».

Однажды на охоте юный Манас отстал от своих сверстников. Вдали, на гребне горы, он увидел пятерых юных всадников и, думая, что это его друзья, подъехал к ним. Когда он приблизился, то увидел, что это были незнакомые мальчики с черными лицами вместо лиц. Они обступили его с разных сторон, молча наезжали на него конями. Один из них вытянул плетью коня юного героя, и конь понес Манаса. Чернолицие мальчики молча гнали Манаса впереди себя и нахлестывали его лошаадь. То были Чилтены - малые божества. И было их числом сорок.

Юный МАНАС: Силер ким БОЛОСУтлар? Кто

вы такие? **Один из Чилтенов:** Биз; кырк чилтенбиз. Мы - сорок святых. Жумгун, бала, КБЗУНДУ! А теперь закрой глаза, мальчик! (Юный Манас послушно закрывает глаза и его внутреннему взору, как наяву, предстает огромное ВОЙСКО, закованное в синюю броню. Впереди войска - грозный витязь СО скрытым боевой защитной маской лицом).

Юный МАНАС (с закрытыми глазами): Бу кадимки КБП аскер, ажыдаардай суру бар, КБК темир кийген ким БЗУ? Чье это войско, КТО этот грозный витязь СО скрытым лицом?

Один из Чилтенов: Аскердин баары сеники,

ажыдаардай суру бар КБК темир кийген сен бзут! Это войско твое, а грозный витязь в боевой маске - это ты сам! Башына мушкул иш ТУШСб, эсит1е бизди салып кой, келип жардам беребиз! Вспомни о нас, когда тебе будет трудно, и мы явимся к тебе на помощь! (Когда юный Манас открыл глаза, никого вокруг не было).

Рос Манас буйным и непоседливым. Семи лет затевал драки с молодыми воинами и одолевал их. Устраивал со своими сверстни-ками игрища и резал для них бесчисленное количество отцовского скота. Обижал проезжих купцов и паломников. Много подвигов совершил юный Манас, достойных настоящих витязей. Множились подвиги юного Манаса, но и множились враги кыргызов на Алтае. Однажды Манас заколол девять белых кобылиц и созвал со всего Алтая своих родичей и друзей. Вернулся в аил избитый, истерзан-ный в неравной схватке отряд. Вернулись кони без седоков, выли бабы и голосили мужчины. Отец Манаса, Джакып, сказал Слово:

Башчысы болбой марыбайт, Баш аламан жары байт,

. Ханы болсо кор болбойт,

Жайыт болбой мал болбойт,

Жабылса кытай жан койбойт. TereperHи ба ары жоо,

Калкалайм десе'и жаНЫИДЫ, КВТВРҮIер ханы#IдЫ.

Калаба кылса капырлар Кайрат кылган бололук, 8луп калсак кокустан Бнр ЧУIиКурга тололук,

Тнруу болсок баарыбыз Бнр д вбвд в бололук.

Калкка кабар салалык, Кайраты бар бнрвв'иДУ, Хан квтрвуп алалык.

Как не бывает пастбища без скота,

Так не бывает народа без вождя-предводителя. Хан - опора и рукоять народа,

Жить без хана - не миновать беды.

Если кытаи поднимутся грозным валом, Они сметут и уничтожат всех нас. Вокруг одни недруги,

Если мы не хотим стать жертвой врагов, Мы должны избрать своего хана.

Если погибнем - заполним одну яму.

Если будем живы - соберемся на вершине кургана.

Известим весь народ - проявим единство, И самого отважного

Возведем в достоинство хана.

Джакып закончил свою речь, и воцарилась долгая тишина: каждый желал сам стать ханом и не желал никого выдвигать.

ДЖАКЫП:

Кана чыгы~рчы хаНЫ~р, Чыгым тозор жаны~р,

Калп айтпаган чыны~р, Казатка чыгар ТЫIфb/~р,

Кандыкка бнри'и чыгы~р!

Беттешкен жоого белдуулвр, 8ткур чечен тилдуулвр!

Акнмднк жонун билуулвр!

Выходите, жаждующие быть ханом,

Выходите, готовые понести (ради этого) убытки,

Выходите, правдолюбцы,

Выходите, храбрые ратники,

Выйдите, наконец, кто желает быть ханом! Выходите, сильные духом (против врагов),

Выходите, мудрецы речистые,

Выходите, властители, умеющие повелевать!

Мальчик АЙНАГУЛ (*переглянувшись с другими мальчиками*):

Ой, калайык!

Чеге минген ак башты Ай талаада сойгонбуэ, Манас деген баланы

Хан кватруп койгонбуэ.

Мы на большой охоте зарезали белую ло- шадь Манаса, подняли его на войлоке и объя- вили ханом.

Юный СЕРЕК:

Пусть выйдет вперед, кто считает себя от- важней, мудрей и благородней Манаса! ~

...

АКБАЛТ А, отец Чубака:

Зря время теряем: нет среди нас

равных Манасу. Он самый отважный, самый сильный,

самый мудрый и самый благородный.

Быть ему ханом! 118

Юные ДРУЗЬЯ Манаса:

Пусть будет МАНАС. Быть МАНАСУ ханом, МАНАС, МАНАС!

..

ЛЮДИ все вместе: .. ~

МАНАС! МАНАС! Бар бол, МАНАС! Живи, :~ МАНАС! "~,

Юный ЧУБАК:

Он стесняется. Держите его! (Мальчики с хо- хотом ловят Манаса и несут его на руках.

Юного

- ~

Манаса наряжают в сверкающий золотой костюм, на голову надевают высокую золотую шапку, сажают его на белый, как лебедь, вой- лок, и Акбалта вручает ему плеть с золотой рукояткой - символ власти):

В мирные дни щитом нам служи!

В дни боевые будь острым копьем!

Юный ЧУБАК:

На врага ли поспешно ударить - Как один общей силой ударим. Или дикого зверя облавить -

Как один общей лавой облавим! (Чубак целует лезвие меча).

МАНАС:

ТЫ, Чуба к, будешь первым из сорока моих дружинников-братьев.

Юный СЕРЕК:

Будем эхом твоим, Будем тенью твоей,

Будем плетью твоей.

Повиновеньем не замедлим, Порядка не нарушим! (целует лезвие меча).

Воины и юные дружинники погружают пра-

вую руку в чан с дымящейся кровью белой ри- туалльной кобылицы (хором все вместе):

Убададан тайгандь/, Кийин ибеп жегенди,

Киргеним жак дегенди, Твбвсу ачь/к Квк урсун! Тешу туктуужер урсун!

Изменившего клятве,

Пусть покарает открытая бездна

Синего Неба, Пусть накажет мохнатая грудь

Черной Земли, Пусть прольется (его) горячая кровь!

Появляются сорок чилтенев и святой старец, давший когда-то имя Манасу.

Святой СТАРЕЦ (*подает Манасу золотую стрелу*):

Наложу эту золотую стрелу на тетиву своего лука в самый трудный час своей жизни, и она поразит твоего врага (старец исчезает).

(Воины поднимают Манаса на белом войлоке).

До вечерней зари сидел юный Манас на белом войлоке, а старейшины родов, мужи и воины, поочередно подходили к нему и, целуя его меч, приносили ему присягу, беря в свидетели своей клятвы вечную душу Неба и мохнатую грудь Земли.

И стал Манас вождем кыргызов. Тяжелым бременем легла на юные плечи его ответственность за весь кыргызский народ. Юноша стал зрелым мужем. Было тогда Манасу пятнадцать лет. Отныне много славных дел предстоит сделать Манасу: число своей дружины он доведет до сорока, из песка он сделает камень, а из разрозненных кыргызских племен - народ.

*Расчлененный народ Он воедино собрал. ;""i,, ~ А раздробленный народ ;,)~", ;)
Он в одно тело спаял*

Глава 4. Эпические образы эпоса:

Манас – великодушный.

Витязь лишенный родины.

Жена вождя.

Лицо коня.

Итак, юный Манас был возведен в достоинство хана, и власть его теперь простиралась над всем сорокаплеменным кыргызским народом - от Алтая и до истоков Семи Рек и Небесных Гор.

Даже племя его - МАНАС! Даже пламя его - МАНАС! Даже знамя его - МАНАС! Даже имя его - МАНАС!

Всех превзошел Манас мудростью и величием души, но он еще не готов к великим подвигам, предначертанной ему судьбой, ибо не достиг еще эпического совершенства: не хватает ему еще двух необходимых штрихов для полноты эпического образа - нет у него еще верной и мудрой жены Каныкей, которая видит приближение беды за шесть месяцев вперед, предупредит и заслонит Манаса от нее; нет у него еще друга-побратима и верного соратника Золотокосого Алмамбета, который поможет ему одолеть врагов, который много раз вызволит героя из беды и неоднократно спасет ему жизнь.

В эпосе образ богатыря Манаса предстает как воплощение народного духа. Образ Манаса представлен в эпосе как могучий собирательный образ, вобравший в себя лучшие народные черты: доблесть, честь, отвагу, справедливость, великодушие.

Вот как описывают образ Манаса сказители эпоса:

Асман менен жери | дИИ Тирввсунвн бүткөндөй, Айыц менен КУНУ# | дУН

Жаркынынан бүткөндөй. Ай аЛдында булуттун

Салкынынан бүткөндөй. Алды калың кара жер,

Салмагынан бүткөндөй.

Словно создан из опоры Чеба и Земли Манас.

Словно соткан из света : 'олнца и Луны Манас.

Словно собран из прохлады Подлунных облаков Манас.

Словно создан из тяжести

Толщи земли - МАНАС!

(Адекватный перевод автора)

Много чудесных поэтических строк посвящено в эпосе богатырям, но вершиной поэтического творения народа является центральный образ эпического героя - Манаса.

Вокруг Манаса концентрируются все события эпоса. Сюжет движется благодаря эпическим подвигам Манаса. Манас - прежде всего вождь народа, первый среди лучших, благодаря своим выдающимся личным качествам резко выделяется из богатырской среды своих дружинников. Он воплощение эпического идеала народа.

Главная черта героя - душевная широта, благородство и величие души. У Манаса много эпических стереотипных эпитетов - Сивогривый, Лев, Тигр, Леопард, - но главной эпической характеристикой героя является не физическая сила и храбрость, а душевные качества - Благородство и Великодушие. Манас - обладатель великой души и огромной духовной мощи.

Поэтому самый почетный эпитет «Айкел» - «Великодушный» - применяется строго только в адрес самого Манаса, в то время как другие, не столь высокие эпитеты и сравнения, раскрывающие такие черты, как отвагу, доблесть, силу, мудрость, дальновидность - применяются одинаково ко всем героям эпоса.

МАНАС ВЕЛИКОДУШНЫЙ является носителем самого высокого нравственного идеала народа, и недаром сказители эпоса выделяют именно эти нравственные качества своего любимого героя.

Доверчивость, великодушие, доброта Манаса иногда оборачиваются ему во вред. Так, Манас становится жертвой собственной доверчивости и в итоге погибает от вероломства и коварства своего эпического врага Кожурбая.

«Эрдигит бар, эсит жок» - «Ты отважен, но простоват», - иногда упрекает Манаса его жена Каныкей.

Не случайно, что именно нравственные качества, а не физические стали добродетелями Манаса и Семетея: у древних кыргызов правдивость и честь считались главной добродетелью человека. Правда возводилась в степень священного культа. Поэтому древние кыргызы наряду с древними хуннами и саками считались самыми добродетельными и честными - и в силу этого - нередко становились жертвою обмана своих оседлых соседей, наделенных дипломатической изворотливостью и лицемерием.

О священном почитании Правды свидетельствуют магические клятвы:

tt Убададан тайга""ы

Твбвсу ачык квк урсун! Твшу туктуу жер урсун!»

"Изменившего клятве, пусть покарает открытая бездна

Синего Неба! Пусть накажет его мохнатая

грудь Земли!»

Страшное заклинание, если помнить, что Небо - это «Кек Тетир» - «Верхняя бездна», божество мужского начала, а Земля хтоническое женское божество.

Центральный образ эпического героя дополняется в эпосе дружинниками Манаса, его друзьями и врагами. Все пестрое и многоликое окружение Манаса рельефно и выгодно оттеняет выдающиеся эпические достоинства кыргызского вождя. Он служит прекрасным живописным фоном для создания монументального и цельного образа народного героя. Сказители эпоса применяют всю палитру словесно-живописных средств для портретной и психологической характеристики соратников Манаса - Кошойа, Бакая, Чубака, Сыргака, Серека, Аджибая, Кокчо.

Но в психологической характеристике второстепенных героев все же доминирует какая-

либо одна окраска, а вместе эти отдельные сколки разноликих характеров составляют как бы единую и цельную монументальную фреску, из которой проступают бессмертные черты МАНАСА ВЕЛИКОДУШНОГО. Происходит как бы коллективное дублирование образа главного эпического Героя.

Народ наделил любимого героя всеми совершенными физическими и нравственными качествами, создал собирательный эпический и психологический образ идеального народного героя.

Манас, как некое солярное божество, возвышается в эпосе над всеми своими друзьями и врагами. И чем ближе к нему стоят персонажи эпоса, тем больше на них отраженного света величия его души, тем колоритнее и живее их образы.

Каждый из положительных героев эпоса примечателен прежде всего тем, что является верным соратником кыргызского вождя, проявляет верность его делу.

Для каждого из сорока дружинников Мана-

са - Честь и Слава, а его имя служит им

боевым кличем. И даже враги, представляющие крайние полюсы характеров, служат опять-таки для того, чтобы лучше и полнее оттенить образ центрального эпического героя.

До революции в Кыргызстане существовал своеобразный культ Манаса.

В философии есть такое понятие, как эвгемеризм, согласно которому боги и герои - это обожествленные великие люди прошлого.

. Наш крупный ученый и замечательный историк культуры Владимир Петрович Мокрынин придерживается иной точки зрения. Он считает, что когда-то на заре нашей истории Манас был божеством, а именно - богом войны, как Сульдэ, например, у монголов. Но затем он вышел из пантеона богов и, постепенно утратив сакральные черты, превратился в героя эпического сказа кыргызов. Недаром Манаса постоянно сопровождают аллегорические спут-

ники как Лев, Сивогривый волк, Тигр, Барс, мифическая птица - Алпкаракуш. Вспомним греческую мифологию, греческие боги тоже имели подобных аллегорических спутников: Зевса постоянно сопровождал Лев, Артемида - Лань, Афины - сова.

Эпос стал для народа господствующей художественной идеологией, которая заменяла отсутствие многих видов искусств. Да и в наши дни редкий кыргыз не знает сюжет эпоса и не может не продекламировать на память избранные и полюбившиеся места из эпоса.

Исследователи «Манаса» отмечали странное наркотическое действие эпического сказа на слушателей. Эпос служил для черного люда как бы психологическим допингом.

Слушая сказ о Манасе, люди погружались в надреальный мир эпоса, забывая о своих заботах и тяготах, мысленно отождествляли себя с героями эпоса, проживали вместе с ними полную опасностей и приключений чудесную

жизнь и таким образом - заслонялись от жестокой реальности иллюзорной и красивой мечтой.

Среди положительных героев эпоса особое и почетное место занимает образ Алмамбета, витязя, лишённого родины. Китаец по рождению, он становится самым верным соратником Манаса и его другом-побратимом. Алмамбет - самый достойный витязь после Манаса. Он также, как и Манас, отважен, честен, справедлив и превзошел всех величием души. А в учёности и воспитании он даже превзошел Великогодушного, ибо - царевич по рождению, он постиг тайны магии и колдовства у страшного шестиглового дракона. Алмамбета в эпосе называют «Золотокосым». Когда-то, трехлетним мальчиком, он подвергся испытанию огненной бездной и вышел оттуда невредимым, только маленькая коса его из черной сделалась золотой.

Он проникнет в тайну чудес, Он постигнет голос небес, Он развяжет узлы речей, Он отрубит концы мечей.

_?~

По версии Сагымбая Орозбакова, Алмамбет покидает родину из религиозных мотивов. Сказитель Саякбай Каралаев объясняет переход Алмамбета к Манасу не только религиозными мотивами, но и политическими причинами.

В поисках кыргызской земли Алмамбет по- дает к казахскому хану Кокчо. Девять долгих лет он живет у хана Кокчо, добывая ему славу и богатство. Соплеменники казахского хана из зависти к Алмамбету клеветуют на него, рас- казывая Кокчо о мнимой связи Алмамбета с его женой Акеркеч...

* * *

Кто-то из прислужников поднимает полог юрты, входит Алмамбет. Скучившись вокруг Кокчо, его люди выслушивают последние на- ставления своего хозяина и не сразу замечают вошедшего Алмамбета. Алмамбет молча оста- навливается на пороге юрты.

АЛМАМБЕТ:

Квч жарык! Светел вечер!

ЛЮДИ (*поспешно отпрянув от Кокчо, враз- нобой*):

Бар бал, баатыр. (Вскакивают со своих мест). Живи, баатыр.

КОКЧО (*гневно*):

Ажыдаар башын салдыбы?

Арстан кирип калдыбы? Аппай казак баарыңды Арбак уруп салдыбы?

Оолактап кайда бардыңар? Орду-ордуңдуалыңар!

Неужели просунул голову дракон? Или явился грозный лев?

Что случилось с вами, казахи, Или вы все лишились разума? Отчего вы повскакивали в па нике со своих мест? А ну-ка, займите свои места!

Все молча рассказываются по своим местам. Без места остается один Алмамбет. Наступает тягостное молчание. Быстро оценив обста- новку, Алмамбет проходит на почетное место, ступая по сидящим казахам, и опускается рядом с Кокчо, как бы невзначай прижав его колено.

КОКЧО (*побледнев от боли, с трудом осво- бождает колено*):

Кангайдан келген кытайды

Кет десе,.ер болбойбу!

Жергесине калмактын,

Жет десе,.ер болбойбу!

Жумуран калгыр журт болбой,

СураганьИН ал дечи,

Сурданбай жолго сал дечи!

Скажите этому кытаю, пришедшему из Ка нгая, пусть - уходит!

Скажите этому калмаку - пусть убирается, откуда явился!

Эй, родичи вы мои недостойные,

(будьте Вы неладны),

Объявите же ему мою волю: пусть забирает, чего желает.

И убирается восвояси, не пугая своим грозным видом.

ДЛМДМБЕТ:

Айныбагын сен, Квкчв!

Айтканы,.ды бер, Квкчв!

Казатка чыгар касым бар,

Жан кыйнасам, Эр Квкчв
Сага айтууга датым бар.
Каалаганым Кегала,
Камсыкканым Квккубв.
Аты, ды берчи минейин,
Арстандыгын билейин!
Тону#СДУ берчи киейин,
Тойгону"ду билейин!
Басташып жургвн душманга
Барып мен бир келейин! "с...
Ловлю тебя на слове, Кокчо!
Отдай обещанное, Кокчо!
Есть у меня враги на ристалище,

*Есть у меня недруги, вышедшие из родичей. Брат ты мой единоклубный,
Мой несравненный витязь Кокчо. Есть у меня просьба к тебе:*

Я желаю коня твоего - Когала,

Я мечтаю о шубе твоей - Коккубе. Отдай мне коня, я оседлаю его, Отдай мне шубу, я одену ее.

Я выведу против врагов наших - Недругов и одолею их всех!

КОКЧО:

Алмурут чыккан жерлерге Ит мурун чыгат дечу эле Ит ичпей турган ашынан Умут этет де чу эле.

Арстандын баскан жеринен Аюу жойлоп турарбы?

Атымды сурап бул калмак, Муну кудай урарбы?!

Я слышал, что рядом с благородным деревом Алмурут иногда растет шиповник - Ит мурун.

Я слышал, что собака мечтает О еде своего хозяина.

Разве дозволено медведю ступать по следам льва?

Или этот калмак лишился разума, Требуя моего коня?!

АЛМАМБЕТ (гневно):

Алмурут Квкчв сен болсоц,

Ит мурун жыгач мен болсом, Мен да куруп калайын

Ит Квкчв сенден кем болсом!

Арстан Квкчвм сен болсоц

Лапшыйган аюу мен болсом Аныктап арбак урган го

Айбаным сенден кем болсом!

Значит, благородное дерево - это ты, Кокчо, Значит, сорняк - это я, Кокчо! Да будь я проклят, если я

тебе, пес, в чем-то уступлю!

Значит, грозный лев - это ты, Кокчо,

Значит, лохматый медведь - это я, Кокчо. Да пусть побьют меня духи,

если я тебе, скотина, в чем-то уступлю!

КОКЧО:

Калмакты кудай ура бы, Катылганы турабы?

Кет дегенде не кетпейт,

Кесенип калмак не кектейт?

Неужели этот кал мак лишился разума, Неужели он решится напасть (на нас)? Почему он не уходит,

Почему он ярится и нянчит свой гнев?

АЛ МАМ БЕТ:

Айтканы#Шан танбагын, Убададан тайбагын.

Алып кел, Квкчв, колу~у!

Не отрекайся от своих слов,

Не отказывайся от своих клятв.

(Будь мужчиной), дай руку, Кокчо!

Алмамбет с силой встряхивает руку Кокчо, так, что она чуть не отрывается. Кокчо вскрикивает от боли. КОКЧО:

Кармагыла калмакты

Качпасын чыгып жылыгтап, Твккулв канын кылычтап!

Хватайте калмака, Не дайте ему уйти, Прапейте его кровь и изрубите его мечами.

С ревом срывается с места Алмамбет, голу- бой молнией взметнулся его меч. И в это время

в юрту вбегает Акеркеч, жена Кокчо, жестом останавливает Алмамбета и людей Кокчо, готовых броситься друг на друга.

АКЕРКЕЧ:

Токтогула жарандар!

врт вчквнд8Й кылбагын,

Бири#Ши бири'и кырбагын!

Ишенсе'и, Квкчв, МУНУ'и кой, Ишенбесе'и бу свзгв

Азгырган мен экенмин

Аны кой да, мени сой. Кетсе дагы Алмамбет, 8лсв дагы Алмамбет,

8зVIC вчуп каларсы'и!

Остановитесь, люди,

Не гасите зажженный огонь,

Не погубите (нечаянно) друг друга!

Поверь мне, Кокчо, и прекрати этот вздор, А если не веришь моим словам, Оставь его в покое и расчлени

меня, якобы соблазнившую (его). Но крепко запомни мои слова: Если даже уйдет

Алмамбет, Если даже умрет Алмамбет, Ты погибнешь - иссякнешь И погаснешь, мой свет!

Алмамбет мечом расчищает себе дорогу и

выходит из юрты вместе с Акеркеч.

Окраина аила Кокчо. Вечер. Алмамбет на коне.

АКЕРКЕЧ:

Баи калкалар жери'и жак, Жайнаган кытай Эли'и жак, Кай жерде болор ТурарbГ'и?

Нет земли, которая бы тебя приняла (Оказала бы покровительство),

Нет кытаев, твоего многочисленного народа, Куда ты хочешь направиться?

АЛМАМБЕТ:

Батарыма тоо да жак, Барарыма жер да жак,

Баи калкалар эл да жак!

Калкылдап кайып учармын, КайыI IдЫ кврсвм конормун, Кайышпай кайы'и квтврсв Как ошо жерде болормун.

Нет гор, которые бы приняли меня,

Нет земли, куда бы я мог направиться,

Нет народа, где бы я мог найти пристанище (Спрятать свою голову). Полечу я отсюда плавно,

Покачиваясь в воздухе.

*И если увижу березу, опущусь на нее,
И если она не прогнется тяжело и выдержит меня, Я совью гнездо на ней.
(Я останусь в том месте).*

АКЕРКЕЧ:

*Ак жибектен тор жайдым Абада туйгун кушума, Эмки свзгв квнбсвlf
Тапшырам, аяш, тузума.*

*Баи койдум аяш сен учун, Манаска барып тийип вт, Насыятым тындап вт,
Арстан Манас баатырды Аз имерип сындап вт!*

Билимдуулвр кеп айткан, Ми., кунчулук бейшиштен

Бир кунку жарык деп айткан.

Я раскинула сеть из белого шелка

и надеялась удержатъ в ней белого

сокола, парящего высоко. Если ты не исполнишь мою просьбу,

Я прокляну тебя своим хлебом-солью. Я без раздумья готова принести себя

в жертву ради тебя, ПРИСЛУшайся к моим наставлениям и выполни их. Поезжай к Манасу и испытай его! Мудрецы говорят:

один день дневногo света

лучше тысячи дней небесного рая!

Алмамбет уезжает. Акеркеч смотрит ему вслед.

Образ китайского витязя, лишённого родины, вынужденного жить на чужбине и воевать с собственным народом, глубоко трагичен и прекрасен. И несмотря на то, что он принят и обласкан Манасом, а богатыри и друзья кыргызского вождя оказывают ему высокие почести, чувство неполноценности и неизбежной тоски по родине не покидают его. И несмотря на шумное и многолюдное окружение на новой родине, Алмамбет по настоящему одинок и несчастен.

На примере Алмамбета сказители эпоса иллюстрируют извечное представление кочевника о родовом сообществе, как о большой семье, выход из которого грозит члену этого рода большой бедой и даже смертью.

«Белунгенду беру жейт», - говорится в эпосе («Отделившийся станет пищей волков»).

«Волк» - В данном случае - иносказание: недруг, чужак.

«Кочевое... мироощущение и связанный с ним стереотип поведения были таковы, что выход из рода рассматривался как самое большое несчастье»*.

Покинув ставку Кокчо, Алмамбет по просьбе Акеркеч, жены Кокчо, направился на Запад в пределы кыргызского вождя Манаса. Одинокий, голодный, смертельно усталый, он ехал, опустив поводья, вдоль тихой заводи. Над мокрым лугом чертили воздух мелкие водоплавающие птицы, то и дело грузно поднимались тучи уток и гусей. За Алмамбетом увязался писклявый чибис: вероятно, где-то поблизости было его гнездо.

АЛМАМБЕТ:

Б/эылдаба ызгыч куш!

Канаттуудан сен жалгыз, Кара баштан мен жалгыз. Бала~ менен ишим жак. Бара турган кишим жак.

Койсо~чу, ызгыч, зордобо, Жолумду тосуп торгобо.

Не голоси ты, птица-чибис,

Мне нет дела до твоих птенцов. Из крылатых ты одинокая птица,

Из людей - я всеми покинутый (одинокий). Я еду сам не знаю куда.

Не мешай мне, птица-чибис,

Не летай поперек моего пути.

Но не послушалась птица-чибис, стала чертить воздух возле самого лица Алмамбета. Тогда

. Л. Гумилев. "Хунны в Китае», М. 1974 Г., с. 16.

Алмамбет опустил руку в колчан со стрелами и ранил чибиса в крыло. Он поднял чибиса с земли, и ему стало жаль птицу.

АЛМАМБЕТ:

*Тийбегин десем болбОДУИ. Тутиреп жолум ТОРГОДУИ,
Тийгенден кайсыл ОНрОНУИ? АлҗКараН чвдв сен БОЛДУИ Ач арстан мен болдум.
Я же просил тебя, птица-чибис, Оставить меня в покое, а ты
Меня не послушалась и что из Этого вышло?*

И вот нас двое: ты раненая птица - Чибис, и я, - одинокий Голодный лев.

Алмамбет специальным снадобьем смазал крыло чибису и пере вязал шелковой ниткой и, когда птица отдохнула у него на руках, выпустил ее, и она улетела к своим птенцам.

* * *

IIIаНас видит вещий сон о прибытии Алмам- бета и выезжает со своей дружиной навстречу китайскому витязю.

С вершины горы Мойнок он видит силуэт далекого всадника и догадывается, что это Алмамбет. Желая испытать Алмамбета, он посылает ему навстречу самых отважных своих дружинников с приказом напугать его внезап- ным нападением.

Пятеро дружинников - Чубак, Сыргак, Ажы- бай, Кутунай, Чалыбай, спрятавшись за хол- мом, пропускают мимо себя Алмамбета и с громкими воинственными воплями и барабан- ным боем скачут на Алмамбета с пиками на- перевес. Но их с<психическая атака" не произ- водит впечатления на Алмамбета, и он не обра- щает на них никакого внимания. Сконфуженные дружинники присоединяются к Алмамбету и молча следуют за ним к Манасу, который поджидает их на вершине холма у шат- ра с остальными дружинниками.

Старый Джакып-хан, отец Манаса, совершает обряд побратимства и объявляет кровными братьями Манаса и Алмамбета. Отныне судьба Алмамбета переплетается с судьбой Велико- душного. Он станет эпическим двойником Мана- са и его продолжением. Отныне он разделит не только всенародную славу и почет кыргызского вождя, но И трагическую горькую судьбу Манаса.

Отныне они - Манас и Алмамбет - уже не смогут жить врозь и действовать порознь. Их жизни сольются в единую судьбу, их мысли станут схожими, их деяния - слитными. И не случайно Алмамбет женится на самой близкой подруге Каныкей - Арууке и почти одновременно с Манасом найдет свою герои- ческую кончину. Даже вкусы и прихоти двух эпических героев проявляются одинаково. Од- новременно с Манасом Алмамбет увлекается красивой невольницей, дав повод единствен- ному между ним и Манасом конфликту.

* * *

Берег озера. Пасмурный день. Манас, Ал- мамбет и пленница Алтынай.

АЛМАМБЕТ:

*Айкандын кызы Алтынай, терем, Ургаачынын сулуусу экен,
Карасурдун нурдуусу экен.*

Касиеттуу киши экен, терем,

Караберктвн мыкты экен, терем, Мага кыйса~ ыктуу экен, терем.

Дочь Айкана Алтынай, мой господин, Редкая красавица среди женщин,

Необыкновенной красоты (лучистая смуглянка). Она краше Карабёрк (вашей жены- красавицы), Она святая, мой господин,

Пожертвуй ее мне, мой господин.

МАНАС:

*Айкандын кызы Алтынай, чарам,
Тал чыбыктай буралган сулуу экени дагы чын,*

*Узулгвнду улаган мыктуу экени дагы чын. Олжага тушквн арууну, чарам,
"Мага бер"- деп кыйнаба, чарам,
Оюцдан кайткын, таламна, чарам!
Дочь Айкана - Алтынай, мой витязь,
Как хворостинка тонкая, красавица - И это тоже верно.
Редкая умница, которая свяжет разорванное -
И это тоже верно. Но не проси ты ее и не требуй у меня, Она мне самому нужна, о мой
витязь!*

АЛМАМБЕТ:

*Алдымдагы Сарала, терем,
Куладан жаман мал эмес, терем,
Манастан Алмали кем эмес, терем! Алма маюн арууну, терем,
Саагатка мага кыйбасали, терем, Анты-верТИИ майНУ#(8, терем,
Жер дебеймин Таласты, терем, Эр дебеймин Манасты, терем!
Мой (скаун) Сарала подо мной, мой господин, Ничем не хуже твоего Ак-Кула
(Саврасого). А Алмамбет ни в чем не уступает Манасу. Если ты не отдашь мне
Красавицу-пленницу, мой господин,
Если ты не пожертвуешь ею для меня,
Я порву священные узы (связывающие нас) И верну твои клятвы,
Я не назову Талас своей землей, мой господин,
Я не назову Манаса своим вождем, мой господин.*

МАНАС:

*Кек алба менин кебимди, чарам, Сынадым эле сени бир, чарам,
Айлансын сенден алжа кыз, чарам, Ат кетуне салып кет, чарам,
Каалаган жакка алып кет, чарам!
Не обижайся на мои слова, мой витязь, Я решил испытать тебя, мой витязь.
Да будет жертвой твоей красавица-пленница,
мой витязь. Посади ее на круп коня, мой витязь,
И увези ее на все четыре стороны, мой витязь!*

* * *

Всюду в эпосе подчеркивается их неразлучность, спаянность и неделимость. Манас и Алмамбет являются собой классический пример идеальной рыцарской дружбы, основанной на равенстве, доверии и благородстве двух равных по духу и рождению витязей.

Вероятно, из нашего исторического далека такая идеальная рыцарская дружба может показаться фольклорной причудой, но для тех стародавних времен с их особыми и своеобразными представлениями о мужском кодексе чести, такой факт мог быть не столько исключительным, сколько привычным.

Побратимство - это не досужий вымысел

или фантазия гордых на выдумку сказителей эпоса, а жизненно узнаваемая реальность той далекой кочевой эпохи. Древние кочевники свято чтили и верили в магическую силу Слова и Клятвы. '~

Кочевое сознание и родоплеменной кодекс ~ чести превыше всего ценили мужскую дружбу - побратимство, и ради этой обретенной родственности друзья-побратимы иногда прино- "сили в жертву друг другу даже своих верных." жен и любимых наложниц. Образ Алмамбета, витязя, лишённого роди- ны- один из самых выдающихся и трагических образов не только в кыргызском эпосе, но и во всей мировой фольклористике. С выходом Алмамбета на арену эпоса, усложняется драма- тургия («Манаса»), появляется новая пронзитель- ная и щемящая тема утраченной родины, пси- хология героев усложняется, поднимается до подлинно трагедийных высот. На арену высту- пает рефлексирующий герой, пораженный одиночеством, а порой и полным духовным одиночеством. Он, Алмамбет, чужой не только среди чужих, но и чужой среди своих. От своих отстал, к чужим не пристал. Свою родину утра- тил, а чужой не обрел. Во главе Манасова войска он идет воевать свою родину, свой на- род. Его плохо принимает окружение казахского хана Кокчо, его подозревает в предательстве

другой витязь Манаса - Чубак, порою проскаль- зывает недоверие и у самого Великодушного, что чуть не приводит к трагическому исходу.

* * *

Памятники эпической культуры - как Запада, так и Востока - в основной своей массе пред- полагают застывшие психологические маски персонажей и чаще всего - в одной краске, лишённых психологической палитры и припи- сывающих своим героям порою какое- нибудь одно доминирующее качество: только доблест- ный, только добрый, только злой, только крово- жадный... Таковы законы эпика. Но эпос «Ма- нас» всем своим внутренним содержанием, своим психологическим динамизмом не только подтверждает эту извечную фольклорную истину, но активно опровергает ее, и тем са- мым разрушает устоявшийся фольклорный сте- реотип.

И в этой связи, мы не очень погрешим против истины, если скажем, что по психологической разработке, внутренней красоте, трагедийному пафосу - образ Алмамбета является одной из вершин мирового фольклора и в некоторой степени предвосхищает лучшие шекспиров- ские трагедийные образы.

Из истории кыргызского эпоса мы уже знаем, что история витязя Алмамбета в стародавние времена имела свою автономную сюжетную организацию и жила самостоятельной эпиче- ской жизнью, а со временем, утратив свою бы- лую самостоятельность, органично влилась в трилогию о Манасе, став одной из мощных эпи- ческих ветвей единого и могучего эпического ствола «Манаса».

По тому, как в том или ином обществе отно- сятся к женщине, принято судить о нравствен- ном климате данного общества...

Кыргызы издревле чтили и уважали женщин. Об этом свидетельствуют пословицы и пого- ворки: «Кыздын кырк чачы УЛУУ», «Ургаачынын заты улуу», «<Девушка более почитаема», «При- рода женщины чтимей и уважаемей»).

Эти поговорки и пословицы стали нормой общественной жизни кочевников-кыргызов. Институт брака и семьи, созданный и канонизи- рованный Исламом, не пустил глубоких корней в быт кыргызов. В отличие от других тюркских народов, в чей быт ислам проник глубоко, не получило у кыргызов распространение много- женство. Отсюда и особое уважительное отно- шение к женщине.

О почтительном отношении к женщине и об особом уважении к ней говорит эпизод «парада коней» перед большими скачками на тризне по Кокотею.

Парад знаменитых скакунов Аккула (Манаса), Мааникер (Кекетея), Чалкуйрук (Тештука), Ач-буудан (Жолоя), Коктулпар (Бакая), Коктеке (Чу-бака), Кылжейрен (Мурадила) и т. д. открывает кобыла калмычки Оронгу, единственной женщины, присутствующей в качестве гостя на этих поминальных торжествах.

Кочевое сознание придавало роли женщины-матери, женщины-супруги особое, чуть ли не сакральное значение. Истоки этого необычного отношения к женщине, вероятно, были сокрыты не только в самом кочевом укладе народа, но в остаточных пережитках материнского культа предков, в некоторых элементах первобытной магии и в богатой мифологии народа. Образ женщины олицетворялся в сознании кочевника с образом Матери-Природы и жил в кочевом сознании в идеальной гармонии с Ней. Примеров тому можно привести множество. Достаточно вспомнить миф о Муйуздуу Байбиче - Рогатой Матери, родоначальнице племени Бугу. Вспомним культ Матери-Прародительницы

Умай-эне, покровительницы домашнего очага, врачевательницы и хранительницы потомства, глубоко вошедший в обыденное сознание кыргызов.

В связи с нашей темой приведем еще несколько любопытных феминистических представлений древних кыргызов. Треугольный нагрудный амулет был связан генетически с идеей плодородия и не случайно имел треугольную форму женского лона. Современные кыргызские

женщины не подозревают о том, что серебряные нагрудные украшения треугольной формы тоже были связаны с фаллическим культом.

Теперь обратимся к символическому культу Осквернения*, который бытовал среди кочевников в далекую домусульманскую эпоху. Как символ позора и осквернения мужчину «накрывали лоном женщины».

Нетрудно представить распятого на земле лицом вверх мужчину, совершившего особо низкий и безнравственный поступок, и весь его ужас от предстоящей жуткой экзекуции. При скупом свете костров, в присутствии одних лишь молчаливых суровых воинов, медленно и неотвратно приближается женщина и накрывает лицо преступного воина своим лоном, обрекая его тем самым на несмыслимое и вечное позорище, после которого нет возврата к жизни...

Таков был темный обычай старины. Наряду с описанным культом Осквернения существовал другой древний символический акт исцеления лоном непорочной женщины-супруги. (Реликт лечебной магии. Воспоминание о женщине как о Верховной Жрице). Этот древний магический ритуал назывался «Ок Аттоо» (Переступание через пулю). Он нес в себе глубокий, очищающий нравственный символ. Обыденное сознание допускало, что непорочная верная жена способна на чудеса и может даже извлечь из глубокой раны застрявшее там жало стрелы или пулю, стоит такой женщине переступить через раненого.

Айчурек, приняв облик лебедя, торопится к раненому Семетею.

Та, кашкайып атканда,

Тараза жылдыз батканда.

Канатын жайып калкылдап, Куйругун жайып жаркылдап, Асман менен зыпылдап, Айчурек учту шыпылдап, Ай канаты жаркылдап.

Асман менен сызганда,

Бакайга же тип барганда,

Кулдук кылып калганда, Ыргын турду эр Бакай.
 Когда рассвело и наступили голубые сумерки, Когда истаяло на небе созвездие Весов,
 Раскинув снежные крылья,
 Распустив пушистый хвост,
 взвилась высоко И воспарила на крыльях Айчурек.
 Белые крылья ее сверкали, ~\~::~ Голубое небо омывало ее, ",-::~ И она быстро достигла
 Бакая. Низко поклонилась ему И пред стала перед ним.
 Бакай и Канчоро, отойдя на расстояние, стоят отвернувшись. Айчурек раздевается и
 совершает ритуальное очищение под водопадом:
 Айланайын Жараткан!
 Твв баш таган бир тогуэ Айтам сага Баабедин. Айры врк8Ч, ача туяк
 Айтам сага Баабедин.
 О, создатель, жертвую тебе
 Девятку скота во главе с верблюдом!
 Прыгает через Семетя:
 Айчурек акту аттады Аттаса агу тушпвду, Экинчи Чурек аттады, Анда да агу
 тушпвду.
 Айчурек перешагнула через стрелу, Не выпала тогда стрела.
 Она перешагнула еще раз -
 И тогда не выпал наконечник стрелы.
 Айчурек падает на колени перед Се рыдает:
 Айланайын Сырттаным, Иэдеп келип шумкаРЫИ(, ЧОИ(- Ургвнчтун боюнда,
 Тврт-Кулдун кенен оюнда

* Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. - М.: Гл. редакция
 восточной литературы, 1984, с. 28-29;

перинин кызы Чурвкту
 Шашып вквн жери~ бар, Жалыныл(S чыдабай
 Эрип кеткен жерим бар.
 Мындан башка шегим жак,
 Шек кылып айтар кебим жак. Ак этектен тушпвгвн,
 Арманга бутквн мына бул Алда кандай ок зле!
 Деп ошентип, Айчурвк
 Озондоп ыйлап солкулдап,
 «Шерменде болбой влвм" деп, Кввдвндун ба ары болкулдап, Семетейдин устунвн
 Акырын аттап жылжыды,
 Муштумдай болгон курч темир Эр Семендин ичинен
 Кулаткан таштай ыргыды!
 О, мой неустрашимый повелитель, Когда ты поцеловал
 На берегу Большого Ургенча Айчурек,
 дочь Пери, Не устояла она пожару твоих чувств
 И растаяла, ощутив впервые себя женщиной. И нет другой вины на мне,
 Я чиста перед тобой и непорочна! «Да что же это за стрела,
 Которая не выпадает из чистого подола» (платья). Так сказала Айчурек и, горько рыдая:
 «Лучше погибнуть, чем жить в позоре!» -

Еще раз шагнула через поверженного Семетея, И тогда, наконец, выпал из раны (Семетея) Окровавленный наконечник стрелы.

~ ***

Женитьба Манаса на Каныкей - один из самых красочных и поэтических эпизодов эпоса. У манасчи Сагымбая женитьба героя изложена следующим образом: Манас желает женить своего побратима Алмамбета. Алмамбет в свою очередь предлагает Манасу жениться самому. Манас соглашается и отправляет отца после долгих и подробных наставлений на поиски невесты для себя и для друга-побратима. Джакып долго путешествует по свету и только в Бухаре находит невесту, достойную сына. Она любимая дочь Бухарского хана

Атемира (Самани) и сестра Исмаила Самани. Подкупив одного ханского Бека по имени Алым, Джакып тайно пробирается в ханский сад и на девичьих играх высматривает свою будущую невестку, спрятавшись в кустах вместе со своим сопровождающим.

Сказочно-прекрасный сад был разбит на берегу чудесного голубого водоема - Хауза. В

чаще густого сада паслись маралы и косули, рядом с ними разгуливали павлины и фазаны, а в голубом хаузе купались прекрасные юные девы и чудесные белые лебеди. Воздух был наполнен щебетом и пением птиц.

Много сказочно-красивых девушек увидел Джакып, они танцевали под стонущие звуки чанга медленные томные танцы. Но прекраснее всех была принцесса Санирабийга, дочь хана Атемира.

"Эта девушка рождена для моего сына",- решил Джакып. Вот как описывает невесту героя манасчи Сагымбай:

Санирабийга кыз экен, Сап сулуунун взу экен,

Он алты жарым жашы бар. Ай чырайлуу, бото квз,

Жатык тилдүү, ширин свз. Аркасы кайкы, аркар теш, Кызыл жузу нурданган, Кыпча бели буралган.

В народе славится она -

Красавица из красавиц - Санирабийга.

Шестнадцать с половиной ей лет всего.

Подобна серебрястой луне она, Несравненной души она,

Глаза ее прекрасны и притягательны,

как ночь, Слова ее сладки, речь умна, Стан ее тонок, грудь высока.

Походка ее совершенна,

Богом она благословенна,

Провидица она.

Наслышанный о небывалой воинственности и редкой воинской удачливости кыргызского витязя, хитроумный Атемир из страха перед

Манасом не посмел отказать Джакыпу и для отвода глаз идет на мнимый сговор с ним.

Но, чтобы хорошенько проучить и навсегда отвести наглого туранца, назначает небывало высокую цену свадебного выкупа: шестьдесят черноголовых верблюдов белой масти, две тысячи красных и черных овец, сорок тысяч золотых динаров, тысячу джамбы-серебряных слитков, красавицу-рабыню и молодого сильного раба.

Под непосильной тяжестью свадебного выкупа скуповатый Джакып уже готов был отказаться от сватовства и нарушить сговор, но народ собирает для любимого вождя требуемый калым и даже намного сверх того: триста черноголовых белых верблюдов;

девятьсот белых, без единого пятнышка темного, коров и черных, без единого пятнышка белого, быков; три тысячи золотисто-игрневых коней; тридцать тысяч черных и красных овец; много золота и серебра; рабов и рабынь.

Огромный свадебный караван длиною в один овечий перегон, под гром боевых барабанов, рев карнаев и верблюдов, ржанье полудиких коней, мык коров и бляение овец, густой тучей двинулся в БУХАРУ.

Скота была такая тьма и такой широкой лавой тек он в пути, что в его гуще ненароком оказались дикие куланы и сайгаки, горные архары и козлы и даже перепуганные, присмиревшие хищники.

И, когда Манас оказался под стенами Бухары во главе многотысячного войска с несметной тучей скота, хан Атемир и его подданные - не на шутку струхнули.

Но все обошлось: оказалось, что это не враги, а сваты. И начался сказочный сорокадневный пир. Почетные старики и сорок дружинников Манаса были распределены по дворцам и резиденциям знатных бухарских вельмож. Простые воины разбивали походные шатры на улицах города и резали скот. Манаса поместили в отдельном дворце и в суматохе свадьбы... забыли о нем.

Дружинники Манаса думали, что он передан

заботам хозяев, а хозяева из страха перед грозным женихом не посмели показаться ему на глаза. И Манас два дня и две ночи оказался в полной изоляции без еды и питья.

Всеми покинутый, униженный, голодный, он в бешенстве метался по отведенным ему дворцовым покоям и ревел, как подраненный дикий зверь. Невеста тоже избегает Манаса, чтобы испытать его характер. Дворцовые мамки и няньки, наконец, сжалились над ним и, чтобы покормить Манаса, посылают к нему самую отчаянную бабу - Капию. В сопровождении служанки, с едой и питьем Капия приближается к покоям жениха, громче слышится грозный рев Манаса. Набравшись решимости, она открывает дверь, Манас стремительно оборачивается на звук, и Капия, увидев Манаса в страшной воинской маске, со словами: «Энеке!» - падает без чувств. Служанка убегает в смертном ужасе: - Так желмогуздун езу экен. Буга кыз кантип тиет? Капия барып керду, кемулуп калсын кербесе, как ошо жерде елду!

- Он - настоящее чудовище. И как только за него пойдет бедная девушка. И как только Капия увидела это страшилище, дух из нее вышибло.

Все это видит и слышит вошедшая Санирабийга и весело хохочет. Санирабийга направляется к Манасу, мимо нее женщины проносят едва пришедшую в себя Капию.

С опаской Санирабийга входит к ревущему от ярости Манасу, который сейчас похож на разъяренного тигра в клетке. Он гневно поворачивается к ней, но она бесстрашно подходит

к нему.

САНИРАБИЙГА (нежно и покорно): Кыйбанын жоктур куневсу,

КЫЯЛЫИДЫ билмекке

Кыз жарын кылган мунвзу. Чырдын баары биздики, Чыдамсыздык сиздики. Туйунду, терем, чечи'иНЭ

Дуулуккен аЧУУИ кечи'иНЭ!

Таарынып ЭЛДИ кыйратпай Табалына жеТИИ(НЭ).

Нет вины народа в том, что случилось. Чтобы испытать ваш характер,

Ваша невеста проявила строптивость и каприз. Вся вина - моя,

Вся невыдержанность - ваша!

Мой повелитель, расстегните пуговицы, Укротите свой гнев!

И, не обижаясь на весь народ,

Достигнете своего заветного желания! .

Санирабийга подходит к укрощенному Манасу и, нежным движением сняв с его лица устращающего вида стальную маску, останавливается, пораженная его редкостной мужественной красотой.

Собравшись стайкой в саду, о чем-то шепчутся подружки Санирабийги, не решаясь высказаться вслух.

КАНЫКЕЙ:

Ну, о чем вы там, выкладываете. Говори, Арууке.

АРУУКЕ:

Девочки... и все хотят знать: почему жених не снимает своей железной маски?

Прости меня - все говорят, что он урод.

КАНЫКЕЙ (*весело рассмеявшись*):

Значит урод? (*Продолжает смеяться*).

КТО-ТО ИЗ ПОДРУЖЕК:

Тогда почему он не открывает лица? КАНЫКЕЙ (*весело*):

Чтобы не смущать чужих жен...

Подруга КАНЫКЕЙ: МЫ серьезно...

КАНЫКЕЙ:

О, девочки, если бы вы знали как он прекрасен... Он ослепителен, как солнце. Еще в юности он поклялся не снимать маски до тех

пор, пока не убьет своего главного врага - КОНУРБАЯ.

* * *

Заслуга эпоса - создание идеального женского образа - женщины-матери, жены и друга. Каныкей - (после замужества Санирабийгу нарекли новым именем-символом - «Каныкей» от «Кан Никайи», что означает «супруга хана», «нареченная хана») - воплощение лучших женских добродетелей. Прежде всего она, разумеется, непревзойденная красавица, затмевающая окружающих блеском сказочной красоты. К тому же она умна, мудра, образованна. Но самая главная ее отличительная черта - верность, преданность и высокая нравственность: разорванное она свяжет, рассыпанное соберет.

В народе славится она,

Его красавица жена:

Действительно. умна Каныкей.

Действительно. скромна Каныкей! Искусна в любой работе она, Утеха в нужде и заботе она, Богом благословенна-

Ведь провидица она:

*Все проклятия сбывались ее - Даже враги боялись ее!**

Отныне Манас достиг своего эпического совершенства: не жену он взял, а Крылья обрел. Его верная и мудрая Каныкей обладает чудом предвидения - она чувствует приближение беды за шесть месяцев вперед. Не от одной беды заслонит она героя, не от одной смерти спасет его и не одну рану залечит ему. Она увеличит силу Манаса, она умножит славу Ма-

. Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса. (Перевод С. Липкина и Л. Пеньковского). - М.: Художественная литература, 1960;

наса. Она станет верной супругой, мудрой наставницей и преданным другом.

Народная поговорка гласит: «Катын жакшы - эр жакшы, авазкан жакшы - хан жакшы». «Жена хороша - хорош муж, визирь хорош - хорош

и хан". Роль и значение женщин в общественной жизни кочевников-кыргызов были очень вы-соки, свидетельством тому - прекрасные жен-ские образы эпоса - Каныкей, Айчурек (жена Семетей), Арууке (жена Алмамбета), Акеркеч (жена Кекче-хана).

Айчурек во многом дублирует образ Каныкей и даже превосходит ее своими сакральными качествами. Временами она может изменять свой внешний облик и превращаться в белого лебедя. Этот древний мотив лебединой девы восходит к ранним языческим, манихейско-буд-ДИЙСКИМ представлениям и намекает на боже-ственное, солярное происхождение Айчурек от небесного доброго духа. Сакральное начало не-сет в себе и жена Алмамбета Арууке, которая тоже может менять свое обличье по собственному желанию.

Каныкей и Айчурек - двуединные образы одного совершенного эпического женского идеала - верности, преданности, мудрости.

* * *

Когда-то, на заре своей культуры, челове-ческая фантазия создала удивительное ми-фическое существо - получеловека, полуло-шадь - кентавра.

Кентавр причудливо соединил в себе перво-бытную мощь коня и могучий человеческий разум и, благодаря своей двойственной приро-де, стал символом физического совершенства. И не случайно для подобной идеализации Че-ловека был выбран Конь, а не какое-либо дру-гое животное, хищник или птица.

Конь издревле служил предметом особого почитания у многих кочевников:

Конь - Солнце, Конь - Огонь, Конь - Горный поток.. .

Однако, в мифотворчестве ни одного из ко-чевых народов не мог возникнуть образ кен-тавра. Причудливый и фантастический образ получеловека-полулошади возник под воздей-ствием ошеломляющего вторжения кочевников в Переднюю и Малую Азию. Оседлые народы не могли мысленно отделить всадников от их диких коней и воспринимали их, как нечто целое. Греки переняли образ кентавра у на-родов Передней Азии. Один из могущест-венных богов Греции **Кронос** часто принимал облик коня. Пророк **Мухаммед** вознесся на небо к трону Аллаха на мифическом коне с лицом женщины Аль-Бураке.

Коню посвящались прекрасные стихи и вы-сокие гимны.

Связь Человека и Коня -- наиболее устой-чивый мотив, восходящий к древним рели-гиозным истокам.

В мифологии тюркоязычных народов есть образ покровителя коней **Камбар-Ата**, прини-мающего иногда облик небесного крылатого жеребца. У древних кыргызов существовал культ крылатого коня -- символа небесной

солнечной стихии. Сохранилось описание коня с золочеными рогами. На таком коне-солнце торжественно выезжал в первый день весен-него праздника вождь или предводитель племени.

Вот поэтическое воспоминание об этом культовом ритуале:

Между облачной белизной

И небесной синью сквозной,

Что не знала конца и предела, Ак-Кула словно птица летела.

Над пространством в сто кругозоров,

Над пространством внятсот просторов Опереньем крыльев звенела,

Музыкой сфер в Верхней Бездне гремела.

В Монголии был обычай большой древности. В случаях народного бедствия или нужды дамы всходили на высокую гору и с заклинаниями

разбрасывали бумажных коней. И они - кони, символы Будды, Силы и Счастья, кружась, неслись на помощь неведомым бедствующим.

Конь-Друг, Покровитель, Предок, Божество. Головы знаменитых скакунов возлагались на священных мазарах. Профиль коня вышивали золотом на боевых знаменах. Земное пространство меряли конскими переходами. Воинов хоронили вместе с верными боевыми конями.

Конь переносил душу умершего в потусторонний мир. Он осуществлял прорыв сакрального уровня. Конь обеспечивал экстатический полет души жрецов и шаманов в запретные миры.

Тяжким оскорблением считалось, если вашего коня били по голове или намахивались на него. Снежно-белый конь считался священным и нес в себе сакральную память о белом божестве - Солнце. Древние говорили:

*..8 сердце женщины живет закованный в броню сверкающий мужчина;
8 сердце мужчины живет оседланный
огненный конь».*

Об отношении к коню говорит следующая

кыргызская пословица: «Если жизнь твоя - длиною в один день, полдня не сходи с иноходца» .

у Николая Заболоцкого есть замечательные строки, посвященные коню («Лицо коня»):

..И если б человек увидел Лицо волшебное коня,

Он вырвал бы язык бессильный свой И отдал бы коню. Поистине достоин Иметь язык волшебный конь!»

Напрасно сокрушался поэт. Он просто не мог знать, что знаменитые тулпары прошлого обладали этим волшебным даром - даром человеческой речи. Кони наших эпосных предков не только понимали человеческую речь, но и сами могли разговаривать:

..Пошевелил верхней губой, Пошевелил нижней губой,

Напрягся, пошептал И заговорил Бурь/л».

Владеет человеческой речью конь Эр-Тош-тука Чалкуйрук. Разговаривает с хозяином и конь калмыцкого богатыря Нескара. Но не все эпосные кони владеют речью. Этим чудесным даром обладают лишь выдающиеся эпические кони. И чем архаичнее эпос, тем безусловней это волшебное качество коня. В кыргызском героическом эпосе есть ряд выдающихся коней, в том числе и Дк-Кула, боевой конь самого Великодушного, который не наделен даром человеческой речи. Но зато Дк-Кула обладает почти человеческим разумом. Он радуется удаче Манаса, он вместе с ним тяжело, по-человечески, переживает поражение или неудачу героя. Когда Великодушного собираются отравить Кёзкаманы, Дк-Кула ржет на привязи и бьет копытом, желая предупредить Манаса о предстоящей опасности...

Вот другой пример: ...Семетей поражает насмерть в единоборстве одного из своих врагов - Чынкожо И забирает в качестве трофея его коня Суркоёна. Желая ритуально освятить трофейного коня, он отрезает ему одно ухо. Суркоён смертельно оскорблен надругательством над собой и затаивает глубокую обиду на Семетея. И однажды, через много лет, когда враги окружают Семетея, и герой вынужден спасаться бегством, Суркоён отказывается ему повиноваться. И в итоге Семетей погибает.

Об особом отношении к коню говорит эпизод «Смерть богатырей». Манас Великодушный возвращается из «Великого похода», потерпев жестокое поражение. Войско его рассеяно, богатыри погибли, навстречу Манасу выходит вдова Алмамбета - Друуке. И Манас о смерти своего коня Дк-Кула сообщает раньше, чем о гибели Алмамбета и дружины: *«Ак-Кула окко учурдум, аяш! Алтын Айдар, чок белбоо, Азиз кандын жалгызы, Алмамбет шейит кечирдим, аяш!»*

Ак-Кула стрелой поразили насмерть, аяш,

*А единственный наследник Азиз-хана - ЗОЛОТОКОСЫЙ, краснокушачный Алмамбет
Принял священную смерть, аяш!*

Если у Гомера Троянская война начинается из-за Елены Прекрасной, то многолетняя изну- рительная война между кыргызами и кытаями разгорается из-за знаменитого скакуна хана Кё- кётая - Мааникера. Этот факт говорит об огром- ной роли, которую играли кони в социальной жизни кочевников-кыргызов.

Вся жизнь древних кыргызов была связана с конем. В трех-четырёхлетнем возрасте маль- чишки впервые хватались за гриву коня и уже до конца своей жизни не сходили с коней. Часто находили смерть в седле. Лучших коней для верности держали в юрте.

Конь был другом, соратником, средством передвижения и, наконец, пищей. Коней люби- ли, холили и дорожили ими больше, чем детьми и женами. Знатоков коней - саяпкеров- окружали почетом и уважением. Народное предание сохранило память о легендарном знатоке коней - Толубае, который в истлевшем черепе коня мог признать голову бывшего тулпара, а иные саяпкеры, сидя в юрте, на слух (по походке коня) якобы определяли его скаковые качества.

Коней специально подбирали для дальней дороги, походов, прогулок, увеселений, риста- лиц, спортивных состязаний. Кыргызы отли- чали до трехсот оттенков лошадиной масти. Более тысячи слов насчитывает лексика, свя- занная с конем. Сохранилась канонизирован- ная характеристика скакуна: зубы - у него белые, мелкие, плотные. Ноздри - ёмкие, нервны, тонкие. Нижняя губа чуть отвислая. Уши - торчком, концы сужены, кисточкой. (Народное поверье утверждает, что уши замечательных коней способны светиться в темноте, освещая дорогу седоку). Расстояние между ушами - пространное. Лоб - широкий. Шея - крепкая, мускулистая. Грудь - выпук- лая, раздвоенная, широкая. Холка - невысокая.

Грива - негустая, хвост - густой. Ляжки- мясистые, жилистые, без просвета между ногами. Копыта - широкие, литые. Живот- поджарый, как у борзой. Бока слегка вислые. Народ выработал и особую психологическую характеристику коней: "азоо", "жоош", "чалпоо" , "кыял кески", "кашан", "уркунчек", "узеген"... Д вот классификация эпических скакунов: "тул- пар", "буудан", "дулдул", "аргымак", "тобурчак" , "кулук", "жорго"...

Жорго (иноходцы) в свою очередь делились на следующие виды: "кой жорго", "жол жорго" , "чапма жорго".

По народному поверью, эпический конь дол- жен был родиться на льду и вырасти на камнях. Таков был знаменитый Дк-Кула Манаса. Вот как описывают сказители этого чудесного коня:

..Ке" квкурвк, тайкы эжал, Кетмен туяк, ке" сайру, Аркар аяк, капкан бел, Атасы тоонун кайыбы, Энеси чвлдун кайыбы.

Куланды кууса куткарбас, Куюндугу бар экен.

Чалгынга минсе чарчабас, Жаныбарым Ак-Кула

Дулдулдугу бар экен".

Широкая грудь, негустая грива, Копыта литые, широкая спина,

Ноги как у архара, седловина поджарая,

Отец у него - хозяин (кайып) гор,

Мать у него - хозяйка (кайып) пустыни.

Дикий кулан не убежит от него, Подобен он смерчу.

В разведке и в походе он неутомим, Он настоящий сказочный Дулдул, Этот несравненный Ак-Кула.

* * *

«Квкветвйдун ашы экен,

Чо" чатактын бавы экен".

«.То была тризна по Кёкётаю,

То было начало большой кровавой распри»).

Народная поговорка.

Умер один из самых и славных кыргызских ханов - Кёкётай, перед именем которого благо- говел сам Великодушный. Когда-то Манас дал священную клятву устроить в память Кёкётая не- слыханный по пышности и богатству поминаль- ный пир.

Сын Кёкётая - Бокмурун - пригласил на тризну всех живущих от восхода до заката солнца. На тризну съехались не только друзья, но и многочисленные соседи и враги кыргы- зов - калмаки, кара-кытай, тыргооты, мангулы, манжу, кангаи, калдаи, шибе, солооны.

И съехались разные люди тогда:

Знать из мусульманских стран, Из закатных франкских стран,

Из необъятных славянских стран.

Дальние северяне пришли,

Черные островитяне пришли, Кайсары и хаканы сошлись,

Батыры и великаны сошлись. Прибыли на конях -

На быках и верблюжьих горбах...

(Перевод с. Липкина и Л. Пеньковского)

Наступило всеобщее перемирие: таков был обычай старины. То был неслыханный по расто- чительству и богатству пир: одних только на- рядных восьмикрылых юрт было поставлено для гостей - триста тысяч, скота было забито для угощения - тьма, золото и серебро покойного Кёкётая текло рекой. Тысяча скакунов приняло участие в большой трехдневной скачке. Только призов было учреждено - шестьдесят.

Восемьдесят тысяч коней, тысяча верблюдов, сто тысяч овец, девяносто нарядных юрт, один раб и две рабыни - таков был главный приз. Поминальный пир превратился в невиданно-ве- селый праздник. Чего только не было на этой триз- не: певцы состязались в пении, острословы - в шутках, стрелки состязались в стрельбе из лука, исполины боролись, плешивые бодались, бесстыжие нагишом развязывали верблюдицу...

Решил Манас потешить народ удалыми мо- лодецкими играми.

* * *

На высоте шестидесяти тяньшанских елей сверкал на солнце чудесный золотой слиток - джамбы. Никто не мог сбить джамбы, ибо слишком высоко висел он, и даже самые луч- шие стрелки не достигали своими стрелами золотой жилы, которая удерживала драгоцен- ный слиток.

Гремел барабан, и очередной стрелок пытал- ся сбить золотую джамбу, но тщетно: стрелы бойцов не достигали цели.

И снова грохнул барабан - это выехал МАНАС.

Притихли люди. Манас толкнул коня вперед и понесся на- встречу цели.

Не отрывая прищуренного взора от золотой джамбы, он натянул свой богатырский лук и выпустил стрелу. Словно лопнули небеса - с таким звоном отозвалась тетива богатырского лука, и с диким визгом ушла стрела и перебила золотую жилу, удерживающую джамбы. И пока драгоценный слиток кувыркался в Воздухе, падая с огромной высоты, Манас повернул коня и ловко подхватил джамбы на лету, словно коб- чик воробья.

Толпа взревела от восторга. Манас проскакал перед восхищенно ревущей толпой, показывая всем золотой джамбы и положил его перед седобородым Кошоем. Ко- шой поднял золотой джамбы и, под рев толпы, вернул его Манасу. Все были довольны.

* * *

Ударил Манас в золотой барабан и выехал на ристалище в окружении сорока двух дру- жинников. Один из дружинников - Кыргыз- чал - сорвал с головы своей островерхий тебетей и высоко подбросил его в небо. Когда шапка достигла высоты, Бакай выстрелил

из лука в тебетей и задержал на мгновение его падение. Его сменил Кыргыз, и вновь шапка взлетела вверх. Алмамбет «прицел берет, снова шапка вверх плывет». Все сорок стрелков

стреляли в шапку, и она, долго не падая, висела в воздухе.

И снова взревел барабан, и шапка, изре- шеченная стрелами, наконец, упала на землю: и снова загремел барабан,

Знак батырам подал Манас - В два ряда становятся все,

Ряд против ряда - лицом к лицу, Грозные луки берут они,

Целятся в друг друга они, Зрители вздрагивают все. И снова грохнул барабан, Спускает тетиву рука,-

Двадцать одна стрела - сюда,

Двадцать одна стрела - туда - В калпаки стрелков летят,-

Срезают кисточки с калпаков, Не задев самих стрелков.

(Перевод С. Липкина и Л. Пеньковского)

* * *

Тем временем подняли голубое знамя Кё- кётая, и оно захлопало, заполоскалось на ветру.

Джайсан-Ырчы обратился к собравшимся:

Кулуктвн тандап минишип, Курввкв тонду кийишип,

Арстан журук баатырдан,

Сайышка кыйын зардалдан, Найзакерлер ЧЫГЫШЧлН,

Арага ЧлГлн сайЫлШЧлН!

Байгесине алаPhl -

Тобурчактан жузу бар,

Тогуз жуз ЖhЛКhl даГhl бар! ЖеI (Гени алЧлН бааPhlChлН, ЖеI (Илгени куру калЧлН!

Из баатыров - львиные сердца,

Из удальцов к поединку привычные,

Из копейщиков - удалые,

Пусть выйдут на ристалище И пики скрестят в поединке. Приз назначен в сто скакунов,

И еще - девятьсот коней.

Победитель получит - все,

Побежденный - ничего!

С китайской стороны к поединку стал гото-

виться предводитель кытаев, смертельный враг

Манаса - КОНУРБАЙ. Песчаный берег озера был прекрасным местом для поединка.

Люди остались все наверху: и кытай, и кыр- гызы. Вниз спустились Манас и Конурбай со своими «секундантами». Манаса сопровождали Бакай и Алмамбет.

Кытай двойным кольцом окружают Конурбая, тесно сомкнувшись в локтях, кружатся и прито-

пывают, чтобы враги - кыргызы - не увидели,

как облачается в доспехи Конурбай. Бакай пытается приблизиться к кытаям, но один из них, яростно размахивая мечом, отго- няет старика. Бакай, смеясь, возвращается назад.

Алмамбет подтягивает подпругу Манасова коня. Сам Манас с интересом наблюдает за танцующими воинами Конурбая. А воины Ко- нурбая продолжают свой воинственный танец.

Вот они приостановились и закружились в

противоположном направлении. Конурбай на коленях молится идолу-бурхану. Воины перестали танцевать, и круг распался. Конурбаю бегом подводят его вороного коня Алгара, и он легко взлетает в седло.

Манас с силой встряхивает пику, взяв ее за древко. Пика с сухим треском переламывается посередине. Подают другую пику, опять про- бует на крепость - она выдерживает.

Противники разъезжаются в разные стороны.
 Все замирают в ожидании.
 Низко гудит ветер, клонет к земле траву. Ждут сигнала.
 Манас машинально расчесывает гриву коня. Конурбай небрежно скребет жалом пики по огромному валуну. Позвякивают бубенцы на ногах его коня.
 Замерли воины наверху. Кытай.
 и кыргызы.

Бакай снимает боевой пояс и, набросив его себе на шею, молитвенно шепчет:
*«КоН,урду, ТелфНР, астын кыл, Манасты, ТелфНР, устун кыл. КОИИУРДУН кунун туудурба,
 Кун батыш К83двй куудурба!"*
 О, создатель, унизь Конурбая
 И возвысь Манаса. Дай нам победу, А врага - урони!
 Грохнули барабаны, возвещая о начале поединка. С воплями бросаются навстречу друг другу бойцы, сшибаются и разъезжаются в разные стороны со сломанными пиками. Такоолы (секунданты) подают им новые пики.
*Коней снова повернули они,
 Навстречу друг другу помчались они,
 Оба в седлах качнулись они, Пиками замахнулись они,
 Криками захлебнулись они, Вздернулись кони на дыбы, И опрокинулся Конурбай,
 Опрокинулся вместе с конем.
 А вороной его конь боевой,
 Знаменитый Алгара,
 Преданнейший друг его,
 Топтался там вокруг него.
 Алмамбет попросил у Манаса коня, Конурбаева Алгара:
 «Соога, батыр, соога, Отдай мне Алгара".
 (Перевод С. Липкина и Л. Пеньковского)
 А Конурбай униженно кланялся Манасу:
 Отдай, Манас, коня, Не погуби меня.
 Но Манас простаком себя показал:
 Конурбаева коня
 Алмамбету не отдал,
 Добычею себе не взял,
 Не повел за собой в поводу,
 Попал из-за этого позже в беду! 7-2096*

МАНАС (Конурбаю, стоящему на коленях):
*Баатыр элелі, КОііурбай, АТЫ~Ы алып нетейин, Андан кере бу жерде вЗУіе берип кетейин.
 Мына, КОііУР, аТЫ~Ы ал!
 Хоть и враг ты мне, Конурбай, Не возьму твоего коня,
 Забирай своего Алгара!*
 Манас бросает Конурбаю повод, тот, излов- чившись, ловит чумбур в воздухе, как кошка, запрыгивает на лошадь и, сделав Манасу красноречивый жест руками, под смех окружающих, быстро отъезжает.
 Подъезжает Алмамбет и, спрыгнув с коня, с отчаянием в голосе, со слезами на глазах, стучит кулаком по земле:
*Кокуй, Манас, Оіібой кал. Эзелде эки болбой кал. Колго тийген коёнду Коё берген Оііорбу?
 Адам сендей болорбу?
 Бекер беРДИі сен Манас Алгарадай бууданды,*

Эми ТанТбили, баатырым
 Конурбайдай Птууганды". Алгараны маа берселі,
 Чий бейт белем сызыкты,
 Карарып жаткан калмакка Кылбайт белем кызыкты!
 Жалынсам укпайт кеБИИДИ, КОІурбай табар эБИИДИ! влбвсе калча чыгарар,
 Капкайдагы жеЛИИДИ!
 Ой, ой, Манас, будь неладен ты, ~..':с Чтобы тебе не видать добра!
 Птицу счастья упустил ты, Манас, Отдав Алгара Конурбаю-Калча. Теперь ты истинно
 нашел-
 I,Родича" в лице Конурбая-Калча. Врага пожалеть - себя погубить, Запомни эти мои
 слова!
 Когда бы ты отдал мне скакуна,
 Я бы сделал в Кытае большие дела... Но поздно теперь;

Будет жив Калча, Выбьет он всю пыль из тебя, Выпустит он жизнь из тебя!

* * *

Тризна шла своим чередом. На этот раз лю-
 дей ждало невиданно-веселое и непристойное зрелище - "Развязывание верблюда"*.
 Зри-
 тели плотным кольцом обложили площадку размером сто на сто локтей, в середине ко-
 торой лежал самец верблюда с дорогой поклажей. Привязь верблюда была мертвым узлом
 затянута на колу, который едва виднелся из неглубокой ямы.

Г Л А Ш А Т А Й (Жарчы) на коне: «Слушайте, люди, условия игры: пять кусков лучшего
 китайского шелка на верблюде; десять кусков тонкого сукна на верблюде; серебряный
 слиток - «Джамбы» - на верблюде; парчевый халат, ковер и сосуд из настоящего стекла,
 вывезенный из Рума... и все это на верблюде!

Спешите, женщины, завладеть всем этим богатством!

Спешите, мужчины, овладеть этой алчной женщиной и самому завладеть этим бо-
 гатством.

Женщина-кобыла, которая нагишом при всем народе сумеет распутать привязь верблюда,
 станет счастливой обладательницей всех этих богатств.

Мужчина-жеребец, который сумеет покрыть женщину-кобылу, не дав ей возможности рас-
 путать верблюда, забирает верблюда вместе с поклажей.

Это будет невиданный поединок самой бес-
 страшной самки с самым сильным самцом.
 Торопитесь!».

Хлопают себя по ляжкам от восторга мужики в предвкушении невиданной потехи,
 волнуются и сдавленно хихикают молодые женщины, поощряют и подталкивают друг
 друга.

Какая-то женщина порывается выйти к вер-
 блюду, истерически срывает с себя одежду,
 но ее не пускают другие бабы: велик соблазн, но велико и бесчестие.

Манас Великодушный мрачно объезжает толпу, напоминая всем своим грозным видом о
 скорой и неминуемой расправе со всяким, кто осмелится на позор и бесчестие ради бо-
 гатства.

Вздых удивления прошел по толпе, калмычка Оронгу, нагая и с распущенными волосами,
 с разбегу врзалась в толпу, и толпа поспешно раздал ась перед ней. Часто оглядываясь
 назад, она подбежала к верблюду, бросил ась на колени и, предельно выгнув спину и
 круто за-
 драв круп, с лихорадочной поспешностью при-
 нялась распутывать привязь
 верблюда. Толпа взорвалась дружным хохотом. Звонкое конское ржание пробуравило
 воздух, и из толпы скачком отделился громад-
 ный черный детина. Манасчи сказывают:
 он был из калмаков и звали его Мардыкелен. Детина, как и полагалось, был совершенно
 гол, жесткая толстая коса билась о его спину, вдоль хребта его опускалась широкая полоса

из ло- шадиной гривы, да небольшая повязка из той же гривы на бедре едва прикрывала ему срам.

Толпа завопила от восторга: детина очень умело и смешно подражал повадкам жеребца во время случки - вскинув голову, щерил зубы и выворачивал губы, похотливо всхрапывал по- лошадиному и неторопливо бил ногами оземь. В следующую минуту «жеребец» оказался возле «кобылы». Он обнюхал ее под дружный хохот зрителей и тут же попытался покрыть ее, но «кобыла» так сильно лягнула его между ног, что он громко и неподдельно взвыл от боли и отлетел от нее.

Толпа выла от восторга, многие, уже не имея сил смеяться, только тихо стонали.

Похоть разлилась по толпе, кыргызы и кал- маки, степняки и горцы, пешие и конные, тес-

*** "Развязывание верблюда" («Тее чечмей") даже в эпоху Манаса считалось очень древним экзотическим зрелищем, восходящим своими корнями к первобытной магии плодородия и размножения.**

нили друг друга и напирали на передних, охваченные массовым экстазом.

Следующие минуты прошли в острой схватке между «жеребцом» и «кобылой».

Он старался покрыть ее, больно хватал ее зубами за круп и за холку («жеребец» не имел права помогать себе руками), а она не давалась ему, коротко взвизгивая, вскидывала задом и лягалась, вертела крупом и ускользала от него: руки ее были заняты распутыванием туго затянутого веревочного узла. И во всем этом действе было не столько похоти, сколько игры, и не столько эротики, сколько веселого и грубого спектакля.

В потехе в основном участвовала молодежь. Пожилые плевались и отходили. Зрители стонали и хватались за животы.

Загрохотал большой барабан. 8злаяли кернеи.

Отовсюду завопили: .. Келатат! Скачут! Народ хлынул навстречу скачущим коням и на развязывании верблюда никого не осталось.

Мужчина поднял с земли женщину, и они, всеми забытые, остались одни возле призового верблюда. Отвязав верблюда и взявшись за руки, они тихо и устало удалились.

Вдали показался потемневший от пыли и долгой скачки светлосаврасый Тулпар Мана- са - Ак-Кула. Он возглавлял эту трехдневную смертельную скачку, за ним, поотстав, стелился Чалкуйрук Тоштука и вслед за ним - знамени- тый Ачбуудан Жолоя. Многие лучшие скакуны пали в пути, загнанные насмерть.

Предчувствуя недоброе, Манас поскакал на- встречу коню - и вовремя: затаив обиду на Манаса за поражение в поединке на пиках, Конурбай решил выместить обиду на его скакуне - он готовился сбить Ак-Кула своим ко- нем, чтобы лишить его главного приза больших скачек. И когда Конурбай с гиканьем выскочил навстречу скачущему коню, Манас опередил Конурбая и, гневно крикнув ему: «Атымда,

калча, эмнен. бар?» - "Какое тебе дело до моего коня?» - тяжелой боевой камчой - булдурсу- ном - вытянул его по голове. Умывшись кровью и теряя сознание, Конурбай с трудом удержался на коне.

Калмакский баатыр Жолой изготвился в это время из засады поразить Манаса стрелой, но Алмамбет, который подстраховывал Велико- душного, палицей свалил того с коня.

В это время Ак-Кула Манаса вошел в живой коридор из людей и, первым достигнув голу- бого знамени Кёкётая, как принято было гово- рить в старину, «свалил знамя» - выиграл глав- ный приз больших скачек: восемьдесят тысяч коней, тысячу верблюдов, сто тысяч овец, девя- носто нарядных юрт и двух рабов.

Мальчика-наездника, еле живого, сняли с коня и принесли на руках к траурному стягу Кёкётая, который полоскался на длинном шесте.

Мальчик с огромным усилием выдернул древко знамени, с трудом переломил его на- двое и бросил в ритуальный костер.

Отныне Т р а у р по Кёкётаю кончился, и т р и з н а иссякла. Но веселый праздник продолжался.

Во время тризны по Кёкётаю распря между кыргызами и кытаями* по взаимной договоренности на время улеглась и наступило пере- мирие. Но это был призрачный и обманчивый мир, как огонь, затаившийся под пеплом. С каждым днем страсти накалялись, затаенная вражда нет-нет да вырывалась наружу и готова была вспыхнуть с удвоенной силой, на то были свои веские причины: старый кыргызский исполин **Кошой** в пешей борьбе одолел калмак- ского богатыря **Жолоя**, в конных состязаниях бойцов «<Эр эниш») была допущена несправед- ливость по отношению к калмакскому бойцу и, наконец, в поединке на пиках Манас одолел самого могучего и хитроумного неприятель- ского витязя Конурбая. На глазах у тысячи лю-

-

*** Кытай - обобщенное эпическое название всех оседлых врагов кыргызов.**

Калмак - обобщенное эпическое название всех кочевых врагов кыргызов.

дей Конурбай был повергнут с коня и публично унижен. Это послужило последней каплей...

Такого кытай и калмаки пережить не могли. Конурбай собрал всех кытайских и калмакских витязей и сказал слово. Вот что сказал Конур- бай: «Кыргызы становятся сильнее день ото дня. Их костры разгораются сильнее, а наши костры начинают скудеть. Не быть тому! Одна голова кыргыза превращается в три, три - в сто! Не быть тому! Мы нарушим их тризну, мы угоним их коней, мы унизим их женщин. Мы уничтожим этих

рабов, пока их девчонки не налились зрелостью, а юноши мужеством.

Из имеющих подковы, мы не оставим стри- гунков.

Из имеющих тамгу, мы не оставим овец!» И Конурбай выполнил свое слово: кытаи кал маки напали на кыргызское кочевье и угнали весь скот - коней, верблюдов, овец.

Во время набега кытаев Манаса не было: он распределял призовой скот и вернулся поздно.

Узнав о набеге, Манас сказал: «Конурбай желал войны, он получит ее».

И кыргызы спешно стали готовиться к походу.

Глава 5. Манасчи – летописцы истории и хранители эпоса.

Саякбай Каралаев – последний манасчи из великих сказителей прошлого.

Последний манасчи – Шаабай Азизов.

«Манас» - трагедия своей эпохи.

Что такое манасчи? Что это за феномен? ...Было жарко, юноша ехал по горной тропе на своем флегматичном яке, очень хотел пить, а вокруг не было ни одного ручейка. И вдруг у самой дороги он увидел небольшую белую юрту. Возле юрты была при вязана прекрасная белая лошадь. Много раз ездил юноша по этой тропе, но никогда не видел здесь ничего подобного.

Из юрты вышла молодая женщина и привет- ливо пригласила юношу в юрту. Войдя в юрту, юноша поклонился степенному белобородому старику, который что-то ласково

наговаривал могучему беркуту, сидевшему на его руке. Молодая женщина поднесла юноше холодного кумыса.

Кумыс был божественно сладок, и сколько бы ни пил юноша, он не убывал в чаше. И это поразило его воображение. И не только это... Юноша хорошо помнил, что вошел в небольшую скромную юрту. Но изнутри юрта была огромных размеров и имела еще три невидимых снаружи выхода. В середине юрты в большом казане кипела вода, хотя в очаге не было огня. За средним проемом юрты открывалась зеленая лужайка, заполненная воинами, закованными в синюю броню. Лиц их не было видно, они стояли спиной к юноше и весело чему-то смеялись. На мгновение ряды веселых воинов разомкнулись, и юноша увидел витязя в сверкающих золотых доспехах, с черным провалом... вместо лица.

Юноша испугался и закрыл лицо руками. Белобородый старик повернулся к юноше: - Ты хочешь знать, о чем? Слышал ли ты сказание о Манасе и сыне его - Семетее? Так вот, я - Бакай. Не бойся, сынок, это приоткрылась перед тобой Верхняя Бездна (Чын дуйне Кек Тен.ир ааламы), а воины, которых ты видишь, - это великие души витязей: Алмамбета, Чубака, Сыргака. Воин в золотых доспехах - сам ВЕЛИКОДУШНЫЙ:

Чылк алтынга бөлүнгөн, Жузун пенде көрбөгөн,

Куутум туман көздөнгөн, Арбагы бийик эр Манас.

Весь закованный в сверкающее золото, Чье лицо не видел никто из смертных, Чьи глаза, словно сумеречный туман, Это сам Манас - Великодушный, Чья Душа (арбак) - истинно велика.

А это:

*Алтын ай дар, чок белбоо,
Азиз хандын жалгызы,
Эр Алмамбет өзүшол!*

Золотокосый, в огненно-красном кушаке, Единственный (сын-наследник) Азиз-хана, Сам витязь Алмамбет.

Женщина, которая встретила тебя, это та, которая свяжет разорванное и соберет разбросанное - Айчурек: Сага кымыз сунуп, каршы алган, узулгенду улаган, чачылганды жыйнаган, Эр Семетей айымы, перинин кызы - Айчурек.

БАКАЙ:

А это нижняя бездна - Подземный мир (жер алды, о дуйне ааламы).

А это средний мир (орто Дуйне, жер теліп ааламы).

- Узнаешь вон того старика? - спросил Бакай, кивая на старика, сказывающего "Манас".
- Нет.

- Он - это ты. Ты станешь великим манасчи и проживешь долгую славную жизнь. А теперь ступай. Отныне ты будешь сказывать «Манас».

Юноша вышел из юрты, а когда немного отошел и оглянулся - юрта исчезла!

Он неожиданно почувствовал прилив бесконечно длинных и прекрасных песен о Манасе.

С тех пор он стал сказителем эпоса - Манасчи

и рассказывает навеянные чудесным видением напевы и песни.

Подобными фантастическими видениями, или вещими снами, многие манасчи объясняют

свой поэтический дар. Почти все манасчи связывают начало своей творческой деятельности со сновидением или наитием свыше. Они любят упоминать о том, что они до наития свыше не знали содержания эпоса, не имели высокого сказительского дара, и что то и другое открылось у них лишь после упомянутого вещего сна.

Едва ли не у всех народов мира поэтический талант считался даром, ниспосланным Небом. По понятиям древних, первый признак явления духов - это обретение человеком дара поэтической импровизации. Феномен манасчи, безусловно, находится в сложном сопряжении с шаманизмом. В Сибири в прошлом многие шаманы были народными сказителями и наоборот - народные сказители - кайчы - были шаманами. Духи любили Слово - образное, поэтическое, ритмическое. Вот почему шаманизм находится в теснейшей связи с развитием поэзии, эпоса и других поэтических жанров фольклора. Сочетая в себе высокий поэтический дар со знанием мифов и преданий, шаман был, по существу, и народным сказителем.

Во все времена художники слова составляли особую касту с собственными обычаями и привилегиями. Молитва и поэзия были явлениями одного и того же порядка, потому что поэт в каком-то смысле являлся и жрецом, его творчество было связано с религией, и тогда поэт превращался в чародея.

Стихи обретали силу магических заклинаний. Вот - потрясающее по эмоциональной мощи заклинание шамана:

"Войду ли во дворец (бога), нав локтями на землю?

Увижу ли пегими глазами?

Услышу ли луновидными ушами? Будет ли так,

Чтобы на ресницах наших появились слезы? Даст ли, направив золотое решение? Ты сотворил, имеющих пупы.

Ты создал, имеющих ресницы,

Ты, решающий, зажигающий,

*Посылающий громы и молнии!" **

По представлениям древних, Слово имело божественное происхождение. Слово наделялось магической силой, а поэты, владеющие тайной и магией Слова, считались избранниками Неба. К избранникам Неба (Духа Манаса)

относили и выдающихся сказителей эпоса - манасчи. Их имена окружались покровом тайны, к их божественному дару относились с глубоким почтением, смешанным с мистическим страхом.

Согласно народному преданию, великий манасчи прошлого Келдибек обладал чудодейственным Словом, силе которого были подвластны не только люди, но и - Духи и сама Природа. Когда он начинал сказывать «Манас» - говорит предание - возмущалась природа: поднималась буря, земля начинала содрогаться, скотина сбегала в панике с ленок и сама прибегала в аил.

Любопытна одна деталь: в устном предании Келдибек предстает еще и знахарем и заклинателем, излечивающим душевнобольных и изгоняющим злых духов из рожениц.

И в этом нет ничего странного: языческий пантеон давал обильную пищу и избранникам Духов - шаманам, и избранникам Неба - поэтам-импровизаторам.

Корни, питающие эти два явления, были одни - языческий культ.

В связи с этим будет уместно упомянуть об одном любопытном и малоизученном явлении,

которое условно можно обозначить как «болезнь, или психоз Манаса». Случалось так, что некоторые сказители после инициации - посвящения их в манасчи - отказы вались выполнять священную волю Манаса (а бакшы - своих Духов). В подобных случаях на «избранника» насыпалась тяжелая болезнь или психический недуг, и человек попросту терял рассудок.

*** Басилов В. Н. Избранники духов. - М.: Изд-во политич. лит-ры, 1984, с. 120; ~**

Некоторых, особо строптивых, Дух Манаса уничтожал, а в отдельных случаях вытягивал провинившимся шейные позвонки, так что они после этого не были в состоянии держать голову.

Эпос «Манас» глубоко уходит своими корнями в Междуречье Енисея и Алтая, в культуру енисейских кыргызов VI-XII вв., захватывая и часть Таштыкской культуры I-V вв. н. э., о чем свидетельствуют красноречиво памятники материальной культуры и культура звериного стиля в эпосе «Манас».

Нам также представляется - влияние Ислама на эпос настолько ничтожно и поверхностно, что не оставило сколь-нибудь заметно-го следа на нем. Вся семантика и содержание эпоса, особенно то летучее состояние, которое принято называть атмосферой и настроением эпоса - несет в себе печать центрально-азиатской кочевой культуры, с ее троичной моделью мира, с ее мрачным пантеоном языческих богов и идолов, с ее древними руническими письмами, с ее седыми мифами и преданиями.

Сами сказители эпоса считали себя лишь невольными исполнителями высшей небесной воли и были убеждены в том, что прекрасные песни, которые они слагают - не что иное, как свет чудесного божественного вдохновения, которое ниспослано им в качестве благодати бессмертным Духом Манаса Великодушного. Поэтому манасчи окружали свой поэтический дар сакральным ореолом и строго следовали определенным религиозно-мистическим канонам поведения.

Манасчи Сагымбай Орозбаков, будучи человеком глубоко религиозным, перед исполнением «Манаса» совершал ритуальное омовение и творил поминальную молитву, посвященную духу манаса и его сорока дружинникам.

Академик В. Радлов в восьмидесятых годах прошлого столетия писал: «Он (анонимный сказитель) сказал мне: «Я могу спеть какую бы то ни было песню, так как Бог наделил меня ис-

кусством пения, он влагает в мои уста слова, и мне не приходится искать их, я не выучил ни одной песни, и все вытекает из меня». И он прав. Певец-импровизатор воспеваешь не размышляя о форме, как говорящий не задумывается об артикуляции. Талантливый певец может петь, не переставая, день, неделю, месяц. Всякий опытный певец поет по вдохновению, так что он не в состоянии спеть одно и то же дважды, не изменяя форму изложения». * Когда манасчи утверждают, что до так называемого наития свыше они не знали содержания эпоса и не умели слагать песни, они не говорят всей правды. А правда здесь заключается в том, что все выдающиеся манасчи прошлого были высокоодаренными поэтами. Скупые биографические данные о них подтверждают наше предположение. Безусловно, среди сказителей, как это бывает в художественном творчестве, было много и посредственности, но мы не знаем о них именно в силу этого обстоятельства. Еще до инициации (обряд посвящения во сне или наяву), они уже были зрелыми акынами-импровизаторами. Каждый из них к этому времени, без сомнения, прошел определенную школу словесности, ознакомился с эпосом и досконально изучил его. В природе нет сказителей без поэтической школы, все они слагали собственные песни, опираясь на опыт традиционных поэтических шедевров прошлого, но по собственным законам, сотворенными самими поэтами. Все они учились у других акынов

(хотя с неохотой вспоминают об этом), пока сами не обрели самостоятельного голоса. И все они знали изнуряющий, каждодневный литературный труд: они годами вынашивали идею и пластику поэтических сказаний. И однажды - поэт созрел для Сокровенного Сказания, и тогда ему снился же-ланый вещий сон, и во сне к нему являлся Великодушный, и нисходила на поэта божественная благодать и вдохновение...

. Радлов В. В. Предисловие. - В КН.: "Манас» - героический эпос киргизского народа. - Ф.: Илим, 1968, с. 28--29; 8-2096

Поэт становился сказителем эпоса «Манас» - манасчи. Каждый настоящий манасчи - по народному поверью - имел собственного Духа-Покровителя, который чаще всего являлся в образе о!удесного белого верблюжонка или грозного самца верблюда - буура, или белого лебедя... иногда - юной прекрасной девы.

* * *

...Устало ехал юный манасчи, свесив свободно поводья. Долгая дорога сморила его, и он спал на ходу, когда его в безлюдном месте стал преследовать белый верблюжонок. И юноша, настегивая коня, ушел от его преследования. Верблюжонок не оставлял его в покое. Он превратился в юную чудесную деву и вышел к нему навстречу с чашей, наполненной до краев кумысом.

Испугался юноша, не взял протянутой чаши. Он испуганно проводил ее взглядом, и, когда вновь оглянулся на дорогу, она вновь шла ему навстречу с протянутой чашей. И тогда он взял чашу и испил кумыса, а девушка внезапно исчезла. С тех пор верблюжонок всюду следовал за ним. Иногда он принимал облик прекрасной молодой девушки.

К слову сказать: в старину самых выдающихся сказителей именовали не манасчи, а джомокчу (сказитель). В отличие от манасчи-рапсодов, последние были аэдами с собственным оригинальным творчеством. В наше время всех сказителей эпоса именуют - манасчи. Джомокчу - легендарные исполинские сказители эпоса, ушли в прошлое и стали анахронизмом, как, вероятно, уходит в прошлое и иссякает в наши дни сам «Манас», и эстафета его преемственности.

Итак, что же такое манасчи, что это за явление?

Прежде всего манасчи - создатели и хранители эпоса.

Именно благодаря сказителям эпоса памяти эпической культуры смогли занять свое достойное место в сокровищнице мировой культуры.

Манасчи - высокоодаренный поэт-импровизатор с феноменальной эмоциональной памятью и удивительно образным воображением.

Манасчи-хранитель огромной генетической памяти и, в первую очередь, исторической и этнографической.

Манасчи - хранитель огромного литературного наследия минувших веков. И в этой своей ипостаси манасчи выступает в роли летописца истории.

Хороший сказитель эпоса непременно хороший драматург. Он цепко держит слушателей в своей власти в течение многих дней, недель, месяцев не только гипнотической силой Слова, но и крепкой и напряженной драматургией эпического сказа.

Манасчи - мелодист и композитор.

И, наконец: манасчи - это театр одного актера. Мы не знаем, кто был первым сказителем

эпоса. Возможно, это был один из сорока дружинников Манаса, возможно, это был безвестный овечий пастух или табунщик. Предание донесло до нас имя легендарного Джайса-Ырчы, современника Манаса, который первым воспел его деяния. В самом эпосе упоминается имя и другого, ~. песнопевца - Ырчы-уула, дружинника Манаса. :e

Народная память сохранила имена выдающихся сказителей прошлого: Келдибека, Балыка, Акылбека, Тыныбека, Назара, Найманбая, Телтая, Калмырза, Донузбая, Жандаке, Чоодо-на, Кенже-Кара.

Прямыми наследниками этих великих сказителей в советскую эпоху были - Чоюке, Шапак, Тоголок-Молдо, Багыш, Молдобасан, Сагымбай, Саякбай*. Саякбай Каралаев... ; - "

. Р. з. Кыдырбаева. Сказительское мастерство манасчи. - Ф.: Илим, 1984, с. 5;

Великий сказитель, один из последних манасчи из плеяды выдающихся сказителей прошлого, со слов которого была записана трилогия «Манас».

В 1966 году автором этих строк было отснято *более* десяти тысяч полезных метров материала эпоса «Семетей» (Вторая часть трилогии о «Манасе»;) в исполнении С. Каралаева. Снимая на берегу озера Иссык-Куль, мы попросили сказителя сымпровизировать по поводу озера. Мы знали, что в варианте Саякбая нет и не может быть эпизода об озере Иссык-

Куль, и наша просьба было своего рода провокацией.

Мы попросили старика подготовиться, и Саякбай кивнул в ответ: «Я готов». Манасчи, Видимо, догадался о намерении режиссера, и на глазах у всей съемочной группы произошло чудо - Саякбай буквально «на лету» сочинил прекрасную поэтическую легенду об озере, о его красоте, о его прошлом, удивительно умело увязав сказ об озере с сюжетом второй части «Манаса» - «Семетей».

Саякбай продолжал бы и далее, но пленка в синхронной камере кончилась, и мы с сожалением вынуждены были остановить старого манасчи.

Это была всего лишь небольшая двадцати-минутная импровизация, но сколько осязаемой пластики было в этом коротком поэтическом отрывке!

Красота. Музыкальность. Чувственность. И особая, голубая и чарующая атмосфера эпической поэзии.

Вся съемочная группа стала свидетелем высочайшего акта поэтического творчества выдающегося манасчи.

Таков был Саякбай!

Каждое поколение желает иметь своего писателя, артиста, певца, балерину, а кыргызы к тому же - и своего манасчи.

И каждое поколение слушателей эпоса превозносит до небес сказителя своего времени. Он, их сказитель, кажется данному поколению единственным и «самым-самым».

Нам, слушателям Саякбая, тоже казалось, что самый гениальный и выдающийся манасчи всех времен - это он, Саякбай Каралаев.

Так продолжалось до тех пор, пока мы не «открыли» для себя другого, истинно великого манасчи советской эпохи - **Сагымбая Ороз-**

бакова. Мы с сожалением вынуждены были признать, что Сагымбай, конечно же, поэт из поэтов, и что его волшебная поэзия есть своеобразное, ни с чем не сравнимое

высочайшее искусство. Но от этого поэзия Саякбая Каралаева не померкла, а только приобрела для нас иной смысл и красоту.

И сегодня два великих манасчи нашего времени - САГЫМБАЙ и САЯКБАЙ - выступают, как двуглавые вершины одной величайшей эпической горы - «МАНАС».

Саякбай Каралаев был не только великим поэтом-импровизатором, но и выдающимся драматическим актером, которому были подвластны многие тайны актерской магии. Его искусство является вершиной монотеатра. Это целый образный мир в развитии исполнительского искусства, и мы не решаемся поставить с ним рядом даже самых выдающихся актеров нашей сцены.

Саякбай Каралаев - не только великий манасчи, но и великий знаток фольклора, этнографии, генеалогии (санжыра). Он был настоящей энциклопедией народного искусства и устной культуры: он превосходно знал народные поверья, был непревзойденным знатоком лошадей, ловчих птиц - беркутов, соколов; знал на память тьму народных баек, шуток, анекдотов. Я когда-то записал у него массу вещей о ловчих птицах, женщинах, но, к сожалению, все это было утеряно.

Саякбай Каралаев был самым веселым шутиком, балагуром и, если хотите, сквернословом. Он часто прибегал к соленому, хлесткому народному юмору. Но при всем этом он был свободен от пошлости и плоскости. Обладая неподражаемым народным юмором, он и

эротические и сексуальные сцены эпоса окрашивал в легкие шуточные тона.

Ничто человеческое не чуждо "Манасу», в том числе и эротика. В "Манасе», как в любом народном творчестве, изрядное количество эротики и даже сексуальных сцен, и, возможно, я когда-нибудь расскажу об этом, рискуя навлечь на себя праведный гнев блудливых блюстителей высокой нравственности.

Хмурый весенним днем 1972 года жители столицы прощались с великим манасчи Саякбаем Каралаевым.

Умер последний манасчи из плеяды великих сказителей прошлого.

Вместе с Саякбаем в прошлое уходила целая Эпоха.

Саякбай Каралаев ушел одним из последних. До него ушли многие великие представители нашей культуры:

акыны: Осмонкул Болебалаев, Алымкул Усенбаев, Калык Акиев, Ысмайыл Борончиев; комузчи: Карамолдо Орозов, Ыбрай Туманов; любимец народа, певец - Муса Баетов;

сказитель эпоса - Молдобасан Мусулманкулов; 1

музыкант - Саид Бекмуратов и многие

и

другие...

У патриарха кыргызского изобразительного искусства Гапара Айтиева и Народного художника республики Кожамметова есть знаменитое живописное полотно, где волею художников сведены вместе эти выдающиеся представители нашей культуры. Они больше принадлежали веку - прошлому, нежели нашему. И Саякбай Каралаев тоже принадлежит, безусловно, прошлой эпохе. II

Итак, ушла в прошлое выдающаяся плеяда великих людей, и Саякбай Каралаев был одним из последних. Померкла наша культура, наступили сумерки народного искусства.

...Порою так случается, что срубленное или спиленное дерево, всеми забытое и уже, казалось бы, мертвое, вдруг начинает пускать молодые побеги за счет собственных соков, несмотря на то, что оно лишено корней, лишено почвы, питающей его жизненно необходимыми соками, и обречено на гибель.

Манасчи Шаабай мне напоминает подобное дерево: он трагически одинок, он пережил всех великих сказителей эпоса «Манас», он давно уже лишен фольклорной почвы и живет лишь за счет собственных генетических соков, питающих его самобытное и редкое дарование. Шаабай - реликт прошлого, переживший собственную эпоху.

Шаабай - последнее звено в многовековой живой цепочке сказителей эпоса «Манас». Последний Манасчи.

Шаабай Азизов - истинный манасчи и акын-импровизатор. Это значит, что он - поэт от Бога. Только акын-импровизатор может быть сказителем эпоса. Шаабай прошел весь традиционный путь профессионального манасчи. Он - потомственный манасчи, перенявший сказительский дар как богатое наследство от дяди, знаменитого манасчи Чоюке, затем от Саякбая и, наконец, от отца Азиза. Его родной дядя был исполинским манасчи, одним из крупнейших сказителей прошлого столетия, жившего на переломе века. Отец Шаабая, Азиз, сыграл роль реципиента и передал сыну по семейной эстафете все богатейшее содержание и волшебные, немеркнущие краски гениального эпоса, так что Шаабай - хранитель и продолжатель сказительских традиций великого Чоюке.

Люди, которым доводилось слышать Чоюке, утверждают, что Шаабай рассказывает в манере, очень близкой великому Чоюке.

Ремеслу сказителя Шаабай учился у непревзойденного мастера сказа Саякбая Кара-лаева, которого и считает своим учителем и духовным наставником, наряду с Чоюке и своим отцом.

Когда отец Шаабая, Азиз, убедился, что сын достаточно овладел мастерством сказа, он сам перестал рассказывать и передал эстафету сыну. Шаабай с раннего детства слушал «Манаса» в рассказывании отца и заболел «Манасом» (есть такая болезнь среди сказителей).

Мальчик часто убежал из дома и, уединившись, рассказывал эпос. Отец пытался отговорить мальчика, наказывал его, но ничто не помогало, мальчик все больше и больше заболел «Манасом», и тогда отец забил, как полагается, скотину и, пригласив гостей, получил их благословение.

И мальчик стал манасчи. Было Шаабая тогда семь лет, и с тех пор он рассказывает «Манас». Шаабай тоже считает себя невольным исполнителем высшей Небесной воли и убежден в том, что прекрасные песни, которые он слагает, - не что иное, как свет чудесного божественного вдохновения, которое ниспослано ему в качестве благодати бессмертным Духом Манаса Великодушного.

Шаабай Азизов - истинный поэт и драматург. Он - автор и исполнитель не только классической трилогии о Манасе: «Манас», «Семетей», «Сейтек», но и автор-сказитель еще шести частей эпоса, а именно: «Эр Сарык», «Алымсарык», «Кулансарык», «Эр Кенен», «Джаяр баатыр», которые еще не записаны.

* * *

Шаабай - как наша забытая бедная культура - и вспоминают о нем очень редко.

Иногда его приглашают в столицу на какую-нибудь научную конференцию или иные торжества, где он рассказывает «Манас» перед вежливыми и равнодушными гостями.

Далее о нем опять забывают до очередных мероприятий.

И так проходят годы... Когда умер Саякбай, Шаабай осиротел по частоящему: ушел последний великий ма-

насчи, и вместе с ним умерло древнее ремесло.

Вымерла наиболее одарённая часть сказителей - «ЧОИ манасчи» («великих манасчи»). Теперь он остался один на всем белом свете. Одиноким и самым несчастным представителем великого племени сказителей.

Опустилась черная ночь.

Угасла устная культура целого народа.

* * *

Всему есть начало, и всему есть конец: эпос, как и всякий живой организм, однажды появляется на свет, переживает бурную юность и, однажды, достигнув зрелости, останавливается в своем росте. И теперь уже эпос окончательно сформировался и представляет собою замкнутую эстетическую систему, дальнейшее развитие которой было бы не только непродуктивным, но привело бы к деформации жанра. И эпос умирает. И, умирая, уходит в бессмертие. Наступают новые времена, и вместе с ними - эпоха книжно-эпической формы эпоса, которую мы и переживаем в настоящее время.

* * *

Шаабая порою охватывает пронзительное и невыносимое чувство одиночества. И чем больше одиночество, тем больше он погружается в надреальный мир «Манаса». Иллюзорный мир эпоса для него и реальней, и желанней настоящего. Тут - всё чужое. Там - всё своё.

* * *

...Когда Саякбай сказывал «Скачки Тайтору», «Гибель богатырей» или «Встречу Бакая с Семетеем», невозможно было слушать его без комка в горле, без слез на глазах. Навзрыд плакали слушатели, не мог удержать слез и сам сказитель.

Саякбай вызывал у слушателей настоящее потрясение чувств, доводил их до экстаза, и

тогда для присутствующих внезапно приоткрывался во всей своей величайшей красоте и суровости сокровенный смысл древнего сказания и его истинные трагедийные высоты.

И разве это не был очищающий душу катарсис великой трагедии? Истинно!

Так оно и было. Успокаивая свою неудовлетворенность реально существующей действительностью, слушатели эпоса погружались в надреальный фантастический мир эпоса, отождествляли себя с героями «Манаса», совершали вместе с ними великие подвиги, которым не было места в повседневной жизни и, таким образом, обретали иллюзию освобождения от жизненных реалий и, самое главное, очищали и возвышали собственную душу.

В итоге - катарсис. Трилогия о «Манасе» - великая трагедия своей эпохи. По своей внешней структуре, внутреннему содержанию и семантике эпос «Манас» относится к одному из самых высших литературных жанров, а именно - трагедии.

И в этом нет никакого сомнения. В эпосе «Манас» соблюдены и классически соотнесены все пропорции и жанровые признаки высокой трагедии вплоть до извечной темы Судьбы (Рока).

В кыргызском эпосе воплотились идеалы вечного и вневременного, и в этом смысле «Манас» - одно из редких надвременных произведений эпического жанра, вобравшего в себя более чем тысячелетнюю духовную культуру древних кочевников от Енисея до Тянь-Шаня.

Идея объединения кыргызских племен перед внешней опасностью, тщетность осуществления этой высокой и благородной идеи в результате вмешательства некоей высшей силы, независимой от воли людей - Судьбы - делают эпос "Манас" величайшей трагедией своей эпохи.

Роковая предопределенность всех грядущих событий эпоса буквально пронизывает все сказание о «Манасе», превращая героев эпоса

в послушную игрушку в руках всемогущего и неумолимого Фатума.

Герои трилогии являются на свет, проживают полную драматическую жизнь и находят свою трагическую кончину лишь по велению и замыслу Судьбы. Рождение кыргызского героя и вся его славная последующая жизнь была предсказана древней китайской Книгой Судеб: «Родится среди кыргызов великий богатырь Манас.

Превзойдет он всех живущих на земле силой, мудростью и величием души. Освободит он кыргызов от власти Кытая и соберет их под своим крылом, из песчинок

, он сделает камень, из разрозненных кыргызских племен - народ, и назовут его кыргызы - «ВЕЛИКОДУШНЫМ».

Еще задолго до рождения Манаса мальчик по имени Мендибай видит сорок чилтенов -

малых божеств, которые носятся с криком: «Жакып! Манас!» - и сообщает об этом будущему отцу Манаса - Джакыпу. Таким образом, Судьба демонстрирует свое могущество, нарушая естественный ход событий и временных связей.

Очень часто герои эпоса руководствуются в своей эпической жизни не собственной волей, а предсказанием и подсказкой Судьбы. Так, у Манаса на этот случай имелся чудесный камень-предсказатель (Тёлгё таш), к которому Великодушный обращался всякий раз перед принятием важных решений: перед счастливым исходом дела этот необыкновенный камень становится легким, как перо птицы, и взлетает над головой Манаса, суля удачу. Но иногда камень как бы вбирал в себя всю тяжесть черной Земли, и тогда Манас не мог сдвинуть его с места: Судьба предсказывала ему неудачу. В подобных случаях Манас, будучи мудрым человеком, откладывал задуманное и, покорный всемогущей Судьбе, оставался дома.

Но сын Манаса - Семетей - однажды нарушил это правило и тем самым бросил вызов Судьбе. По совету своей матери, мудрой Каныкей, он приезжает к волшебному камню и... не может преодолеть его тяжести. И вместо

того, чтобы покориться Судьбе, он как истинный герой трагедии, пытается идти ей наперекор и в итоге - погибает.

В эпосе все подчинено необратимым законам высокой трагедии: в финале эпического сказания Манас терпит поражение от более многочисленных врагов, погибают лучшие его дружинники - Алмамбет, Чубак, Сыргак, Кокчо, сам Манас возвращается в Талас тяжело раненным, потеряв в битве своего боевого коня - Ак-Кула.

В конце первой части сказания «О Манасе» события достигают истинно трагедийных высот. Эпизод возвращения раненного Манаса в свою ставку в Талас, его встреча с вдовой Алмамбета - Арууке, предсмертный керээз - завещание героя, полная его безысходность перед смертью - потрясают трагизмом человеческого страдания, трагизмом нравственного страдания героя:

*«Кырк эки жылы кан болдум,
Кулаалы жыйып, куш кылдым,
Кулдарды жыйып, журт кылдым. Ушу турган калыкка
Тентиген журтту баш кылдым».*

(Сорок два года я был ханом,

*Коршунов собрав, я превратил их в соколов, Рабов собрав разноплеменных, в народ их превратил,-
И для этих народов
Из бродяг я создал правителей»,-*

говорит С глубокой скорбью перед смертью Манас. Он знает, что с его смертью все пойдет прахом: держава распадется, снова поднимут головы враги, семью и родичей ждет неминуемая беда, смерть грозит его юному сыну и поругание ждет его любимую жену Канькей.

Герой погибнет. Плоды его долгих и тяжелых трудов развеются, как пыль.

Под сильным порывом студеного ветра со- бьется во тьме слабенький язычок светильника - угаснет жизнь героя. И только легкий

сизый дымок медленно растает в воздухе, как душа усопшего, напомнив нам еще раз о недолговечности и тщетности человеческой жизни перед лицом Вечности.

Вечность поглотит все героические деяния Манаса и не оставит никаких надежд. Герой умрет не только физически, его ждет нрав- ственная смерть, ибо он потерпел нравствен- ное крушение всех своих идеалов. А как из- вестно - трагедия своим содержанием имеет не только физическую смерть персонажей, но и моральную, нравственную их гибель. Таковы законы трагедийного жанра. Такова жизнь героя, прожитая по законам трагедии.

* * *

Тридцать туменов отборного войска по де- сять тысяч в каждом выступило против за- клятых врагов кыргызов - кытаев и калмаков. Этот поход вошел в эпос под эпическим на- званием «Великий поход», ибо был велик он не только числом воинства, выступившего в поход, но и по масштабам народного бедствия, которое принес он. Исторические следы «Ве- ликого похода» ведут в глубь отечественной истории...

...В 840 году кыргызский каган Хюн-Ву Чен Мин (к сожалению, подлинное имя кыргызского кагана до нас не дошло, и он вошел в историю под упомянутым тронным именем, дарованным ему китайским императором Танского двора. Судя по исторической хронике данной эпохи, кыргызы не только не воевали с Китаем, а напротив - в союзе с ним много раз громили их общих врагов - тогуз-огузов), выступил со сотысячным, грандиозным по тем временам, войском против тогуз-огузов (уйгуров) И при содействии уйгурского полководца **Гуйлу Мо-** хе, перешедшем на сторону кыргызов, разбил их войска, а столицу уйгуров - орду БАЛЫК

сжег и уничтожил. Преследуя уцелевшие ос- татки уйгуров, кыргызский каган дошел до вла- дений карлуков в нынешнем Восточном Турке-

стане и взял их города БЕЙТИН (Бешбалык) и АНЬСИ (Куча). Но сам каган вскоре (в 847 г.) погиб. И тут сами по себе напрашиваются некоторые аналогии: не является ли эпический Бейджин, которым правил Манас в течение шести месяцев, фольклорной транскрипцией исторического Бейтина; не является ли главный эпический герой Манас прообразом знамени- того кыргызского исторического кагана и не является ли, наконец, уйгурский полководец Гуйлу Мохе, перекинувшийся к кыргызам- реминисценцией фольклорного образа ки- тайского витязя Алмамбета?!

Нет исчерпывающих ответов на эти вопросы. Во всяком случае, историки, стесненные стро- гими рамками своей науки, не способны на них ответить. Вероятно, на эти вопросы могли бы дать ответ художники с раскрепощенным мыш- лением и вольной фантазией.

Однако мы несколько отвлеклись... Манас и Алмамбет, Каныкей и Арууке наблю- дали за выступлением войска из белоснежного ордо (юрты) Каныкей. Полог юрты был под- вернут, и через открытую дверь были видны распахнутые настежь ворота и сквозь них - войска, покидающие ставку.

КАНЫКЕЙ (Алмамбету):

*Аяш, аттаНДЫИ сапар алыска, ЖургвнУИ отуз тумвн кол,
БЗЗЖИНИИ канча кундук жал? Кадыр алда жар берсе,
Канча жылда, канча айда Кайра тартып калаСЫИ? Кутунгвн болуп туралык, Келиулгв
твтвп угалык,
Жашырбай жайын айТЫШЫЗ, Арбак урган каапырга
Алдырбай аман кайТЫШЫЗ!*

*Аяш, Вы собрались в дальний путь,
Вы повели с собой тридцать туменов (войска),
Скажите - сколько дней пути до Бейджина?
Если творец благословит ваш путь, Через сколько месяцев и лет Вы рассчитываете
вернуться?*

*Мы же будем (смиренно) ждать вашего возвращения,
Запасишься огромным терпением.
Пусть светел будет ваш путь и удачливы дела, Возвращайтесь поскорее с победой!*

АЛМАМБЕТ (Каныкей):

*Аттанган жолум шар болсо, Алда талаа жар болсо, Уч ай токсон жал журуп Эримендин
чвлундв
Жатып алып кош кыштап, Алты ай анда болорбуэ. Тогуэ ай эсеп болгондо,
Бээжинден чалгын чаларбыэ, Алдырсак да, алсак да
Алты ай уруш саларбыэ. Кайра уч ай жал журсвк,
Бир жарым жыл болгондо, Он тогуэ айга толгондо
Айланып келип каларбыэ.*

*Если будет скор наш путь,
Если творец благословит наш путь,
Трехмесячный путь лежит до пустыни Эримена. Там и зазимуюм и шесть месяцев
Проведем в дымных походных шатрах.
По истечении девяти месяцев (от начала похода), Мы произведем разведку врага
И шесть месяцев будем воевать Бейджин. И только после этого,
Отсчитав три месяца обратного пути, Через полтора года, когда исполнится
Девятнадцать месяцев, Мы возвратимся назад,
Если будет на то воля Творца!*

КАНЫКЕЙ:

*ЖОЛУИ8Р шыдыр,
ЖОЛДОШУИ8Р кыдыр болсун!
Пусть будет удачлив и светел ваш путь!*

МАНАС:

Аттандык - Пора.

Алмамбет и его жена Арууке выходят из юрты. Каныкей и Манас задерживаются в юрте и выходят из нее чуть погодя.

Ставка Манаса. Раскрытые настежь ворота. Огибая юрты, текут войска. Манасу подводят его коня - Дк-Кула, а Алмамбету - Сарала.

КАНЫКЕЙ (*отъезжающему* Алмамбету):

Аяш, бери токтойтур. - Погоди-ка, аяш, на слово.
Алмамбет остановился. Остановился и Манас.

КАНЫКЕЙ:

Улуктун кучу эл менен,
Катындын кучу эр менен, Таянар жалгыз тврвмду, Жаман жоого жвнвттту.
Айрылып алып арстандан Арманда бойдок влвмбу? Суйуп мээрим канбады, Аркасында
баатырдын, Суйунвр туяк калбады.
Кап таган кАЛЫИ жоо болсо, Кашында киши жак болсо, Каралашар сиз деймин
Кайратты сизден издеймин!

Сила правителя - в народе,
Сила жены - в муже-покровителе.
Мой повелитель и моя единственная опора, Покидает меня и уходит в поход. Неужели я
лишусь моего льва, И умру от черной тоски?
Я ведь еще не насладились жизнью, Я еще не утолила жажду любви,
Мой повелитель одинок, нет у меня наследника- копытца. ..
Если враги окружают (его),
Если рядом с ним не окажется никого, Я надеюсь только на вашу помощь,
Вы - моя единственная надежда и опора!

АЛМАМБЕТ (Кань/кей):

Аттигине, желеке!
Арстанды жалгыз деДИИИЗ, Аягы тийди вэумв,
Ар турдуу айткан кеБИИИЗ.
Жалгыз дейСИИ баатырды, ~ Жайнап жаткан кеп кыргыз,

Кимге тууган акыры?
Башка кудай салганга
Квнвт зкен ар-бир жан,
Маа тапшырды" баатырды,
Менде да тоодон чо" арман! Астында турган бир кулдун, 8зунвн белек кими бар?
Э"сеп барар злим жак, Таянарга тага жак,
ТагДЬ/р жетсе даба жак.
Жанымда турган кырк баатыр
Жакшыраак болсом кврв албас, Жарлык кылсам квнв албас, Шашкалал(ИУУ кун болсо
Жанымдагы кырк баатыр
Жакшылап жууп, квмв албас. Арбагымды ким сыйлайт,
Аманат жанын ким кыйнайт, Азып жургвн бир кулга
Абыдан кейип ким ыйлайт?! Баркырап ыйлап балам жак, Баркымды билер адам жак.
Карап турсам дуйнвдв
Алганымдан жакын жак, Алганым анык куйбвсв
Атылган ташка биздин ок!

*Сестра моя! Как могли вы сказать, что одинок баатыр - Манас.
Ведь ваши необдуманые слова больно задели меня.
Ибо не Манас одинок, окруженный многочисленными кыргызами,
А одинок по-настоящему я, ибо нет у меня никого, кроме собственной тени.
Вы поручили льва - Манаса - моим заботам, А чьим заботам поручу себя?
Моя печаль огромна, как гора, ибо нет у меня никого:
ни народа нет у меня, ни родичей нет у меня. Сорок витязей, что рядом со мной,
завидуют мне
и не допустят моего возвышения. Сорок витязей, что рядом со мной, неохотно
повинуются моим приказам и тайно ненавидят
меня. И однажды, в один из суетных дней, когда окончатся МОИ дни, сорок витязей,
что со мной... Не сумеют хорошенько обмыть мое тело и
предать, как положено, земле. Кто решится причинить боль своей душе,
оплакивая одинокого,*

*скитающегося раба без родины?
Нет у меня ребенка - наследника, который бы громко плакал,
Нет у меня близкого (родича), который бы оценил меня по достоинству.*

Я понял, что в этом мире нет никого ближе собственной жены: лишь она будет горько
меня оплакивать и страдать по мне после смерти.
Но если этого не случится, тогда нет истины в жизни, и все наши надежды и ожидания-
мираж.

Все были глубоко опечалены словами Ал-мамбета.

Сорок дружинников - тоже, и никто из них не подумал обидеться: ибо Алмамбет сказал не
только искренне, но и истинно. Арууке решила утешить Алмамбета перед дальней до-
рогой. Подтянувшись на цыпочках, она сказала Алмамбету:

*Боздоду'и ыйлап бота учун,
Болжолун бил бей тим жургвм, Бюмда бар б~р кумвн...*

*Ты оплакивал (свою) судьбу, жалуясь, что нет
у тебя наследника, Ты вынудил меня сказать о том, что я
беременна.. .*

Алмамбет благодарно целует жену и осторожно опускает ее на землю.

*КАНЫКЕЙ (шепчет, как заклинание): Барса келбес жер деген,
Беттешип пенде же'ибеген,
Жара ткан өз'и жардам бал,
Сапарга чыккан О'и менен солго...*

*Говорили, что это путь, откуда нет возврата, Говорили, что это непобедимый недруг.
О, создатель, не откажи в помощи всем кыргызам левого и правого крыла,
вступившим на кровавый путь войны...*

НАРОД (Манасу):

Аттанган ЖОЛУ'и шыдыр болсун, Квкв ТеліНР жар болсун!

*Пусть будет скор и светел твой путь,
Пусть создатель хранит тебя в пути! МАНАС:*

*О-о, калы#(злим, кыргызым,
Керууквнчв аман бол!*

Дружно заголосили оставшиеся женщины. И, покрывая их голоса, раздался рев мужчин. Войско тронулось В путь. Оно представляло грозную и величественную картину:

*Амандык айтып чуркурап, Адамдын баары бурку рап, Аскердин арка жагынан
Арстандар жвнвп калганы: Аргымак аттар арылдап, Ала байрак дарылдап, Асабалар
жалпылдап,
Алтындуу калкан жаркылдап, Найзанын учу калкылдап, Бвдвв тулпар алкылдап,
Белде кылыч шаркылдап, Астындагы Бакайдын
Квк тулпары балкылдап,
Курвкк соот жылтылдап,
Жортулга минген кой буудан Жоргосу чыгып кылтылдап,
Кошуундун башы кылкылдап, Кернейлери баркылдап, Сурнайлары такылдап Добулбасы
элКылдап,
Жер майышып былкылдап,
Баатырлар жвнвп калышты...*

*Аргамаки шумели, как ветер,
Пестрые знамена полоскались на ветру, Шелковые флаги взвивались и хлопали, Золоченые
щиты слепили глаза,
Кончики копий блестели на солнце,
Горячие застоявшиеся кони рвали поводья, Острые мечи бряцали на поясе,
Серый тулпар Бакая шел иноходью
впереди всех, Никому не уступая дороги.
Железные доспехи сверкали (на солнце),
Многие, впервые оседланные боевые кони, оказались
иноходцами и плавно покачивались,*

*Тысячи боевых шлемов (бойцов) мерно
колыхались, Оглушительно ревели медные кернеи.
Тяжко гремели боевые барабаны (добулбасы), Земля прогибалась под тяжестью
многотысячного
войска, Это к ы р г ы 3 Ы выступили в п о ход...*

(Перевод автора)

Берег живописной реки. Зеленые луга. День. Догоня головные отряды войска, Алмамбет выехал на высокий берег живописной реки и остановился, потрясенный открывшейся перед ним колоритной картиной беспечно расположившегося на отдых войска: Многие спали, спрятав головы в скудной тени чапанов; Паслись в густой высокой траве стреноженные кони; Повсюду, до самого горизонта, виднелись пирамиды из копий и секир; Некоторые потели на солнце, укрывшись полотнищем знамен; Кто-то варил себе обед; Кто-то пытался ловить рыбу собственными кальсонами, забредая голяком в речку; Кто-то плавал саженками в тихом омуте; Кто-то стирал в речке исподники; Кто-то мял соседу спину... Алмамбет гневно взглянул налево, взглянул направо и вытянул коня петлей. Когда Алмамбет, бросив поводья младшему дружиннику, стремительно вошел в походный шатер Манаса, тот играл в чатыраш (шахматы)

с кем-то из дружинников. Все сорок дружинников были тут же.

АЛМАМБЕТ (с порога, не здороваясь ни с кем):

*Кабылан Манас баРСЫПыбы? Катасыз уккун арзымды! Калктын ззси кан десем,
Кашкай чыккан каРСЫПыбы?
ЖайгаНЫПы отуз тумвн КОЛ,*

*Барарын Бээжин алыс жал.
Чатыраш ойну~ чачылсын, Тврэм, Уйкудан квзу~ ачылсын, Тврэм!
Колу~ун баары эндекей, Тврэм, Колу~ду баштап нетемин, Тврэм,
Жообу~ду бергин кетемин, Тврэм!*

Где ты лев - Манас?

*Выслушай внимательно мои слова (жалобу). Я думал ты - Х а н, отец (рукоять) народа,
А ты, оказывается, всего лишь смертный, лишенный гордости.
Ты собрал тридцать туменов войска и возомнил завоевать
Могучий Бейджин.
Оторвись от шахмат, про снись же наконец и открой глаза.*

(Алмамбет гневно сметает с доски шахматные фигуры).

*И ты увидишь, что твое войско - сброд беспечных и праздных людей...
и потому обречено на гибель.
Я не желаю вести такое войско,
Отпусти меня, ибо не к лицу мне начинать бесплодное дело.
Я не желаю обречь себя на бесчестье, а войско -
на гибель.*

Все сорок дружинников молча выслушали Алмамбета и не выказали никаких чувств: они ждали, что скажет Великодушный. Манас был глубоко уязвлен словами Алмамбета и, несмотря на это, проявил свою обычную выдержку, мудрость и склонился к справедливым словам:

*Эр Бакайга не балду?
Эмине учун башкарбайт
Эндввлтпвй квп колду? Айдаган колу аз эмес,
А~дабайт, билбейт дегидей Абакем Бакай мас эмес!
Ажыбай, Сыргак бааРЬПф8Р, Ак сакал Бакай КарбПф8р Кв~улунв албаса,
Свэумду согун салбаса,
Айтты деп наалат кылбаса, Айтканыма квнсун де,*

Азыркы ЖОЛКУ кандыгын Алмамбетке берсин де.

*Что случилось с мудрым Бакаем?
Почему он не управляет войсками,
Почему творится такой беспорядок (в войсках)? Разве он новичок в ратном деле,
Тогда почему так неладно в войсках? Наверное, постарел мудрый Бакай... Ты,
Ажыбай, и ты, Сыргак!
Скачите скорее к отцу нашему Бакаю, И если не обидится он,
И если уважит мою просьбу,
И не отклонит моих слов -
Пусть исполнит мою просьбу
И уступит на этот раз ханство над войском -*

достойному Алмамбету. СЫРГАК (Манасу): Живи, баатыр!
Истинны и справедливы твои слова. Вот за это я люблю тебя.

(Возле походного шатра Бакая двое воинов из-под ладони вглядываются вдаль):

Дөбөдөгү чатырдан
Бизди кээдэй чапкылап Келе жатыр эки жан,
Ка тыны эркек туугандай, Кан, Абаке, бу кандай?

От шатра Великодушного отделились два
всадника и скачут во весь опор в нашу сторону. К чему бы это, отец Бакай?

БАКДЙ, не оборачиваясь, говорит:

Алтын айдар, чок белбоо,
Азнкандын жалгызы
Аскердин келли СО/-фунан, Аламан всквн бу элдин
Кылыгын квруп алгандыр,
Колу-у баптап нетем деп, Колдон кайра кетем деп,
Кандыкты мага бергнн деп, Кынбат баз Алмамбет
Кыныктанып калгандыр.
Кыраан Манас бааТЫРЫ/-f

КЫЛЫГЫН(этни жооп айта албай Тууктанып калгандыр. Анд ай болсо жугуруп,
Ат аЛЫПАР, балдарым.
Ажыбай менен эр Сыргак
Баатырлар келли калгандыр...

К изумлению воинов, к шатру Бакая, как он предсказал, приближаются Ажыбай и Сыргак и спешиваются.

Единственный (сын) Азизхана,
золотокосый, с золотым кушаком,
Вероятно, приехал вслед за нашим войском. И увидел в войсках обычный беспорядок
привыкших к вольной жизни людей.

Вероятно, он встревожился за судьбу людей и сказал:

"Я не желаю возглавлять такой сброд и покину
твое войско,

Если не получу всю власть (ханство) над войском». И Манас не нашел, что ответить
Алмамбету,

знающему себе высокую цену. Так что идите, юноши, и встречайте Ажыбая

с Сыргакком, которые приехали просить для Ал-мамбета <'ханство над войском».

Итак, Алмамбет был назначен «ханом войска». Он ввел в разболтанных кыргызских войсках суровую дисциплину и жестокий порядок, нарушение которых каралось смертью, невзирая на лица. Дружинники, привыкшие к вольной жизни, тяготились новыми порядками иноземца и проклинали Алмамбета. Некоторые из них подбивали на бунт других и пытались бунтовать сами. Но Манас решительно пресекал все беспорядки, так как видел от нововведений Алмамбета только великую пользу. Сам Манас в качестве простого воина вошел в десятку Тазбаймата и наравне со всеми безропотно переносил все тяготы трудного похода. Когда Алмамбета назначили «ханом войска», он обратился ко всем со следующими словами:

Ушу турган калайык!

*ЖашЫИ менен КарЫИ ук,
Жалпы аламан баарЫИ ук*

*8кумум эквв болот деп 8зум барда ОIфлобо,
длгвнчв мага ОIфнобо! Мындан ары карата
Ат чалдырып втп8ЙСУfi Азык ичип квчп8ЙСУfi,
Чыканак жерге салбайСЫfi, с--.:; Чырым уйку албайСЫfi,
Бу журууqv кандайСЫfi? ,-
Ушу болгон он бавы, Ондун бири жоголсо
КОЙНУfiа толор квз жавы. Ушу болгон жуз бавы Жуздвн бири жоголсо
ЖУЗУfiДУЖУУР квз жавы. Ушу болгон МИfi бавы МИfiНfi аман келбесеfi
АжаЛЫfiДЫН жеткени!*

*О, народ Кыргызский!
Слушай мое повеление.
Слушай меня млад и стар,
Слушайте меня всем миром.
Я не скажу двух разных слов и приказ мой един. И пусть никто не смеет со мной
шутить!
Отныне никто не смеет самовольно кормить коня, Отныне никто не смеет вздремнуть
(поставить
локоть на землю), Отныне никто не смеет самовольно сделать
глоток воды. Три месяца, не расслабляя поясов, мы будем
двигаться на Восток. Потом мы зазимуюем и проведем шесть месяцев в
дымных шатрах. Эй вы, десятские! Если будет потерян хоть один
из десяти, вы умоетесь слезами. Эй вы, сотские! Если будет потерян один из
сотни, вы прольете горькие слезы. Эй вы, тысяцкие! Если потеряется хоть один из
тысячи - горе вам!*

*Горы. Усталые, измотанные многонедельным трудным переходом кыргызские войска
пред- ставляли жалкое и далеко не воинственное зрелище,
Многие с трудом удерживались в седлах, у многих лошадей были стертые спины и у седо-
ков - зады. Некоторых везли, перекинув через
седла, как переметные мешки - курджуны.*

*Некоторые, спешившись, вели своих коней на поводу.
Старик Кыргызл, ёрзая в седле, поравнялся со своим десятским буйным Бозуулом.*

КЫ РГЫЛ:

*Он башы Бозуул сен болду~, Ойрон Кыргызлмен болдум. Ушу бугун карасам,
Эсеп кылып санасам,
Аттанып жолго чыкканы Сексен эки кун балду.
Азапты артык квргвнчв, Айдалып журуп влгвнчв,
Башымды кесип алса~чы, МаНаСвИф8 барса~чы!
..Кыргызл баатыр влду дет" Кыэыталак кытайга
Барып кабар салса~чы,
Мен кылымдын сообун алсамчы!*

*Десятским моим оказался ты, Бозуул,
Несчастливым Кыргызлом, подчиненным тебе,
оказался я, Я прикинул сегодня и*

Когда подсчитал количество дней - С тех пор как мы оседлали коней,
Прошло, оказывается, восемьдесят два дня. Чем испытывать все эти муки, Чем
околеть в Аорге,
Ты лучше отрежь мне голову,
И доставь ее своему Манасу. . Объяви: (.Погиб баатыр Кыргыз" И порадуи проклятого
кытая,
А душа моя пусть обретет покой!

БОЗУУЛ:

8бвктвзвн, Кыргыз чал! 8лсв~ взу~ влу~уэ,
8нврду влуп кврУіУЭ.
Кыргызчалдан кутулдум,- Лая шукур, шук деймин, БелПиффНэден букт8ЙМУН, Астындагы
АкБОРЧУК,
Арта салып ЖУКТ8Ймун. Эсебин элдин алганда
Азыркы ТураН тогуэ деп,
8лду Кыргыз до~уэ деп, ""

ЭсеБИіАИ беремин,
Койгун, баатыр Кыргызлым, КаЛЖ~/рабай жвнвгун!

Слушайте вы, кривляка Кыргыз-Чал!
Если вы хотите околеть - это ваше дело. И никто вам не помешает в этом.
Со словами: "Лая шукур" - "господи, прими дурака",
Я сложу ваше тело поперек седла й перекину через вашего коня Акборчука, как мешок. И
когда начнут пересчитывать войска, Я отсчитаюсь девяткой моих людей и, указав на
ваши кости, скажу:
"Он был десятым, эта свинья Кыргыз'.,
Так что, почтенный Кыргыз, не болтай вздора И убирайся с моей дороги!

КЫРГЫЛ:

Болду, Бозуул жолборсум, Он бавыны чыгарган
Ойрон кытай о#(босун!

Мой тигр, Бозуул, С меня хватит!
Будь проклят кытай,
Придумавший всех этих десятских!

Те же горы. Впереди войска, на почтитель- ном расстоянии едут Манас, Алмамбет,
Сыргак.
ОТ головной колонны отделяется всадник и, что-то крича, галопом направляется к Манасу
и Алмамбету. Всадники придерживают коней.

МАНАС (Алмамбету):

Ушу тушта де чу эле
Нескаранын кеп зли.
Кошун чыгып калганбы, Биздин элди капталдан Келип уруш салганбы? Ашыккан
Кыргызлым
Аркамдан жвнвп калганбы?

Говорили, в этих местах обитает многочисленный народ Нескара. Неужели объявились
враги И внезапно напали на нас?

Вероятно, Кыргыз торопится, Чтобы сообщить об этом.

КЫРГЫЛ (подъезжая, гневно - Манасу):

*Атагым Кыргыз болгону,
Алтымыш жашка толгону. Азапты мындай кербвдум, Элкнн келген кытайды
Эл бнйлетнп зор кылды,.., Эл журту'(Цун баарына Эрнбеген шор кылды,./
Я - старик по имени Кыргыз,
За шестьдесят долгих лет
Не испытывал таких мучений. Почему бродяге-кь/таю
Ты дал неограниченные права над нами
И тем самым обрек нас на вечные муки?!*

Алмамбет растерянно смотрит на Манаса, Сыргак вмешивается в разговор.

СЫРГАК (Кыргылу):

*Кызыталак Кыргыз Чал, Кан Алмамбет тврвнун Кыйыгына калбагын,
Кылайган тешнк шоола жак, Туюгуна калбагын/
Слушай, ты, поганец Кыргыз,
Не задевай понапрасну достойного Алмамбета, Иначе ты горько пожалеешь об этом
И попадешь в беду, откуда нет ни выхода,
ни просвета.*

МАНАС (Алмамбету):

*Арстаным Алмамбет, Айландыра карасам
Аскерднн шайы кетнптнр, Ажалы жакын жетнптнр,
Арстаным Алмам буя жолго Коно калсак нетнптнр? Лев мой Алма мбе т,
Наши войска действительно очень устали и близки к гибели.
А что если, мой лев, мы дадим
войскам отдых и разобьем здесь бивак?*

АЛМАМБЕТ (Манасурезко):

*,
взу,.двн, тврем, втундум, Эквв болсо вкумум,*

*8зу~дв болсун вкунуч. 8КУМУlt алып ТОЮliУЗ, 8КУНrВНУlt КОЮliУЗ!
Кылымда мындай кол болбойт, Асилы чынын айтканда,
Кыргылыlt влбвй жал болбойт. КЫРГЫЛ чалЫli влбвсв, Кыяматты кербвсв,
КЫРГЫЗДЫН иши Оliолбойт!*

*О, мой повелитель,
Если воля твоя раздваивается, Если ты желаешь вернуть себе Ханство над войском,
Отмени свое повеление и не огорчайся по пустякам.
Меня удивляет, что наше войско оказалось таким невыносливым. И еще я должен
сказать:*

*Пока старик Кыргыз не околеет, Не будет нам удачи.
Пока он не отправится на тот свет, Дела кыргызов не поправятся!*

Кыргыз Чал испуганно вздрагивает, услышав эти слова, а Сыргак, не удержавшись- смеется.

МАНАС - Кыргызлу (раздраженно):

*Калжсыраган Кыргыз Чал, Оройлукту кое сал!
Орчун колдун баарысы О-ун барат дейСИИби,
Калбаган кайрат алыбыз, Он башына баРЬПЫЗ!*

*Слушайте вы, старый глупец, Оставьте грубость.
Вы же видите сами,
что трудно приходится всем.
Так что возвращайтесь-ка к своему десятскому!*

КЫРГЫЛ (проклиная всех и никого в отдельности):

*МаНасЫи менен куруп кал,
КазаТЫи менен чирип кал, КалмаГЫи менен чогултуп, Баарыт жерге кирип кал!*

*8зутд в болсун вкунуч. 8КУМУтф алып тоюцуэ, 8КУНрВНУли коюцуэ!
Кылымда мындай кол болбойт, Асилы чынын айтканда,
Кыргылытф влбвй жал болбойт. Кыргыз чалЫи влбвсв, Кыяматты кврбвсв,
Кыргыздын иши оцолбойт!*

*О, мой повелитель,
Если воля твоя раздваивается, Если ты желаешь вернуть себе Ханство над войском,
Отмени свое повеление и не огорчайся по пустякам.
Меня удивляет, что наше войско
оказалось таким невыносливым. И еще я должен сказать:
Пока старик Кыргыз не околеет, Не будет нам удачи.
Пока он не отправится на тот свет, Дела кыргызов не поправятся!*

*Кыргыз Чал испуганно вздрагивает, услышав
эти слова, а Сыргак, не удержавшись- смеется.*

МАНАС - Кыргызлу (раздраженно):

*Калжсыраган Кыргыз Чал, Оройлукту кое сал!
Орчун колдун баарысы Отфун барат дейсицби,
Калбаган кайрат алыбыз, Он башына баРЬПЫГЭ!*

*Слушайте вы, старый глупец, Оставьте грубость.
Вы же видите сами,
что трудно приходится всем.
Так что возвращайтесь-ка к своему десятскому!*

КЫРГЫЛ (проклиная всех и никого в отдельности):

*МаНасЫи менен куруп кал,
Казатыц менен чирип кал, КалмаГЫи менен чогултуп, БаарЫи жерге кирип кал!*

*Будь проклят и ты, Манас,
Будь проклят и этот поход, И пусть сдохнут все кал маки Вместе со своими кытаями!*

*Кыргыз Чал уезжает. Манас, Алмамбет и Сыргак продолжают путь. Мимо проезжают
воины в походных рядах. АЛМАМБЕТ - Манасу:*

*Кырааным Манас, взУС ук,
Кытайдын айтар свзу'и ук.
Кврбегвн жолго барчуу'и ким?*

Бээжинден чалгын чалчуу'и ким?

*О, Манас, мой неистовый сокол, Выслушай слова кытая.
Кто выйдет на незнакомую тропу,
Кто отправится в разведку в Бэйджин?*

МАНАС - Алмамбету:

*Кан, Алмамбет, өзү'и бар! Падыша болуп башкарып, Колун билип жүргөнсү'и, Э-влөгөн
Какандын Элин билип жүргөнсү'и, Тоосу канча, ой канча,
Жерин билип жүргөнсү'и,
Алмамбет, өзү'и чалгын чал
Колдон тандап кошчунду ал, Жан аябас баатырды ал!*

*Хан Алмамбет, отправляйся-ка в разведку сам! Ты был у них полководцем и знаешь силу
их войска,
Ты был у них властителем и знаешь нравы народа, Ты родился и вырос в этих
краях и знаешь хорошо
эту землю. Алмамбет, отправляйся в разведку, а верного
спутника подбери себе сам!*

АЛМАМБЕТ - Манасу:

*Свзумду ук, хан Манас,
Барган менен баатырлар
КакандьТн жайын биле албас! Чалгы~ы взум чалайын, Бээжинге взум барайын.*

Сырттан Сыргак баатырды Жолдоштукка алайын!

*Слушай меня, хан Манас!
Нашим витязям неведом Кытай,
Поэтому от них мало проку (в разведке), Решено - я сам отправлюсь в разведку, Решено -
я сам поеду в Бэйджин.
В товарищи себе я выбираю неустрашимого и неистового Сыргака!*

**ПОХОДНЫЙ шатер Ч у б а к а. КОНИ вокруг шатра. Кыргызл Чал застал Чуба ка за
СКРОМНЫМ УЖИНОМ со своими приближенными.**

КЫРГЫЛ ЧАЛ (плача):

*Айтыша келсе аТа~ Те~, Алакан ачса бата~ Те~. Сени кудай урбайбы
Алмамбет кулдан кем болсо~. вкунун алды КОЛУНАУН,
врнвгун алды жолу'Шун, Эсебин алды эли'Шин.
Кутуруп кеткен куу калмак Куба тын алды бели НАИН! Аз келгенсип алары
Чалгы~ы кытай чалганы,*

(Чубак при этих словах вскакивает с места)

*Кенеште жак, кепте жак Акбалтанын Чубагы.
Оорукта жатып калганы Бозуул деген немени
Жебеген богу калбады, Же мени кудай албады! Ары тубун Те~ тууган,
Те., туугандан кем тууган Же сени кудай албады!*

*Отцы твои (предки) равны его отцам, И знатность твоя не уступает ему,
Ты ни в чем не уступаешь рабу Алмамбету. Этот раб захватил верховную власть, Это
его назначили ханом войска, Это он командует в походе,*

*Это он отнял у тебя всю силу.
И мало того - теперь и в разведку пошел он сам,
а сын Акбалта - Чубак,
Остался в стороне от всех великих дел*

*И в разведку его не пускают.
О, если бы ты видел, как оскорблял нас этот раб! Бозвл...
Почему меня бог не прибрал! Или тебя, равного им,
И рожденного ровней им,
Ставшего таким ущербным,
Почему тебя бог не прибрал!*

ЧУБАК (воинам):

*Аттангыла, нойгуттар
Аманат жандан тоё.'-йН'
Алмамбет кулду соеюн!*

*По коням, воины-нойгуты,
Пусть лишусь Я своей жизни,
Но я разделаюсь с рабом Алмамбетом!*

*(Разъяренный Чуба к во главе сотни всадников
скачет вслед за Алмамбетом, чтобы убить его). I*

БАКДЙ - Манасу:

*Ачуусу чукул Чубакка
Бузуку Кыргыз барыптыр.
Алмамбет чалгын чалды деп, Жарып айтып салыптыр. Акбалтанын Чубагы
Аскерге булук салыптыр, Кол бузу луп калыптыр!*

*Вероятно, горячего Чуба ка Посетил смутьян Кыргыз
И, сообщив, что Алмамбет
Ушел в разведку, посеял смуту в его душе. А теперь Чубак отделился от войска И решил
убить Алмамбета.*

МАНАС - Бакаю:

*Айланайын абаке!
Акылга дыйкан вЗҮіУЭ, Насаат бизге свЗҮіУЗ. Аккула атты жетелеп, Чуу Чубакка
баРЬШіbIЗ,
Так ушундай тар жерде, Калаба катуу бар жерде, СвЗҮі даары ар жерде!*

*Дорогой мой старший брат - Абаке!
Вы умны и мудры,
Ваши речи - образец мудрости. Возьмите моего коня Ак-Кула,
Езжайте навстречу буйному Чубаку, Укротите его буйный нрав,
Проявите обычную вашу мудрость И выручите нас из этой беды!*

Бакай выезжает навстречу Чубаку и его воинам, ведя в поводу оседланного Дк-Кула, боевого коня Манаса. Бесхитростный и пря- модушный Чуба к удивлен и одновременно польщен, догадываясь, что Дк-Кула предназна- чен ему в дар.

ЧУБАК - Бакаю:

*Айдап КУТТУРДУти кви колду, Аккуланы жетелеп
Абаке, сага не балду?!*

*Мне привычней видеть тебя во главе войска,
абаке. Что же случилось, почему ты один
И почему ты ведешь в поводу Аккула?!*

БАКАЙ - Чубаку:

*Каарданба кан Чубак,
Карайдап келген Алмамбет.
Калкындан карыш жылган жак, Кытайга кызмат кылган жак!
Не гневайся, хан Чуба к,
Скитающийся Алмамбет
Не принес вреда нашему народу, Не оказал услугу кытаям.*

ЧУБАК - Бакаю:

*Кызыталак кытайЫти
Кыргыздын колун баштады, Кылым колдун баарысын Кырып коё таштады.
Тозбогун Бакай жолумду, Касиеттуу КарЫМСЫти, Кармабагын колумду.
Проклятый кытай возглавил наше войско
И чуть не вывел всех нас под корень своими дурацкими порядками!*

О, мой святой старец Бакай, Не вставай на моем пути, Не связывай мне рук!

ЧУБАК - Бакаю:

*Кабылан Манас канкордон, Калк чайнаган анткордон, Кайсы жерим кем эле?
(В это время подъезжает Манас).
Ногойдон нойгут кем беле? Чубактан Манас эр беле?*

*Витязь неустрашимый, леопард Манас,
Только в одном превзошел меня -
Невиданным притворством и хитростью (своей), При помощи которых повелевает
народом. Так чем же ноги лучше нойгутов?
Так в чем же Манас отважней Чубака?!*

Чтобы не устраивать непристойного зрелища перед воинами во время конфликта между ними, Бакай разгоняет людей Чубака. Воины неохотно разъезжаются.

БАКАЙ - воинам:

*Кызыталак, санталак, Аты/о(а минип анталап
Кыйкырып жвнп калды/о(ар,
Кана, кытайды кайдан тапты/о(аР!*

Проклятые бездельники, Чем вы возбуждены,

*Где вы увидели врага?
Возвращайтесь по местам, не гневите меня!*

МАНАС - Чубаку (притворно улыбаясь):

*Арстаным - Чубагым,
Султандык кылар убагы'и. Калкка салып калаба,
Кыйын жумуш ойлоймун Бузук кылып ТургаНьГ'и!*

*Мой лев Чубак,
Наступила пора быть тебе мудрым султаном.*

*А ты мутишь народ , . и разрушаешь наше единство.
Думаю, что это недостойно тебя!*

Почти успокоившийся Чубак, увидев Манаса, вновь закипает гневом и возбужденно обращается к нему, решая высказать все, что накопело на душе за все годы.

ЧУБАК - Манасу (запальчиво и горячо):

*Кирбедим, канкор ОЙНУИ(а, Анты-шерти" мойну,.а,
Оболку мурун башында, Он уч жашар жашымда,
Алтайдын Арал квлундв, Кошулушкан жеримде Айтышканда свз кана? Аттанганда жал кана? Алышканда кол кана?
Кыл болот мизин жалаитым, Намызы,. бирге талаитым,
Кыйрындап кайда адаитым? Ке,.еште жак, кепте жак, Кврушквндв квзdv жак,
Жакшылыктын баарысы Кв,.улдв жак, зсте жак, Айкалышкан Чубагы,.
Оорукта жатып калганы,
Тентип келген калмак кул, Чалгынды взу чалганы. Ааламда жак анткорум, Те,.ебеди,. ар качан
Тентип келген калмакка! Ке,.ештен Чубак калганы Куйбвймун кантип иши,.е, Куйут тушвт ичиме!*

О, мой витязь неустрашимый (канкор); Ты забыл о нашей кровной дружбе, Ты забыл о нашей святой клятве,

*Которую мы дали друг другу на Алтае,
еще будучи юношами, когда я, тринадцатилетний отрок, стал твоим первым другом - побратимом. Куда девалась наша клятва?
Куда девались наши удалые походы?
Куда девались наши кровавые битвы?
Клянясь в верности, мы лизали лезвие булатного меча,
Разве предал я наше общее дело?*

Пусть рассудят нас наши покойные предки - Кто был предан (клятве, а кто преступил ее). Я отстранен от важных дел,

Я не присутствую на военных советах, Я обойден и во всем другом.

И вдобавок ко всему - мне не доверяют,

И - я оказываюсь в тылу, а презренный калмак Алмамбет

уходит в разведку (без меня).

Слушай ты, притворицик великий, каких не видывал свет,

*Ты поставил меня ниже бродяги-кытая, ты унизил.
меня безмерно! Как же мне не обижаться на тебя, если внутри у
меня все горит и пылает!*

БАКАЙ - Чубаку:

*Байкагын Чубак свзумду: Бвлунсви беру жеп кетет,
Бвлунуп калды кыргыз деп Бвлк элге кеп кетет.
Жарылсац ууру алуучу,
Жай уксац акыл нак ууул.*

*Слушай меня внимательно, Чубак: Если ты отложишься от нас,
Ты станешь жертвой волков-недругов,
А по свету пойдет о нас нехорошая молва, И всем нам это будет в убыток. Вот мой
совет тебе.*

МАНАС - Чубаку:

*Эреним, Чубак, таарынба, Алмамбетке баралы,
Чалгы~ы чогуу чалалы!*

*Не обижайся, достойный Чуба к, Мы едем с тобой к Алмамбету, И едем вместе в
разведку!*

Вершина гор. Лето. Алмамбет смотрит из-под руки и узнает в приближающихся
всадниках Чубака и Манаса.

АЛМАМБЕТ - Сыргаку:

*Кыйратмакка кытайды
Кыргыз жор туп бвлунду,*

*КЫЗМАТЫ~ актап кылсам да, Кытайлыгым билинди! Кара кезек Кыргагым, Кагылайын
Сыргагым,
вйдвлуу жерде вбвк жак,
взу~д вн башка жвлк жак.*

*Чтобы покончить с одиноким кытаем,
Кыргызы рыщут сюда, отложившись от войска, И как бы я ни служил им честно,
Они видят во мне китаец-врага!
О, верный мой друг, дорогой мой Сыргак, Дела мои плохи и помощи ждать неоткого, И
нет, кроме тебя, опоры у меня,
Так что вся надежда только на тебя.*

Алмамбет изготавливается на всякий случай к бою - подтягивает подпругу.

Чубак приближается вскачь. Очень возбужден. ЧУБАК: Арыбагыла! Здравствуйте!

СЫРГАК: Бар бол, баатыр. (Алмамбет на при-
ветствие Чуба ка не отвечает). Живи, баатыр. МДНАС (притворно): Эки баатыр
нетти~ер,
Эмне болуп кетти#(ер?)

Ну, витязи, что произошло, Что случилось с вами?

АЛМАМБЕТ:

Ой, ой, Манас. Ой, Манас! А#.Коосунбай кой, Манас. Аркалайсы#(, ТОРОЙСУ#(,
Албууттанган Чубакты
Асиле кантип КОЛДОЙСУ#(?)

Ой, ой, Манас. Ой, Манас!

Не прикидывайся простаком.

Что ты лукавишь и чинишь мне препятствия, А буйного Чуба ка покрываешь во всем?

ЧУБАК:

Кызыталак куу кангай,
Кыйратып ийчу немедей,

Салам айтсам, алик жак, Тескери карайт кенебей.

Ах, ты поганец, хитроумный кангай,

Он еще смеет пугать меня своим грозным видом, Не отвечает на мое приветствие И
отворачивается заносчиво.

АЛМДМБЕТ:

Аленгир жаа илинди,
Алал кызмат кылсам да,
Менин кытайлыгым билинди.

Мы взяли В руки богатырский лук - Аленгир,

Мы поклялись друг другу в верности, И, несмотря на мою верную службу, Вы видите во
мне недруга-кытая.

МДНДС:

Алмамбет, Чубак - эгизим Ааламдан ашкан теIиНЭИМ. Кыла бербе тамаша,
Камчылашпа жанаша!

Алмамбет, Чубак - мои близнецы несравненные,

Вы - самые доблестные витязи Вселенной, ,

Не шутите вы так зло,

Не враждуйте так жестоко между собой!

АЛМДМБЕТ - Манасу:

Кызыл чоктуу калмактын Калдайынын уулу элем.

Калкынан азган кор экен,

Кайраттуу эрдин шару экен. Калктуунун бары эр экен,

Калкынан кеткен шордууга Кайтпаган влум эп экен. Каалап келдим бири~ди, Калыйпа
Султан дини~ди Кан кыл дедим кими~ди?

Алтын так сынсын, кан влсун, ;,

Азап тартпай жан влсун, ",

Намыстын иши болбосо

Айлы~дын четин ким кърсун? Акбалтанын Чубагы

Басташканды койбойбу? Азыр буга те~елсем

Ушу жерде сойлойбу?

*Я был сыном Калдая - Верховного владыки Калмаков, носящих огненно-красные шапки.
Нет большей беды для отважного витязя, Чем быть изгнанником в чужом краю.
у кого есть народ - тот богат и могуч, Не имеющий родины - беден и слаб. Для изгоя,
потерявшего землю отцов, Лучший выход - это смерть.
Я сам пожелал принять вашу веру,
Я сам искал покровительства одного из вас, Но кого я просил сделать меня ханом? Пусть
сокрушится золотой престол,
Пусть погибнет - хан, сидящий на нем,
Пусть погибнет бедствующая душа (изгнанника), Лишь бы не испытывать такие
нестерпимые
муки... Если бы не великое дело твое,
Разве завернул бы в такую ставку я?
Когда прекратит свою глупую вражду Вздорный Чубак - сын Акбалта?
Если я стану вровень с ним и вражду его приму, Придется тогда его умертвить.*

ЧУБАК:

*Белн катуу калмактын
Бет алып жолу~ баштады~,
Менн ойлонуп койбостон Оорукка неге таштады~?
Он экн туркун кол баштап, Чалгын чалар сеНСН(бн? Ке~шите жак, кепте жак,
Оорукта калар менмнбн?
Меннн айткан свэумв "" Кнресн~бн, шум калмак? "" Чалгынга бнрге
барайын Квнвсу~бв, шум калмак? Же болбосо колумдан
влвсу~бв, шум калмак?*

*Ты повел несметные войска против твердохребетных калмаков,
Но почему ты не подумал обо мне И оставил меня в далеком тылу?
Неужто только ты способен вести войско и возглавить разведку в чреве врага?
А мой удел - пусть в далеком тылу, в стороне от воинских дел?
Склонись ли к моим словам, ты, шустрый калмак?*

*Я тоже желаю в разведку, возьмешь ли меня с собой, ты, шустрый калмак?
Или найдешь верную смерть от моей руки,
ты, шустрый калмак?*

*Эр Алмамбет суйлвнуп, Ыргып турду куулвнуп,
Жай ташты сууга байлады, Алма'(Дын квэу жайнады, Асмандан булут айдады, Дуба
менен булутту
Кун жаадырып жайлады.
Куркурвп шамал зыркырап, Борошо учту чыркырап.*

*Заклинания бормоча,
Тучи низко в небе мча, Дым и пламя изо рта, Извергая, как дракон,
Был на дракона похож Алмамбет,- Ведь у драконов учился он! Когда бывал он разъярен,
Землю и небо он возмущал, Зиму и лето перемещал.*

И 3 3 а к л и н а н и я АЛМАМБЕТА:

Жин периси кара мурут жаш бала, Омуртка, дан ойнотуп булут айда,

*Кабырга~ан кайнатып кунду жайла... Айдачы, перим, айдачы,
Байлачы, перим, байлачы! Кызыл байрон кыр менен, Кыйкырык чуу, сур менен, Аркар
баскан бел менен, Булут шашкан жел менен Тундук жактан айдап кел,
Кундун баарын жайлап кел!*

* * *

*Тегерегин тур чалган,
Муздай темир курчанган,
Квк ала минген кайран Таз, Перинин кызы Му#(Зйтпас.
Сурданып келип заарЫП(Ы чач, Квб8Йуп келип кввнумду ач! Асмандан булут айдап кел,
Ачып квзду жумганча
Айдын квзун байлап кел,
Тоолорго толук кыш болсун,*

*Жакага жалтыр муз толсун! Айбан менен адамы
Аманат жандан ту~улсун! Айдачы, перим, айдачы,
Байлачы, перим, байлачы!*

*Бело-пестрый камень "Джад» я привязал в
быстрой воде. Черные глаза свои я возвел к небу.
О, плешивый Всадник на пестро-сером коне! О, черноусый юный Отрок, Повелитель
духов! О, железнокрылый Великий Змей, Горный Повелитель,
Единый Повелитель Небесной Высоты и Подземной глубины!
Из позвонков играючи сотвори тучи,
Изгони жар из ребер и возмути погоду! О, мой пэри, гони, гони,
О, мой пэри, свети, свети.
По буранным ребрам перевала, По отвесным тропам архаров, С севера пригони непогоду,
Пригони по небу черные тучи,
В мгновение ока закрой лик луны, Прояви свой гнев великий,
Посей страх и ужас вокруг себя! Пусть зима опустится в горы,
Пусть долину скует синий лед.
Пусть содрогнется от ужаса зверь и человек. Трав цветенье прекрати, Лето в зиму
преврати!**

(адаптированный перевод автора)

*Внезапно налетает сильный ветер, сверкает молния, гремит гром, ветер гонит черные
тучи,
разыгрывается снежная буря,
лето превращается в лютую зиму.*

Алмамбет взлетает в седло и, обнажив меч, бросается на Чубака. Манас успевает схватить за узду его коня, другой рукой - удерживает Чубака, и вот они втроем кружатся в снежном вихре. Сыргак помогает растаскивать в разные стороны Алмамбета и Чубака.

АЛМАМБЕТ:

Кечке койсом жайЫП-(а Каарданган ит Чубак

**Кекетип «калмак" дей берди~ Келжиреп бокту жей берди~. КаНЫ~ эквв~ бирикчи,
Кагайынбы жини#Ши? Кесейинби тили~и?
Кайтып барып Бээжинге Бузайынбы динимди?
Анткорлонгон канкорум Коё берги~ тиэгинди
Арамдын канын чачайын Ачылбас кээун ачайын!**

Ты долго испытывал мое терпение, Неразумный и злобный Чуба к, Ты поносил меня "калмаком" И по-всякому меня унижал.

*А ну, встань рядом со своим повелителем-ханом, Я тебя испытаю, невежа,
И вас обоих в чувство приведу. Я отрежу твой грязный язык
И, нарушив обет, возвращусь в свой Бэйджин, И на вас я тогда погляжу...
Ты, притворщик великий, кровожадный вождь, Отпусти, не держи коня,
Я выпущу кровь из невежи Чубака И открою слезу глаза.*

МАНАС:

**Алмамбет, Чубак - эгизим, Кылычты сууруп кыйкырып, Кыла бербе тамаша,
Камчылаша жанаша!**

Алмамбет, Чубак --'близнецы несравненные, Негоже обнажать мечи на своих, Негоже играть со смертью, Пора прекратить вражду!

Манас просит, умоляет витязей прекратить схватку и, наконец, потеряв терпение. гневно бросает им в лицо:

. Заклинание Алмамбета - как русский, так и кыргызский тексты - вольная реконструкция ныне утраченных магических заклинаний.

*Калп эле жолдон жсвлвшлп,
Экн арам кетейинн деген экеНСНfi. Кубалашын шылтоолоп, Качай~/Н деген экеНСНfi!
Ажалым жетсе калмактан, Жеке барып вл8Йун.
АлфЫлдаган экн акмак
8луwуп кетчн квр8ЙУН!*

*Вы, оказывается, сговорились,
Вы, оказывается, нечестивцы, решили меня
. обмануть, Притворяясь врагами, вы решили предаться врагу. Я продолжу поход без вас,
И пойду на калмаков один.
А вы же, скоты, перебейте друг друга,
А я погляжу в это время на Вас! -*

говорит Манас и отъезжает в сторону в при- творном гневе. И теперь, когда их никто не удерживает, Алмамбет и Чуба к мгновенно остывают и начинают поглядывать друг на дру- га с чувством вины. И оба одновременно начи- нают хохотать.

ЧУБАК (отсмеявшись):

*Баатыр Алмам, береним,
Бакырып «калмак" дегеним, АрТЫfдан чаап келгеним,- Байкасам мунум,- зор уят. 8тту
кунвв тоодон ЧOfi,
Оёнум Алмам кечип кой!*

*Алма благородный, витязь достойный, я зря тебя обозвал "калмаком", Я зря прискакал
вслед за тобой,
Сейчас мне стыдно за все содеянное,
Прости меня - вина моя огромна.*

АЛМАМБЕТ (сердечно и искренне):

*Калмакты кууп бет алып, Чалгынга жеке кеткенм, 8зу~у таштап кабарсыз, Ойлонсом,
уят мннткенм. Я тоже знаю за собой вину,
Мне не следовало идти в разведку одному, Мне не следовало оставлять тебя в тылу, Я
подумал - и мне стыдно за это.*

Алмамбет и Чубак отъезжают, взявшись за руки, навстречу Манасу. Далее четыре витязя разведку продолжали вместе. Когда достигли черного, как бычий глаз, озера, где обитала волшебная сизая утка «Куу-8рдек», стражница Конурбая, Алмамбет изготовился, чтобы под- стрелить ее. Но утка не подпустила его на вы- стрел и улетела, оглашая горы громким кря- каньем.

АЛМАМБЕТ (с сожалением):

*Куу-врдк учуп кеткени, Аккулжага жеткени,
Буруттар келип калды деп, Кытайга кабар бергени.*

*Эх, упустил сизую утку,
Теперь она предупредит белого архара -
Аккульджа, а тот известит кытаев о нашем приходе.* Снимается с лежки и мчится прочь от всадников предупрежденный волшебной уткой белоснежный волшебный архар. Гром идет по горам, грохочут каменные осыпи, срываются лавины.

АЛМАМБЕТ:

*врмв втвктв Аккулжа,
врдквтн кабар алыптыр. КOfiурбайга эртелен,
взунчв качып калыптыр.*

*Волшебный Аккульджа теперь помчался дальше. Он всех предупредит, и враги
приготовятся к встрече с нами.*

Витязи миновали еще несколько горных гребней и выехали на вершину горы. Отсюда открывался сказочный вид: туманные горы, зеленые леса, волшебные долины. Здесь начиналась родина Алмамбета.

АЛ МАМ БЕТ (охваченный ностальгией, пе- чаль но) :

Тээ квэ учунда мунарык, Квэ жетпеген тунарык.

*Каспандын кара тоосу- шал, Капкалуу Бээжинн оозу шал. Кашындагы кытайдын
Кайыга турган кебн ошол. Жылацайлак, жылалі баи, Квйнвк кнйбей жылаач,
Ойногон жернм - ушу жер, Кинднк каным тамган жер, Жеке жалгыз мен эмес,
Жети атам втквн курган жер. Кашындагы кулундун Kal-(blpbIGbI ушундай,
Тутвбвй турган кеп бекен?! Сен байка бай ТҮРҮСҮІ, Жер сагынган курусун!*

Вон та туманная гряда,

Вон та миражная сторона

Это начало моей родины - Бээжин, Это мои родные горы - Каспан.

Вот почему печален кытай, стоящий перед вами. Босиком, без покрытой головы,

*Без рубашки, голяком ребенком Я играл в этих местах,
Здесь пролилась кровь моей пуповины,
Здесь вырос не только я, но семь моих предков - прожили здесь.
Вот почему не может сдержат своих чувств раб, стоящий напротив вас.
Оказывается, ничто так не ранит душу, Как тоска по родной земле!*

Витязи спустились с гор, и перед ними вне-запно открылась узкая, зеленая долина и зловеще молчащее огромное неприятельское войско, конец которого терялся в дымке. Полоскались знамена на ветру, сверкали на солнце шлемы воинов и жала остро отточенных пик.

1;30ЙСКО молчало, и это внушало страх.

Витязи остановились в нерешительности.

СЫРГАК (негромко):

*Аяк багы кунчулук, Аскер басып калыптыр. -: "~~S~' Ай талаага кол тол
у;п :-:!',
.. Алідап туруп алыптыр. ; Аргасы канча болуучу? ~'?:. . с:(;*

*Огромное войско, длиною в дневной переход, преградило нам путь,
Суровые воины запрудили нам путь, Что же теперь нам делать?*

ЧУБАК (тоже тихо):

**Катылбастан капырга
Кайтсак кандай, баатырлар?**

А что если пока еще не поздно Вернуться нам, батыры?

МАНАС (раздраженно, повышая голос):

**Кандарым кандай айтаСЫП(, Катындын кылар ИШИ го
Катылбай кантип кайтаСЫП(? Жазуудан артык жан влбвйт, Тактыда жатып кан
влбвйт. Капырдан качып кетеСИП(, Кап тап чыкса мынча кол Андан кийин
нетеСИП(?
Урунбай жургвн тоо барбы,
Урушпай жургвн жоо барбы!**

Что вы мелете, мои витязи, как бабы, Или вы действительно хотите бежать? Раньше смерти не помрем, а если

Суждено - можно помереть и дома.

Нам все равно уже не спастись бегством От такого огромного войска,

Так что лучше не обращаться в бегство И не позорить себя.

В конце концов, мы видели и не такие горы,

Мы встречались и не с таким противником! . .

ЧУБАК (устыдившись собственной слабости, , восхищенно):

**Аты да Манас турбайбы,
Заты да Манас турбайбы, Манас болсо жолборсум,
Алмамбет, Сыргак жолдошум, Корксом кудай урбайбы!**

Даже имя его - Манас,

Даже семя его - Манас, Он подобен тигру,

Друзья у меня Алмамбет и Сыргак,

Если я струшу - побей меня бог!

Витязи изготавливаются к бою и берут наперевес боевые копьа. Изготавливается к бою и берет наперевес копьа все неприятельское войско.

Витязи обнажают мечи - молча обнажают мечи вражеские воины. Сыргак ударил в боевой добулбас, и тысячекратно умноженный гром барабанного боя обрушился на баатыров и оглушил их.

И только теперь витязи догадались, что перед ними не настоящее войско, а его подбие, живой мираж, искусно созданный чародейством вражеских колдунов.

Не удержавшись, рассмеялся Манас, и волшебное войско отозвалось громовым хохотом.

Чубак крикнул боевой ураан - «Манас» и

замахнулся копьем. И все вражеское войско, как один, пришло в движение, замахнулось на баатыров копьями и отозвалось тысячекратным эхом: «Манас! Манас! Манас!»

АЛМАМБЕТ (*шепотом*):

Арып менен жасалган,

Врвви толгон кви колдон

Катылбай туруп кетели.

Найза сунбай, жаа тартпай, Черууну кечип втвлу!

Чтобы не повредить себе - не тронем это войско, созданное волшебством:

Не будем поражать их копьями,

Не выпустим стрел в их сторону.

И осторожно перейдем вброд сквозь многочисленное войско.

Охваченные суеверным страхом, Манас и его дружинники молча проследовали сквозь нескончаемый строй неприятельского войска и затерялись в туманной дали зеленой долины.

Впереди был К у т а й.

Глава 6. Эпос и история

"Кыр кырларда кайЫП барбы кыргыз балта чаппаган?! Коктуларда, колоттордо кыргыз жокпу

кыргын таап жатпаган?!»

Есть ли березы на склонах гор

без отметины кыргызского топора?!

Есть ли овраги, есть ли лоцины, на дне

которых не покоились бы густо кыргызы, нашедшие в побоищах свой конец?!

(извлечение из древнекыргызской рунической надписи на каменной стеле)

Поэтика эпоса «Манас» вырастает из глубинных недр древней кочевой культуры и покоится на множественности исторических культурных слоев - от мифологии до истории.

Эпос «Манас» - это не только отблески былого величия и славы древнекыргызского государства на Енисее, но и трагические зарницы сошедших со страниц истории кочевых культур минувших эпох. Принято считать, что «Манас» - историко-героический эпос. Архаические и мифологические пласты в эпосе очень значительны. Эпос весь пронизан историей. Он вобрал в себя и трансформировал многочисленные исторические

события, обратив их в фольклорные. Мы уже не удивляемся подобным фактам. Но интересно другое - эпос часто дополняет историю. Такое взаимодействие истории и памятников эпической культуры - одна из удивительных, своеобразных сторон тюрко-монгольских эпосов. Приведем пример того, как конкретное историческое событие в изложении летописца обретает эпический характер. Отрывок из «Сочинения Ибна Рабшаха» «Битва Едиге с Тохтамышем»: «Затем обе рати сошлись, смешались и запали огнем сражения. Сшиблись враги с врагами, простерлись выи под мечами рубящими и подверглись груди копьям поражающим, помрачились лица и покрылись черной пылью; оскалили зубы волки и взвыли; тигры злобные

ожесточились и стелились в прыжках, сцепились тьмы полчищ И горбами вздыбились; покрылись кожи перьями стрел и вздрогнули; опустили чела вождей и простерлись на землю, завихрилась ась пыль и взвился прах, погрузились в море крови все - и знатные, и простые».*

Из приведенного летописного отрывка видно, что летописец был высокоодаренным художником Слова. В его описании историческая битва скорее напоминает эпическое сказание.

А теперь приведем пример того, как искусство высокоодаренного акына-сказителя превратило конкретное историческое событие (в данном случае жестокую битву) в высокий образец эпического сказа:

*Сумерки опустились на место сражения: Молча погибали сизобородые мужи, В страхе и на нике - юные отроки, Конские трупы выростали в горы,
Все было покрыто кровавой мглой, Языки от жажды распухли во рту,
Песок хрустел на зубах, и пыль разъедала глаза, Придавив седоков, лежали мертвые кони,
А люди - безобразно скалясь,
Бились яростно вокруг пыльных и изорванных знамен,
Гремели барабаны и хрипели кернеи, Лязг железа заглушал вопли раненых,
Изорвались поводья и подпруги коней, Усталые руки поднимались с трудом,
Тела бойцов покрылись сплошными ранами, Сверкали клинки и взвивались копыта, Седла съезжали на брюхо коней.
Потерявшие близких выли, как волки, Хрипели бойцы и храпели кони,
Падали кони со стрелами в глазницах, Обезумевшие животные избивали копытами волочившихся мертвых седоков.
Лежали в обнимку кыргызы и кытаи,
Теряя оружие, люди зубами рвали друг друга, Небо было ясное, на земле - непогода, Все смешалось в черной пыли,
Ад опустился с небес на землю!*

. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, ч. I-V. - СПб., 1884, с. 466;

Сказители эпоса были не только певцами, но и своего рода летописцами истории, они фиксировали при помощи художественного слова исторические события из жизни народа, трансформировали их и переплавляли в высокие образцы эпической поэзии. Таким образом - устное народное творчество вобрало в себя все значительные и важные исторические события и превратило их в эпический материал.

Манасчи - это живая эстафета народной памяти.

Член-корреспондент Кыргызской АН Р. З. Кыдырбаева:

«Память народа в искусстве Слова поразительна, отточенные временем сокровенные сказания живут долгой, постоянной жизнью. Законсервированные отдельные сюжеты, мотивы поэтических строк - это своего рода иммунитет против забвения. Сказитель лучше

всех понимает эту особенность и никогда не позволяет себе исказить или видоизменить традиционные избранные места эпического повествования. Поколение за поколением, свя- то хранят народные сказители отшлифован- ные временем строки, благодаря чему мы имеем возможность соотнести эпос с ис- торией».*

Какова же была эта история, которая опло- дотворила один из величайших эпосов мира? Позволим себе кратко напомнить о ней. Кыргызы - один из самых древних народов Центральной и Средней Азии. .

В конце последнего столетия до н. э. на про- стогах южной Сибири на смену сакско- сармат- ской культуре приходят гунны. От смешения гуннов, жюжаней (скифов), усуней, динлинов образовался племенной союз кыргызов. И если сарматская культура получила свое последую- щее развитие в культуре гуннов, то элементы ее, в свою очередь, можно проследить в мате- риальной и духовной культуре древних кыр- гызов.

Эпоха ранних кочевников (вторая половина первого тысячелетия до н. э.) была герои- ческим и одновременно драматическим перио- дом в истории многих древних племен и по- служила началом зарождения героических эпи- ческих сказаний, в том числе и эпоса "Манас».

В создании эпоса "Манас» принимали уча- стие древние саки, гунны, усунь, канглы, кыр- гызы, несколько позже - огузы, кипчаки, кар- луки. Можно отметить идентичность мате- риальной и духовной культуры и общность эпи- ческих сюжетов, и взаимовлияние фольклорных мотивов народов, населяющих огромные просторы южной Сибири и Алтая в древние времена.

Из вышесказанного следует, что кыргызский эпос формировался в исключительно пестром этнокультурном окружении, вбирая в себя мно- жество разных родственных эпических мотивов

--

из окружающей культурной среды, по-своему' ассимилируя мифы, легенды, предания род- ственных кочевых народов Центральной и Средней Азии.

В стадиональном отношении эпос «Манас» очень древний и многослойный.

Вот перед нами вертикальный исторический срез эпоса - его стадиальность:

1. Древний слой - архаический, мифологи- ческий: драконы, циклопы, девы-воительницы, мифологические животные - архары, лисы, утки; говорящие и крылатые кони, превраще- ния, магические заговоры и т. д.

11. Наиболее мощный исторический слой, в *i*

котором многочисленные исторические собы- тия трансформировались в мощные эпические *j*

образы, по законам эпического жанра. 111. Поздний исторический слой с характерным исламским налетом, в котором причудливо переплелись и перемешались мусульманские и мифологические мотивы.

Наиболее древний мифологический пласт «Манаса» отражает картину мира, СЛОЖИВШУЮСЯ на самом раннем этапе истории народа. Имен- :~:1

*** Кыдырбаева Р. З. Сказительское мастерство манасчи. - Ф.: Илим, 1984;**

но в этом пласте намечаются зыбкие очертания сакрального мира «Манаса». Поэтический язык данного пласта эпоса темен, полон непонятных нам туманных метафор и символов, сложных ассоциаций и мистических намеков.

В то же время, насколько непонятна и зага- дочна семантика летучих образов прошлого, настолько же она привлекательна и волнующе притягательна.

В этом пласте эпоса сокрыты мотивы древ- них мифоло[ических преданий и представле- ний; трехчастная модель вселенной, космоло- гические представления древних, языческий

пантеон, культовые святилища, каменные изваяния, менгиры и т. д. Одним словом - самая загадочная и малоисследованная область духовной культуры. Это наиболее древняя, таинственная, хрупкая часть нашей культуры, которая составляет настроение и атмосферу эпоса. Другими словами - этот пласт составляет сердцевину эпоса, его душу.

Летом 1979 года сибирский ученый В. Е. Ларичев* обнаружил в Хакасии, в долине реки Ак-Июс, древнейшее культовое святилище и рядом писаницу, т. е. наскальные рисунки, относящиеся к Тагарской культуре южной Сибири - VII-V вв. д. н. э. Обнаруженные наскальные рисунки иллюстрировали бытовую в южной Сибири трехчастную модель вселенной. Но не этим привлекла ученых Сибирская писаница.

Привлекло внимание другое: гравюры на скалах подробнейшим образом разворачивают сюжет на каменных стенах писаницы сюжет какого-то древнего эпического сказания Сибири. Эпический сказ начинается, как и полагается всякому эпическому сказу, с гибели эпического героя и побега его вдовы с малолетним сыном от врагов.

Следующая гравюра рассказывает, как растет и мужает юный герой, как он совершает свой первый богатырский подвиг и побеждает

в единоборстве иноземного богатыря, за что получает из рук старейшины рода атрибуты эпического героя - лук, кинжал и боевой шлем, а также благословение старейшины рода. Далее - юный богатырь совершает дальний поход в некую северную страну и, попав в засаду, погибает вместе со своей дружиной. Однако, на этом приключение эпического героя не заканчивается. После смерти он попадает в Нижний мир и затем ему удается вырваться из мира мрака в мир людей в полном рыцарском облачении. И, наконец, герой по воле Неба попадает в Верхний мир, добивается высшей воинской славы и обретает бессмертие!

Открытие, сделанное сибирским ученым, само по себе уникальное: впервые мы становимся свидетелями того, как фабула эпического сказания была отражена в наскальных рисунках древней писаницы. Но когда мы узнаем о том, что сибирские гравюры на скалах пересказывают сюжет второй части эпоса «Манас» - «Семетей», этой писанице не будет цены. Да, действительно, гравюры на скалах пересказывают слово в слово фабулу «Семетей»: погибает Манас, Канькей, его жена, преследуемая врагами, бежит с маленьким Семетеем на руках. Растет и мужает юный герой, он возвращается на землю отцов и получает благословение старейшины рода - Бакая; так же как и герой писаницы, погибает от руки врагов, и так же как герой писаницы, он воскресает из мертвых и обретает бессмертие.

Трудно переоценить значение сибирской писаницы для эпоса «Манас»: во-первых, она, писаница, удревает генеалогию эпоса более чем на полтысячелетие; во-вторых, еще раз подтверждает факт того, что родовым гнездом кыргызского эпоса, его прародиной является Южная Сибирь и Алтай.

Мусульманский пласт «Манаса» начинает оформляться с начала монгольского нашествия. Ислам в течение столетий не мог полностью заслонить собою доисламские образы,

. Ларичев В. Е. Древо познания. - М.: изд-во политич. лит-ры, 1985, с. 47-54;

в частности ~ мифологические, и в свою очередь подвергся не менее глубокому влиянию местных верований и культуры.

Нам представляется ~ влияние Ислама на

эпос настолько ничтожно и поверхностно, что не оставило сколь-нибудь заметного следа на нем. Вся семантика и содержание эпоса, особенно то летучее состояние, которое принято называть атмосферой и настроением эпоса - несет в себе печать центрально-азиатской кочевой культуры, с ее троичной моделью мира, с ее мрачным пантеоном языческих богов и идолов, с ее древними руническими письменами, с ее седыми мифами и преданиями.

Наиболее мощный пласт сказания ~ исторический ~ составляет основной костяк эпоса и служит историческим фоном для наиболее драматической части "Манаса» ~ "Великого похода» .

Почти 700 лет с VI по XII век сохраняла политическую самостоятельность держава кыргызов на Енисее, а как этническое целое остатки кыргызов сохранились вплоть до начала XVIII века, пока не были рассеяны и истреблены физически в результате политики геноцида Российской Империи.

Год 820-й... Идет беспощадная война кыргызов с тогуз-огузами на взаимное истребление. Кыргызы исповедуют шаманизм. Русь тоже языческая. Через сто шестьдесят восемь лет Русь примет Христианство. Еще не написана жемчужина русского фольклора «Слово о полку Игореве». И почти через четыре

столетия князь Игорь пойдет походом на половцев и попадет к ним в плен.

Еще не написаны «Сокровенное сказание» или «Алтан Тобчи» монголов.

Пройдет еще четыреста лет, прежде чем Тэмуджина поднимут на белом войлоке и объявят Чингизханом, а еще через год его старший сын Джочихан завоюет и лишит самостоятельности кыргызское государство на Енисее.

Нет никакого сомнения, что эпос кыргызского народа складывался на огромных пространствах от Енисея до Тянь-Шаня. И нет никакого сомнения в том, что душу в «Манас» вдохнула Южная Сибирь и Алтай, и что именно они являются материнским чревом кыргызского эпоса. Все сказители эпоса указывают на это обстоятельство. Междуречье Енисея, Алтай и современный Кыргызстан сближает общность духовной и материальной культуры: * религия, общность письменных памятников, язык, национальные традиции, обрядовые действия, '

родоплеменные названия, народный календарь, народные меры, народная медицина, музыкальные инструменты, географические названия, имена людей, прикладное искусство и, наконец, фольклор.

Всю эту этнографическую, генетическую родственность трудно объяснить лишь случайным совпадением. Придется признать факт того, что перед нами, безусловно, два родственных лика одного и того же культурного явления, двуединые образы одной и той же материнской культуры. .

,-'''

. См. Об этом: Потапов Л. П. Этнический состав и Происхождение алтайцев... с. 41, 42. Р. З. Кыдырбаева. Генезис эпоса "Манас». - Ф.: Илим, 1980, с. 98.

Глава 7. Тайна верхней бездны.

Духовное содержание эпоса «Манас».

. Стоит обнаженная юрта на самой вершине зеленого холма. Стоит без двери, без покрывающих ее войлоков. Решетчатые крылья, полусферические жерди, венчающие купол, открыты всем четырем частям света. Стоит остов юрты, как центр мироздания, а кругом - высоченные снежные горы.

В течение более чем тысячелетней своей истории кыргызы испытали на себе влияние почти всех мировых религий: шаманизма, зороастризма, манихейства, несторианства, буддизма и ислама.

Каменные жернова ручной мельницы на фоне зеркальной глади реки.

Каменная рука каменного идола вертит ручку джаргылчака (ручная мельница).

Мерно покачивается каменный идол в такт движению ручной мельницы. С тяжелым скрежетом крутятся жернова истории, перемалывая Время.

Древние кыргызы поклонялись четырем природным стихиям: Небу, Земле, Огню, Воде.

Небо считалось мужским началом и олицетворялось в образе могучего Быка, а Земля - женским. Культ Неба возник из культа Солнца. Древние шумеры бога солнца называли Дингир, монголы - Тэнгри, голубые тюрки и кыргызы - Те~ир.

Кулы Неба был распространен почти по всей Центральной и Восточной Азии. Небо считалось главным божеством у древних хуннов, усуней, сяньбийцев и т. д.

Взаимодействие этих двух начал - Неба и Земли - породило все Вещи и Явления, Жизнь и Смерть.

Отец - Небо, Мать - Земля, Дождь - семя Неба, Небо - Земля - Человек составляли три мировые потенции - триаду.

Все земное появляется на свет из земли, оплодотворенное Дождем.

Кек Тенир (Тэнгри) означало Синее, Пред- вечное Небо. Он объединял в себе все астральные представления и был адекватен понятию - "Вселенная», «Мироздание».

Цвет «Кек» - Синий, Голубой, Зеленый означают начало цвет Неба, зелени, жизни. В символической иерархии цветов Голубой цвет имел высшую ценность, так же как и Белый цвет. Голубой цвет небесного божества вышел из Белого цвета Солнца. Белый цвет нес в себе сакральный символ, означал цвет солнца, молока и был равноценен понятиям Чистоты, Целомудрия, Святости, Невинности, Нравственной правоты, Истины. «дк» - одно из девяти имен Бога у мусульман.

Существовал запрет обозначать белым цветом нечистых животных - собак, свиней, а иногда даже - лошадей.

Пять элементов мироздания (пять стихий) имели свои цветовые символы: огонь - красный, земля - желтый, дерево - синий, железо - белый и вода - черный.

В былые времена белые головные уборы -

калпаки имели право носить только представители языческого культа - Шаманы и высшей светской власти - Ханы.

Красный цвет считался знаком сословной принадлежности военных, и красные калпаки носили воины.

Белый цвет - цвет ханского достоинства и доминирующий цвет эпических сказаний - Ак-

Кула (конь Манаса), Дкшумкар (сокол Манаса и Семетея), Аколпок (панцирный доспех Манаса и Семетея).

Глубокий сакральный и символический смысл заключен в обыкновенном белом калпаке кыргызов. Кыргызы унаследовали его у саков - Тиграхауда, которые носили высокие островерхие войлочные шапки. Надо сказать, что в древние времена подобные головные уборы носили многие тюркские племена, и только кыргызы сделали их национальным головным убором и сохранили до сегодняшнего дня.

В эпосе «Манас» кыргызов называют не иначе, как «дк калпак кыргыз» - «кыргызы, носящие белые калпаки».

Белый цвет калпака шел от соляного зна-

Ика - Солнца. Чтобы удостовериться в этом -

нужно повернуть калпак тульей к себе, и мы увидим две перекрещивающиеся линии, образующие в середине крест - солярный знак, символ Солнца. Ак калпак - не только этнический признак кыргызов. Он символичен: вершина светлая, как снежная гора, основание темное, как подножие горы.

* * *

Вот уже несколько тысяч лет витает над Азией Д У Х - Великой азиатской богини- У м а Й. Великая Прародительница Мать- Умай была вторым по значению божеством после Кок Тенир. Она была женским божеством, считалась покровительницей домашнего очага, хранительницей потомства, богиней плодородия.

Умай - родная сестра древнеиранской Анахите, вавилонской Иштар, греческой Кибеле, сирийской Дереките.

Изображение Великой богини Умай древний художник выбил на знаменитом кудыргийском валуне. Валун пропал, но графическое изображение богини сохранилось. Предки кыргызов обожествляли Природу и мыслили себя в единстве и нерасторжимости с ней. Человек выступал как часть природы, чувствовал себя неотделенным от Природы. Именно отсюда возникали фантастические образы людей-растений, антропоморфных гор в фольклоре народов Центральной и Восточной Азии. Подобные мотивы имели повсеместное распространение не только в искусстве Востока, но и на Западе. На протяжении средневековья они настойчиво повторяются в западно-европейском фольклоре и искусстве, достигая своего апогея в фантастических образах Босха и Брейгеля.

Трехчастное вертикальное деление Вселенной на Верхний, Средний и Нижний миры сохранилось у большинства народов Сибири, в том числе - и у кыргызов. Деление на три космические зоны, подробно воспроизведено на многочисленных каменных изваяниях

и менгирах тазминской культуры (эпохи позднего неолита Енисея). В Верхнем мире летали птицы, могучие быки катили солнечные повозки, по голубой небесной сфере бежали олени и лоси, плыли чудесные челноки, которые увлекали в них душу усопших. В Среднем мире обитали люди, он имел зеленый цвет жизни. Нижний, подземный мир, был страшен и мрачен, в нем жили злые духи, страшные головоногие личины терзали живое и в смрадных испарениях плавало подземное черное солнце. Это был мир мрака и хаоса.

Небо, Земля, Преисподняя соединены между собой мировой осью. Мировая же ось проходит через некое «отверстие» по вершине Земли.

Именно через это «отверстие» боги спускаются на землю, а шаманы и души усопших - в Верхний и Нижний миры. Из всех смертных только шаманы (бакшы) могут свободно передвигаться по сакральным зонам и тем самым демонстрировать свое сверхчеловеческое состояние, в то время как все люди могут достичь этого лишь однажды - в момент смерти.

Кроме шамана, лишь только погребальный конь (конь, которого забивали во время захоро-

нения хозяина) мог осуществить «прорыв

уровней» и перенести душу хозяина в иной мир. По шаманистским представлениям, кони на-

ряду с птицами являлись проводниками душ. Возможно, это языческое поверье оказало кое-то влияние на Ислам: недаром пророк Мухаммед вознесся в Мираж (на Небо) на коне по имени - Аль-Бурак.

Подобно тому, как реки зарождаются на вершине гор, так и в Верхнем мире начинались истоки космической реки, которая омывала все три мира Вселенной: истоки - небесный

Верх-
ний мир, середина - Средний мир, а устье - Нижний, подземный мир. На Небе, или внутри небесной горы, по представлению древних, находилось хранилище душ не только людей, но и диких и домашних животных.

Вертикальная картина мира сохранилась и в христианской религии: - Дух и Добро венчают

небесные сферы, там Рай, зло концентрируется в нижних слоях Ада. В этом весь А. Данте в иллюстрациях Гюстава Доре.

Мировая гора выступала в качестве космического образа, модели Вселенной, центральной мировой оси. Это ее мужская ипостась. Она здесь представляется как фантастическая остроконечная суровая гора, вершина которой скрыта в заоблачных высотах. Вместе с тем, идея мировой горы - это образ Первоматери - Прародительницы всего сущего, смутный и невнятный символ будущего женского божества - Умай. Поэтому мировая гора имела иногда визуальный образ выпуклого женского лона. Это ее вторая ипостась.

Древние считали смерть логическим продолжением жизни: после смерти человека его душа для последующего возрождения возвращалась внутрь космической матери-Прародительницы через ее лоно. Поэтому пещеры, расщелины гор воспринимались как лоно Матери-Природы, и через них души умерших должны были уходить внутрь мировой горы в верхнее Хранилище Душ.

То, что вышло из лона женщины, - сошло в лоно Матери-Земли. Человек вернулся туда, откуда вышел. Круг замкнулся.

Женское лоно воспринималось не только как символ размножения и плодородия, но и как символ смерти.

Мертвецов боялись. Боялись их возвращения. С этим было связано множество погребальной символики.

И одно из самых ранних - наложение помертвых масок на лица мертвецов.

Это была глубоко символическая процедура: -мертвецам запечатывали глаза, ноздри, уста, уши. Чтобы не могли дышать, видеть, говорить, слышать. Их готовили к Вечности.

Древние кыргызы исповедывали Культ Предков. С приходом Ислама Культ Предков смешался с культом мусульманских святых и породил странный симбиоз Язычества и Ислама, как почитание священных мазаров.

Культ предков вылился в особую форму

религии - культ Манаса. Эпический образ Манаса был возведен в ранг божества, которому поклонялись кочевники-кыргызы. Это особый вид обожествления мифа -

Эвгемеризм. Манас - Бог, манасчи - Жрецы этого сотворенного божества, культовые исполнители верховной воли мифологического божества.

Сказители эпоса сближают облик Манаса с обликом мифических богов.

Солнце считалось всевидящим оком богов. Глаз, по представлению древних, был связан с магической силой. Смертные не выдерживали устрашающего взора богов. Подобным магическим свойством был наделен Манас. Под глазом у Манаса было черное родимое пятно. Пристальный взгляд богатыря мог убить человека. Поэтому Каныкей, жена Манаса, не показывает ему маленького Семетея, и Манас концом петли камчи дотрагивается до лба сына и целует его. Сама по себе гениальная деталь.

*Каныкей кундактагы баланы Кымтып турат кьргэбдй. Кьргэбьгьн себеби:
Караганы аман калчу эмес, Квэу тушсв болчу эме с, Сугу тушсв о~чу эмес,
Квэундв кара калы бар,
Жузундв жаман.эаары бар.*

*у Манаса опасный глаз,
Не останется тот живым,
На кого посмотрит Манас*

*Взором пристальным И роковым, На ДИТЯ он не должен смотреть, Ибо может ДИТЯ
умереть. Знала тайну его Каныкей, И стояла, снега белей,
Трепеща, его гнева ждала, Но ребенка отцу не дала.*

(Перевод С. Липкина и Л. Пеньковского):

От пристального взгляда Манаса перед смертью умирает юноша Коёнаалы, которого Манас забирает с собой в иной мир, чтобы он прислуживал герою там.

Относительно внешности Манаса мы придер- живаемся следующей концепции: для нас Ма- нас является воплощением идеального народ- ного духа, а дух, как известно, нематериален. Манас - зыбкий мираж народной фантазии, поэтому едва ли будет правильно привязывать собирательный образ мифологического героя к внешним чертам конкретного человека. Этим мы бы разрушили тайну и загадку сакрального образа эпического героя. Чтобы пояснить свою мысль - сошлемся на миниатюру XVI века, изображающую пророка Мухаммеда, вознося- щегося на небо на сказочном коне Аль-Бураке, причем лицо пророка закрыто тряпичной за- весом.

Средневековый художник очень кстати на- помнил нам об одном из основополагающих законов искусства - законе "Лаокоона" , выве- денного немецким философом Г. Лессингом, согласно которому нельзя насиловать волю зрителя и убивать тайну искусства бесцере- монным натуралистическим вторжением. Каж- дый в меру своей фантазии и воображения волен представить по-своему священный лик пророка Мухаммеда или Маһаса-Великодуш- ного. Нельзя навязывать зрителю наше субъек- тивное и не всегда лучшее мнение. Надо оста- вить за зрителем право на соучастие и сопере- живание в искусстве.

Возможно ли проникнуть в мысли и сознание лю- дей тех далеких эпох, в которых создавался эпос «Манас»?

Нет, это невозможно! Причина проста: многие категории культуры и система взглядов минувших исторических времен превратились для нас в непонятные и загадочные иероглифы, не поддающиеся рас- шифровке. Одни и те же символы менялись в течение времени и обретали иной смысл, иног- да прямо противоположный первоначальному. Поэтому подходить с сегодняшними нашими мерками и понятиями к тем отдаленным эпо- хам не только наивно, но и лишено всякого здравого смысла. Сегодня, из нашего истори- ческого далека, мироощущение людей тех да-

леких эпох для нас непонятно, и есть опасность приписать искусству древних несвойственные им современные представления и образы. Эпос "Манас" создавался в течение длитель- ного исторического времени. Именно в силу этого в разные эпохи он по-разному выражал категории Времени и Пространства: архаиче- ский пласт эпоса - круговое Время, стадияль- но более поздние пласты - линейное необра- тимое Время.

Наши предки наблюдали, как по небесной сфере движется по кругу с Востока на Запад солнце, как оно рождается и умирает каждый день. Мир воспринимался как пребывание в

покое или вращение в великом кругу. События и судьбы, по представлению древних, повторяются в круговороте времени, течение времени останавливается.

Истинное Время - Вечность. Время сливалось с Вечностью у каменных идолов.

Символ Вечности - круг. Время и Пространство воспринимаются как замкнутый круг: "Тегеректун терт бурчу» - "Че-

тыре конечности окружности мира», - говорится в эпосе.

Не изменение, а повторение являлось определяющим моментом сознания эпических героев, поэтому жизнь - это повторение поступков, ранее совершенных другими.

Прошлое вновь и вновь возрождается в настоящем, потомок повторяет судьбу, характер и поступки предка: Сейтек - Семетей, Семетей - Манаса. Поэтому жилище мертвых - кладбище, как правило, располагается у кыргызов до сегодняшнего дня рядом с поселением живых. Они как бы составляют единый мир, в котором прошедшее и будущее сосуществуют рядом.

Эпическое время часто не совпадает с реальным. Существует сакральное Время: Манас умер пятидесяти двух лет, каждый год его жизни приравнивается в эпосе пятистам годам, так что пятьдесят два года жизни Манаса - это целая Вечность.

Существует и сакральное Пространство-

целые миры, подчиненные особым силам, скрытые от смертных магическим защитным полем. Эпическому мышлению знакомо такое понятие, как «Восемнадцать тысяч земных просторов, или мирозданий», которые фактически равны бесконечности.

"Чынокжонун кара аты Кара атынын бар эле,

Он сегиз МИ#(ааламды-

Талкандай чалган адаты»-

Адекватный перевод автора: (У Чынокжо был вороной конь,

И была У вороного привычка - Подминать под себя

Восемнадцать тысяч земных просторов»).

По дошедшим до нас сведениям, древние кочевники определяли время по солнечным часам. Для этой цели они использовали дымовое отверстие юрты - «тундук». По углу падения солнечного луча, проникающего через дымоход, можно было определить время с точностью до пяти минут. Внутреннее пространство юрты, подобно циферблату, было разделено на 12 частей.

В эпосе «Манас» имеется множество примеров, когда настоящее трактуется единственной и истинной ценностью. И в этом отношении кыргызскому эпическому сказанию ПРИГуще понимание Времени как необратимой исторической последовательности.

"Бугун бар да, эрте#(жак,

Ошондой болот дуйнв бок»-

"То, что есть сегодня, не будет завтра,

В этом заключается круговерть жизни», -

говорится в эпосе. Двусторонне пронизано болезненным осознанием необратимости быстротекущего Времени, которое вызывает у сказителя безнадежное отчаяние и ощущение неотвратимости приближающейся неминуемой смерти.

Но напрасно тревожится сказитель за судьбу эпоса: он, эпос, наверняка переживет судьбу народа, создавшего его. Погибнет Манас Великодушный, но зато из пепелища возродится второе поколение героев эпоса. Погибнет и Семетей, но восстанет из небытия Сейтек; уйдет из жизни Сейтек, на смену ему появится Эр Сарык - и так будет вечно.

Времена, как ветры, будут гнать волны поколений, сменяющих друг друга, и в этом - круг вечности кыргызского эпоса, и в этом - философский смысл «Сказания о Манасе». О великой протяженности сказания о Манасе во Времени и Пространстве говорит сам эпос, который складывался в течение тысячелетий на огромном пространстве - от берегов могучей сибирской реки Енисей до Небесных гор кыргызского Ала-Тоо.

«Манас» - лучшее, что создал огромный кочевой мир от верхнего Енисея до внутренней Монголии и Тянь-Шаня. Эпос «Манас» - величайшая вершина духовной культуры народа, с высоты которой просматривается необозримая даль истории и человеческой мысли. Сегодня эпос принадлежит не только кыргызской культуре, но в равной степени - всей мировой культуре.

Вечером собирается народ послушать «Манас». Мы видим здесь и стариков, и молодых, и женщин с черными ликами вместо лиц. Когда манасчи (Шаабай) начал сказывать «Манас», появилась Муза и тихо присела среди людей. Ничто не отвлекло внимание слушателей, даже когда на головах черноликих женщин вдруг запылали элечки. Люди продолжали внимать манасчи.

А Манасчи, превратившись в орла, оторвался от земли.

Высоко в поднебесье поднялся орел.

Голос Манасчи-птицы доносится из заоблачных высот:

Превратившись в ворона, по несемся плавно... Превратившись в ястреба, наблюдаем сверху...

Превратившись в орла, наблюдаем со всех

сторон... Я уже высоко. Эй, души, поднимайте выше.

Буду смотреть дальше.

Глава 8. Консарвация эпоса.

«Манас» в контексте современной культуры.

Крупнейший тюрколог прошлого столетия, академик В. Радлов писал более ста лет тому назад: «... Народная поэзия кара-киргизов находится в каком-то своеобразном периоде, который лучше всего назвать «истинно эпическим периодом». Этот период, подобный тому, в котором находились и греки, когда эпические их песни о Троянской войне не были записаны, но жили в виде настоящей народной поэзии в устах народа».

Вполне вероятно, что так оно и было, когда в 60-х годах прошлого века произошло знакомство русского ученого с Кыргызским эпосом: процесс сложения эпоса еще продолжался, движение эпоса вперед - еще не было закончено, но вскоре этот процесс замедлился, чтобы остановиться навсегда.

Что же произошло?

А произошло очень важное историческое событие - Киргизия присоединилась к России. Но при сближении двух генетически отдаленных друг от друга культур, как и следовало ожидать, произошли неизбежные и сложные этнокультурные процессы. С одной стороны - границы народного, национального бытия расширились, вобрав в себя культурные ценности русского народа, его художественные традиции.

Но с другой стороны - эта знаменательная встреча двух культур положила начало длительному и необратимому процессу вымывания национальной самобытности из кочевой культуры кыргызов...

При столкновении двух культур, стоящих на разных ступенях общественного сознания, вероятно, не обходится без жертв и наносится глубокая травма, а порою стоит жизни

«малой культуре». Кроме того - подобный контакт, по-видимому, связан с жестокой психологической ломкой кочевого сознания, которая проявляется в многообразных деформациях национальной культуры, все последствия которой порою и трудно предусмотреть.

Оболение чужой культурой и попытка достичь высот чужой культуры механическим

ускорением собственных исторических и культурных процессов породили и порождают уродливые формы новой псевдонациональной селекционной культуры, очень далекой от подлинной народной культуры.

И тут, вероятно, тоже необходимы свои положенные «девять месяцев», иначе вместо ожидаемых национальных гениев на свет начинают появляться мутированные уродцы псевдонациональной культуры.

Всякий этнокультурный контакт, как явление сложное и неоднозначное, несет в себе как положительный, так и отрицательный моменты.

Вбирая в себя достижения более высокой оседлой культуры, кочевая культура в то же время теряет свою национальную самобытность, внутри же самой культуры происходят сложные необратимые процессы: замедляется и, наконец, останавливается динамика развития фольклора и эпоса, в результате чего национальный эпос обретает свои законченные классические черты и консервируется во времени, а «истинно эпический период» бесследно исчезает и растворяется во времени. Наступает новый этап в развитии эпоса - книжно-эпический. И тут происходят парадоксальные явления.

В связи с повсеместной грамотностью и, благодаря средствам массовой коммуникации (печатные издания, радио, кино, телевидение), эпическая культура, казалось, должна была бы обрести вторую жизнь и достичь небывалого своего расцвета. Но этого не происходит. Напротив - средства массовой информации и печатные органы, как это ни странно, играют роль могильщика эпической культуры. Есть, вероятно, своя непонятная закономерность в том, что с обретением тотальной грамотности иссякают живые источники народного творчества, прекращается живая эстафета народных сказителей, новые манасчи калькируют уже имеющиеся популярные варианты эпоса, тем самым канонизируют имеющиеся памятники эпической культуры, и происходит движение по замкнутому внутреннему кругу - эпос

перестает существовать как живой организм.

Всему есть начало и всему есть конец: эпос, как и всякий живой организм, однажды появляется на свет, переживает бурную юность и

однажды, достигнув зрелости, останавливается в своем росте. И теперь уже эпос окончательно сформировался и представляет собою замкнутую эстетическую систему, дальнейшее развитие которой было бы не только не продуктивным, но привело бы к деформации жанра. И эпос умирает.

Наступают новые времена и вместе с ними - эпоха книжно-эпической формы эпоса, которую мы и переживаем в настоящее время.

* * *

Какова связь между «Манасом» и современной кыргызской культурой?

Каково современное притяжение эпоса? Говоря о современном притяжении эпоса, все-таки справедливо признать, что мы очень сильно преувеличиваем влияние эпоса на современную духовную культуру народа.

Да, бесспорно - «Манас» является родовым гнездом всех возможных литературных жанров - от фольклора до трагедии, и именно в силу этого связь эпоса с современной культурой очень широка и многоканальна: эпос широко издается в республике, осуществляются многочисленные постановки по мотивам эпоса; композиторы, художники, скульпторы часто обращаются к эпосу...

и тем не менее - влияние эпоса «Манас» на современную культуру чисто символическое, поверхностное, происходит на внешнем уровне. «Манас» по-прежнему одинок. Об этом говорит хотя бы тот факт, что по мотивам эпоса в республике еще не создано ни одного сколько-нибудь выдающегося произведения искусства.

В чем же дело? Почему так происходит? На наш взгляд причин тут несколько. Первая из них носит чисто социальный характер.

Заботы патриотически настроенной интеллигенции о сохранении национального духа, памятников эпической культуры и истории именовались до недавнего времени не иначе, как национализм, а любовь к родине - идеализацией прошлого. Многие из нас только теперь начинают осознавать, что не только природа, но и культура малых народов нуждается в защите от воинствующего невежества или от преступного и корыстного умысла.

Необходима **Экология Культуры**, которая оградила бы культуру от произвола и пося-
!

гательства национального нигилизма и велико-

державия, которые демагогически камуфли-

руются под интернационализм. К сожалению, национальный нигилизм не переводится, а в какой-то степени, обретает силу и становится! агрессивней; это и понятно - ведь он живет по законам свободного рынка: спрос рождает предложение и, видимо, неплохо оплачивается.

Много врагов нажил Манас при жизни, но не меньше их осталось после его смерти. Враги Манаса пытались предать забвению великий эпос. Они опасны и сегодня. Они повсюду, иногда проникают в высшие эшелоны власти республики и оттуда диктуют свою злую волю. Разгул демагогии, национального нигилизма и великодержавного шовинизма чуть не сыграл темную роль на научной конференции 1952 года, посвященной генезису эпоса «Манас», и едва не лишил народ его любимого эпоса. Опасны они и сегодня: они хотят лишить народ истории, они хотят лишить народ памяти, они хотят лишить народ прошлого, а - народ без прошлого не имеет будущего - стало быть, они хотят лишить народ будущего. И сегодня никакая социальная демагогия, и никакая лицемерная ссылка на интернационализм не могут оправдать их антинародной политики!

Имеется еще один деликатный аспект проблемы: кыргызский народный эпос, как и всякое гениальное эпическое творение, вобрал в себя все мыслимое и немислимое стилистическое и жанровое разнообразие, начиная от магического реализма и комедии и кончая сю-

реализмом и трагедией. Приведем небольшой пример из эпоса. Провидица Каныкей перед гибелью богатырей Манаса видит вещий сон:

*«Тундв жатып туш кврдум,
Тушумдв жаман иш кврдум, Канжыгадан баш кврдум,
Кол квккврдвн жаш кврдум, Талас ылдый врт кврдум. Кырк эмчектуу кер канчык
Кыдырата шимшиди,
Унун баспай КЫШИУЫды. Алчагай муйуэ ак эркеч Айды карап маарады,- Тултук муйуэ квк
бука
Суу тубундв кврунду..."*

Нынче приснился мне скверный сон, Плохие дела творились во сне:

*"Я увидела человеческую голову, притороченную
к седлу. Я увидела сосуд-квкквр, полный слез, Я увидела пожар вдоль Тала са,*

*Я увидела красную суку о сорока сосках,
Которая скулила не замолкая и обнюхивала
все вокруг, Я увидела широкорогого козла, который блял на
луну, Я увидела, как короткошеий сивый бык заревел
из-под воды...»*

Приведенный в качестве примера эпизод является чистейшим образцом чистейшего сюрреализма. Он мог бы удовлетворить даже взыскательный вкус самого отца современного сюрреализма - Сальвадора Дали, но только не наших отечественных художников-живописцев и графиков.

Это обстоятельство можно было бы объяснить отсутствием талантливых художников. Но у нас в республике замечательная школа живописи. Старшее поколение - В. Образцов, С. Чуйков, Г. Айтиев, Е. Малейна... Среднее поколение - ж. Джумабаев, С. Айтиев, М. Бекжанов, А. Асранкулов, А. Бейшенов... Младшее поколение - Ж. Жакыпов, Э. Салиев, Э. Токталиев, Т. Огобаев...

Так в чем же дело? Почему наши художники обходят молчанием великий эпос, не могут должным образом оценить высочайшие художественные горизонты гениального кыргызского эпоса, его выдающееся жанровое и стилистическое разнообразие?

Ответ напрашивается сам по себе: вероятно, недостаточно знают и любят эпос, все тот же подлый национальный нигилизм, пустивший очень глубоко свои ядовитые корни в национальное искусство, который в свою очередь порождает очень странный для нашего времени, но вполне объяснимый комплекс национальной неполноценности даже среди очень одаренных и вполне просвещенных национальных художников.

Тем более обидно. Наши национальные художники - да простят меня мои братья по искусству за столь рискованное сравнение - напоминают порой простодушного туземца, сидящего на мешке самородного золота и с детской непосредственностью жадно протягивающего руки к дешевым и ярким стеклянным бусам иностранного происхождения.

Кроме указанных выше внешних причин отчуждения художников от эпоса, безусловно, имеются и более глубокие внутренние причины. Одна из подобных причин - слабая изученность эпоса, полная неразработанность его эстетики и философии.

Как всякое сложное явление культуры, «Манас» содержит два слоя информации: поверхностный, который люди понимают и осознают, и внутренний, остающийся неосознанным, а потому - непознаваемый.

Мир «Манаса» загадочен и таинственен. Весь эпос состоит из зашифрованных, магических, сакральных знаков и символов, и приоткрыть эту завесу таинственности пока что не удается.

Порою кажется, что «Манас» живет в ином пространственном измерении и имеет свое мощное защитное поле, надежно ограждающее его духовное пространство от любого вторжения извне.

Для того, чтобы проникнуть во внутренние пределы эпоса, следует подобрать ключ, отвечающий требованиям замка. Подобным ключом может стать и наше глубокое научное знание семантики эпоса, или убедительные знания сакрального мира эпоса на уровне его певцов-сказителей. Поясню свою мысль. В литературно-художественном альманахе «Литературный Кыргызстан» были опубликованы некоторые отрывки из настоящей книги. В одном из номеров журнала был опубликован сон жены Манаса Каныкей, отрывок из которого мы привели выше.

Вероятно, один из номеров журнала каким-то образом попал в Россию, и я получил письмо следующего содержания:

«Уважаемый Мелис Убукеев! Вам пишет увлекающийся тюркологией невропатолог.

Я с большим интересом прочел выдержку из вашей работы «Тайны эпоса «Манас», напеча- танную в NQ 11-12/92 журнала «Литературный Кыргызстан». Вы справедливо утверждаете, что наиболее древние пласты эпоса наименее доступны для понимания. Приведенный же сон Каныкей Вами оценивается как сюрреали- стический.

Однако, в последние годы нам стал досту- пен ключ к расшифровке подобных темных текстов - это психоанализ. В свое время, на- чав с изучения бессознательного в инди- видуальной психике, З. Фрейд естественно распространил свое учение на общественную жизнь. Кроме собственно лечебных целей, психоанализ специально занимается де- тальным изучением сновидений, туманных психических образов и т. п. Но примене- ние психоанализа для исследования эпоса затрудняется следующими обстоятель- ствами:

1) Изучать психоанализ из-за бессозна- тельного сопротивления со стороны психики очень трудно.

2) Сведующих в психоанализе историков, фи-

лологов, этнографов в пределах бывшего СССР нет совсем или очень мало.

3) Фрейдизм придает огромное значение сексуальному началу. Поэтому неосторожный психоанализ столь чтимого народом предмета, как эпос, может вызвать всеобщее негодование. С другой стороны, легко впасть в соблазн упрощенно-сексуального толкования.

Уже при первом знакомстве с упомянутым сном Каныкей, он представляется довольно прозрачным. (Здесь нужно сделать оговорку, что, по Фрейду, человек в сновидении: 1) более эгоистичен, чем бодрствующий; 2) всегда изображает себе исполнение желания; 3) не видит разницы между желаемым и дей- ствительным).

Наполненный слезами сосуд - характерный сексуальный символ. Человеческая голова (явно не Манаса) на хвосте коня означает победу в бою. Ширококорый козел, блеющий на луну, означает тоску мужчины или муж- чин по оставленным дома женщинам. (Здесь сразу же появляется не вполне по-русски бла- гозвучная цепь ассоциации: козел- вожак- Манас). Пожар вдоль Таласа означает тоску женщин, проживающих в этой местности.

Красная сука о 40 сосцах, которая скулит и обнюхивает все вокруг - то же самое. Число 40 не может быть случайным: кырык - кырык

огуз - кыргыз. Значит, это животное - изобра- жение всех кыргызских женщин и (или) изо- бражение Умай. Может быть, это не собака, а волчица? Короткорогий сивый бык, ревуший из-под воды, означает беременность или роды, причем родится мальчик, или то, что мужчина (мужчины) избежал (избежали) смерти, или то, и другое (такая многозначность

называется сгущением). Возможно также, что бык - БУКА как-то связан с этнонимом БУГУ.

Толкование сновидения Каныкей (т. е. рас- шифровка ее выраженного сновидением желания) таково: «Кыргызские воины под предводительством Манаса ушли в поход. Они подвергаются опасности; тоскуют по остав-

шимся дома женщинам, как и те - по ним. Ко мне же вернулся победитель - супруг. Я беременна и должна родить сына (или уже родила)». Оценка сновидения как "плохого» связана с тем, что Каныкей в сновидении за- ботится только о себе. Эта оценка может принадлежать и самой Каныкей, и манасчи- единоплеменнику.

Как видите, ничего загадочного. Мое толкование следует только из записи самого сновидения и Вашего краткого комментария к нему.

С уважением - Михаил Шашков».

Кажущаяся простота "Манаса» обманчива, весь эпос сплетен из множества сложнейших и тончайших метафор и символов.

Многие категории культуры, извлеченные из минувших эпох, превращаются со временем в иероглифы, нуждающиеся в дешифровке. И они, вероятно, уже никогда не обретут для нас своего первоначального смысла и останутся вечной и притягательной загадкой, существующей вне нас.

К сожалению, ни мы, ни минувшее поколение исследователей "Манаса» не смогли извлечь 'сколь-нибудь заметной пользы для национальной культуры из гениального кыргызского эпоса.

Утешает мысль, что исследователи и хужожники будущего уже на качественно ином уровне знаний, интуиции и национального самосознания по-новому высветят многовековую толщу эпоса, его многогранный художественный мир, его фантастические картины мира и найдут в "Манасе» неисчерпаемый источник вдохновения.

* * *

Зеленые холмы близ кочевья Манаса. День. Дружинник Манаса - Шууту вез в Талас счастливую весть о победе кыргызов над кытаями. Знаменитый боевой верблюд Манаса-Желмаян, почуяв родные кочевья, неся, как ветер, и время от времени оглашал воздух

радостным трубным ревом. В аиле Манаса узнали знакомый голос Желмаяна, женщины и дети высыпали на окраину и с тревогой ждали приближения вестника. Шууту скатился с верблюда и крикнул издали: «Дйкел аман, эл аман!» («Все живы, жив Манас!»).

шууту к Каныкей (*радостно*):

***Найзанын учун кан кылдык, Асман жерди чал(кылдык, Аралап журуп кытайды
Кырып - жоюп дал кылдык. Алтын таажы кийгизип, Алтын такка мингизип,
АЙК8Л Манас баатырды
Чет-Бээжинге кан кылдык.***

Концы копий мы окунули в кровь, Небо и землю погрузили в пыль, Уничтожая кытаев, мы отняли

*у них разум. Стиснув (его) голову золотой короной, Посадив на золотой трон,
Мы возвели ханом - Манаса Великодушного В китайском Чет-Бэйджине.*

Мудрая и дальновидная Каныкей, знавшая загодя о приближении всякой беды, не разделяет восторгов дружинника шууту.

КДНЬКЕЙ (*со слезами на глазах*):

***Бээжинди билди дегиче,
Бейпайга калды десел(ЧИ, Алтын так минди дегиче, Ажалы жетти десел(ЧИ!***

*Если он захватил Чет-Бэйджин, Это начало большой беды.
Если на золотой престол он взошел, Это конец ему пришел!*

Достав белый кусок юфти, Каныкей быстро набрасывает тростниковым пером письмо Манасу.

КАНЫКЕЙ:

*Айланайын Эр Шуутум,
Бээжинге бачым жете квр, Жан аманат катымды Айквлумв бере квр.
Бээжинге туруп кан болсо
Кыймалуу жактан чалдырат, Кыраандардын баарысын.*

*(Входит Арууке, жена Алмамбета) Кытайга белек алдырат! Бир угушум Бээжинден
Барган кайра тартпаган,
Кезиккен эсен кайтпаган! Адырда жылкы ала баш, Аркада эркек бала жааш, 8луп кетсе
Бээжинден
Кургабай калат квэдвн жааш.*

*О, мой витязь, дорогой мой Шууту, Поскорее достигни Бэйджина
И вручи моему Великодушному
Это письмо-прорицание (от которого
зависит наша судьба). На словах ему передай: - Если в Бэйджине
останется*

*он - это будет стоить ему судьбы, а войско
погибнет в тех красивых краях».*

И всех своих соколов он подарит кытаям.

*Я слышала - кто достигал проклятого Бэйджина, Не возвращался более назад (домой)
никогда, На холмах наши кони - пестроголовые, Сын наш еще младенец,
Если он погибнет в Бэйджине,
Не высохнут никогда мои слезы!*

Каныкей и Шууту выходят из юрты и подходят к коновязи, где под седлом стоит замечательный конь, приготовленный для Шууту. Кто-то подводит неоседланного запасного коня.

Появляется Арууке, жена Алмамбета. По ее раздобревшей фигуре видно, что она на последних месяцах беременности.

АРУУКЕ (обращаясь к Шууту):

Азыраак калды айына, Тврвй турган балду де.

Сагынгандын дартынан, елв турган балду де.

(Подает Шууту шитый золотом платок).

Бедерлуу алтын жоолугум,

Береним баатыр сен Шууту, !

Белекке муну ала бар, ~

Тврвй турган балду де, Азиз тууган тврвмдвн Суйунчу"ду ала кет!

Дружинник Шууту достиг далекого Бэйджина и предстал перед Великодушным. Манас вос-

седал в сверкающих золотых одеяниях на золотом троне повергнутого им правителя Чет-Бэйджина - Нескары. По правую руку его важно сидели Бакай и Алмамбет, по левую - Чубак и

Сыргак. Все были преисполнены чопорной важности и достоинства! БАКАЙ:

Аман-эсен келди,.би

Сандыргалуу Эр Шуутум!

*Жылгындуу Ке,-Кол, Ке,. Талас,
, Жерибиз эсен жатабы?
Аргын, кыргыз аралаш Элибиз аман жатабы?*

*Как поживает наша земля,
Прекрасный Кел-Кол и Талас?
Как поживает наш народ -
Аргыны и кыргызы? ЧУБАК:*

*Кайнардын кара кызундв,
Как чынардын взундв,
Ордобуз аман жатабы?*

*Как поживает Ордо - наша ставка, ~ Что находится в чреве Кайнара,
- Под сенью высоких чинар?*

АЛМАМБЕТ:

*Артымда Эркек туяк жак, Агынай кызы Арууке
Зайбым аман жатабы?*

*Нет у меня наследника - копытца,
Как поживает моя супруга Арууке, дочь Агыная?*

СЫРГАК:

*Әвндв аккан булагы, Эр Манастын чунагы,
Тоюна токсон сойдурган,
Атын Эр Семетей койдурган Тууганым аман жатабы?*

*Чистый родник, оживляющий дорогу, Единственный озорник (юный наследник) Манаса
Нареченный Семетеем,
На тое которого извели тьму скота, Как поживает мой юный родич?*

МАНАС:

*Калк энеси Каныкей
Кайгысын тартып элинин, Каныш аман жатабы?*

*Как поживает ханша,
Мать народа - Ка ныкей,
Которая вся в заботах о народе? шууту;*

*Keli-КОЛ, Талас талаа аман,
Квргвн журттун баары аман, Каныкей баишап калк аман, Жаи тврвлгвн
бала аман, Алган жаРЫЦf Арууке,
Ушу кезде ал да аман,
Артыкча айтты кеп салам!*

*(Передаёт Алмамбету подарок его жены -
платок).*

*Кабылан Манас взу~ун Жак экенин билгиэбей,
Ка тын башын эр кылып, Узулгвнун улаптыр,
Чачылганын жыйнаптыр, Б/йлап туруп Каныкей*

*Астыма кулук ат берди,
Мына бу алакандай кат берди.*

(Подает Манасу письмо Каныкей).

*Взвктвн чыккан - врт жаман, Вэдвн чыккан жат жаман Алты арамдын взу~в,
Чалгырты журвт квзундв, КбПиблрбI журвт свзундв
Чамасы келсе алты арам Чалганы журвт взулі, дейт! Токтолбостон зор тврвм,
Таласка тезден кайтсын дейт! Тилимди алсын Айквлум, Аман бери тартсын дейт!*

*Наша родина - прекрасный Кен-Кол и Талас - здоровствует,
Наш народ - аргыны и кыргызы - здоровствует, Прекрасная Арууке - здоровствует,
Юный Семетей, надежда народа - здоровствует, Мать народа - Каныкей -
здоровствует, Как всегда в заботах о народе, Разорванное она связывает, Разбросанное
она собирает. Она подарила мне скакуна
А тебе, Великодушный, со слезами - вот это
письмо. А на словах велела передать:*

*"Страшен огонь, поражающий сердцевицу, Страшен родич, ставший врагом.
Шестеро ваших братьев-завистников, Задумали темное дело:
В глазах у них - недоброе, В речах у них - обман,
В уме у них - предательство.
Шестеро братьев-завистников,
Ждут случая, чтобы нас погубить.
Пусть мой повелитель не разгневается
На мои слова и послушает меня:
Сердце у меня сжимается от страха,
Я чувствую приближение большой беды,
Пусть мой повелитель поскорей вернется домой!.,*

Манас решил отправить основную часть войска в Талас, оставив при себе сорок дружинников и небольшой, но сильный отряд старых опытных воинов. Он собрал свое войско и обратился к нему со словом.

МАНАС:

О, Калайык, калылі, журт, Баарылі, мында ТураСьПі.,

*Зордугум болсо кечип кой,
Таласта турдум жер вайлап, БаарЫfяРДЫ калтырбай
Бззжсинге казат кылам деп Айдап келдим кем байлап. Атам кары дегеНИ#I
Азыр кайТКЫ#I жеРИ#Iе, Взум начар дегеНИ#I Эми кеткин жеРИ#Iе,
Кайта бергин кетеРИ#I
Туулган, туулган ЗЛИ#Iе!*

*О, народ мой, многочисленные мои родичи, Вы все тут собрались и стар, и млад. Если я
кого-то обидел,
Я прошу меня простить.
Я вами повелевал в Тала се,
Это я объявил Великий поход,
Это я вас пригнал всех в далекий Бэйджсин. А теперь я обращаюсь к вам:
у кого ослабли кони, возвращайтесь домой,
у кого истощились силы, отправляйтесь домой. Все возвращайтесь по домам,*

*Все возвращайтесь по родным стойбищам. Прощай, мой народ,
Прощайте, мои верные воины!*

Долго стоял Манас вместе со своими неразлучными дружинниками - Алмамбетом, Чубаком, Сыргаком и прощался с войском. И, как подсказывало ему внутреннее чувство - на- всегда. Извиваясь зме'ей, молча текли мимо него войска и терялись в туманной дымке чужих гор. Тихо уходили войска. Без звуков музыки и грома барабанов. И было грустно.

* * *

Пологий песчаный берег могучей реки. Си- ние сумерки. Холодный туман. Все кыргызы знали о том, что рано поутру, будь то дома или в походе, Манас купался в холодной воде и, совершив полное омовение, обращал мысли свои к Вечному Небу. Знали об этой привычке Великодушного не только друзья, но и враги... Однажды на рассвете, когда померкли звезды и рассеял ась ночная тьма, Манас направился к реке.

На этот раз Великодушного сопровождал Ажыбай. Было еще прохладно. С реки тянуло сыростью, и вокруг были разлиты чарующие голубые сумерки. В чапане внакидку, без доспехов и без оружия, Манас сосредоточился на утренней молитве. Ажыбай поежился от холода, не сходя с коня, вогнал конец пика в мягкий песок и, опершись о древко, забылся легким птичьим сном. Долго ждал этого момента Ко,, "урбай. Его крылатый умница Алгара неслышно ступал по земле, осторожно крадучись, по-кошачьи, медленно приближался к Манасу. А дружинник Ажыбай - будь он проклят - крепко спал, опираясь о древко пика, и даже похрапывал во сне. Его словно обожгло и подбросило во сне, но было слишком поздно - проклятый Конурбай, подкравшись сзади, приподнялся на стременах, чтобы пронзить пикой склонившегося к земле Манаса. Ажыбай дико вскрикнул, рука Конурбая дрогнула, и вместо сердца жало пика пробило толстый слой шелкового кушака и вошло между позвонков Манаса. От сильного удара рукоять пика переломилась у основания, а жало осталось торчать в спине Великодушного. ; Ажыбай быстрее стрелы настиг Конурбая и ударил его пикой в бок. И опять Алгара, знаменитый крылатый конь Конурбая, спас жизнь своему хозяину: он быстро оторвался от преследования и унес едва живого Конурбая - в Бэйджин. Вернулся Ажыбай и, рыдая, обратился к " Манасу.

*АЖЫБАЙ (на коленях, накинув на шею чумб~ Айланайын Айквлум,
Тартуу кылам аСТЫfia,
КартКурелл влДУУ мал мына, ;:
К вз кашайып калган СОП, ~
Баатырай, квкврлви твкЧУ кан мына. .)*

*О, Великодушный - мой повелитель,
Возьми единственного друга -*

*моего верного коня Карткурона. Чтобы вытекли мои глаза,
Предательски сомкнувшиеся для сна.
Баатыр, пролей мою кровь - нет мне прощения.*

*МАНАС (успокаивая, великодушно):
Апкаарыба, Ажыбай,
Белимден найза сууруп ал,*

Кый тартпагын, тик тарткын! Бош тартпагын, бек тарткын!

*Возьми себя в руки и не волнуйся, Ажыбай, Вырви из моей спины жало пики,
Не вздумай косо тянуть - тяни прямо,
Не вздумай слабо тянуть - тяни сильно!*

То ли переволновался Ажыбай, то ли слабо потянул, только с хрустом переломилось стальное жало, и кончик пики застрял в позвонках, а Ажыбай в бессильной злобе на себя отчаянно и безутешно зарыдал.

МАНАС (утешая его):

"Бек тарт» - десе бош тартып, Тубумв жетти~, Ажыбай, Болору балду, Ажыбай, Боёсу канды, Ажыбай,

Эми жапа тартып кайгырба, Манас найза жеди деп, Эч оозу~дан чыгарба, Жалпы журтка угузба!

Калы~ кол жапа жебейби, Ж~вгv тушуп кетпейби!

*Я же просил тебя сильно и прямо рвануть,
Ажыбай, Стальное жало сломалось: ты убил меня, мой
Ажыбай, Но не страдай понапрасну, мой Ажыбай,
Воля Неба на то - что случилось, того не поправишь,
А теперь слушай меня и строго выполни приказ: Не вздумай сболтнуть, что я ранен,
Пусть никто не узнает об этом,
Иначе дрогнут сердца у людей, и паника в войске начнется.*

Тем временем из-за черных Каспанных гор выкатил ось огромное кровавое солнце и по-

висло над рекой. Мощная полноводная река катила свои студеные свинцовые воды, парила и дымилась, словно котел Вселенной.

Издранными ключьями поднимался густой туман и принимал самые причудливые формы и очертания. Солнце потонуло в густых испарениях реки и смотрелось бледной луной. Земля и Небо смешались, и все вокруг превратилось в зыбкий пугающий мираж. И тут откуда-то сверху раскатистым громом донесся Г о л о с, от которого в жилах стыла кровь и готово было остановиться сердце:

Чалыяр тийбес Бээжинге

*ЧаРКЫИ келбейт, кайТКЫНЫИ! Топон суу келбес Бээжинге, ТоБУИ келбейт,
каЙТКЫНЫИ!*

Отступись от Бэйджина, удобного Небу,

*(У тебя) сил не хватит, возвращайся назад! Отступись от Бэйджина, непосильного
всемирному потоку, (У тебя) войск не хватит, возвращайся назад!*

Всхрапнул и заржал конь под Ажыбаем. Манас в ужасе взглянул на своего дружинника и понял по его лицу, что тот не слышал вещего Голоса.

* * *

Горы. Дружинники. Поздние сумерки. Войско.

О том, что Манас был тяжело ранен Ко- нурбаем, держал ось в тайне от всех, лишь самые близкие дружинники знали об этом. Всезнающий Алмамбет взялся лечить Манаса сам и, действительно, вскоре вылечил - рана на спине затянулась, и Великодушный сел на коня. И только совсем немногие знали, каких это требовало нечеловеческих усилий и мужества: Манас был слишком слаб. Алмамбет уговорил, почти заставил Великодушного

вернуться в Талас с остатками войска, а себе оставил жиденский отряд во главе с сорока львами - дружинниками Манаса.

Настал час прощания.

АЛМАМБЕТ (Манасу):

*Атындын башын бура тарт, Асылым Манас тура тур. Керээз кылып кеп айтам, Аман
Таласка барса lib! Э, Элди эсен көрсөүз,
Тоодогу жылкым жыйып кой, Антташканым Арууке
8зум менен бир барган
Мажикке нике кыйып кой! Алган жарым Арууке Эркек бала тврсс
Тоюна токсон сое көр,
Атын эр Кулчоро кое кор. Эркек эмес кыз болсо
Аркар атып жеп койгун,
Акырет кеткен Алмамбет Туяксыз втту деп койгун!*

*О, Несравненный мой Манас Великодушный, Натяни поводья, придержи коня
И выслушай мой керээз - завещание:
Если вы благополучно достигнете Таласа, Если увидите в здравии свой народ,
Соберите мои многочисленные табуны коней И мою верную супругу Арууке
Выдайте с почетом за Мажика, пришедшего со мной из Кытая.
Если моя супруга Арууке
Родит мальчика-наследника,
Забейте на тое девяносто коней
И назовите его именем - эр Кулчоро,
А если вместо мальчика родится девочка, Подстрелите архара в горах
И считайте, что безвременно ушедший Алмамбет, Быстрой тенью мелькнул, не оставив
копытца- следа на земле!*

МАНАС (ко всем дружинникам):

*Алмамбет - Чубак эгизим, Ааламда жак теңизим.
Сырттан Сыргак жолборсум, Сырдаш болгон жолдошум. Кырк баатырым, курдашым,
Айтышканда сырдашым,
Наалышканда мундашым.
Жан жолдошум, кырк баатыр,*

Кош айтышып алалы. Тирилсек да, влсвк да, Кол кармашып калалы!

*Алмамбет, Чуба к - мои близнецы несравненные,
Доблестные витязи Вселенной, Мой юный друг-побратим,
Грозный тигр, доблестный Сыргак, Сорок моих ,несравненных львов,
Сорок баатыров - моих верных друзей, Вы - мои брртья В беде и добре,
Мои родичи верные, сорок витязей,
Давайте попрощаемся и обнимемся напоследок!*

Манас обнимает Алмамбета, Чубака и Сыр- гака, широким жестом прощается со всеми остальными. Войско во главе с Манасом начи- нает уходить. Дружинники остаются.

* * *

*Каныкей на ранней заре
Пробудилась от страшного сна. Но чего испугалась она?
Почему проснулась она?*

С шумом распахиваются створки двери, ветер задувает светильник. В ужасе просыпается Каныкей. Полощется тонкий шелк на ветру. Каныкей прикрывает собой колыбель с маленьким Семетеем.

Пылают огромные черные казаны посреди стойбища, и красное пламя пожарищ взмывает в небо, опаяя облака.

КАНЫКЕЙ (обращаясь к Бакаю):

*Эт журвгум солкулдайт,
К взум тартып болкулдайт, Кв'иУЛУМ квпту санатат, Алып учуп журвгум,
Эмне болуп баратат?
Тундв жатып туш кврдум,
Тушумдв жаман иш кврдум, Канжыгадан баш кврдум,
Кол квкврвдн жаш кврдум, Талас ылдый врт кврдум. Кырк эмчектуу кер канчык
Кыдырата шимшиди,*

*Унун баспай КЫШУЖыды. Алчагай муйуз ак зркеч Айды карап маарады,-
Сырттанып Алмам влгвн бейм?! Тултук муйуз квк бука Суу тубундв кврвнду. Акбалтанын
Чубагы*

*Бир кордукту кврвн бейм?! Карга айдаган Акиумкар Канаты жак калыптыр,-
Кымбатым Сыргак влгвн бейм?! Айквлум ми'У"ен алтын так Буту кыйрап калыптыр,-
Аттиц ай, Аккула окко учкан бейм?! Кырк ууру калмак, каканчын
Айквду тегеректеп алган бейм?! Керззин айтып, квк жалым
Кангайдын колуна тушуп калган бейм?!*

*Сердце заходится у меня, Глаз дергается у меня.
Душа беспокойна - не нахожу себе места. К чему бы все это?
Нынче приснился мне скверный сон. Плохие дела творились во сне: Я увидела
человеческую голову, Притороченную к седлу,
Я увидела сосуд-квквр, полный слез. Я увидела пожар вдоль Таласа, Сука
красная о сорока сосках,
Не замолкая скулила, обнюхивая все вокруг. Ширококоргий белый козел блял, Подняв
морду на луну.*

(Далее поэтический перевод С. Липкина и Л. Пеньковского)

*Короткорогий сивый бык Зарвел из-под воды,
Неужели погиб Алмамбет?
В облаках белый кречет парил,
Белый кречет остался без крыл, Неужели скончался Чубак?
Повалился чинаровый ствол, Повалился, едва он зацвел, Неужели скончался Сыргак?
Хан Манас взошел на престол, Но престол покачнулся вдруг, Подломилась ножка одна.
Неужели остался супруг На чужбине без скакуна?*

*Может быть, муж мой дорогой,
Богатырь с великой душой,
На кангайской земле сокрушен И врагами он окружен?*

Коновязь. День. Бакай - на коне Тайбууруле.

КАНЫКЕЙ (Бакаю):

*Айланайын Абаке.
Баатырым бауы аманда кайтсын де, Тилимди алса, Айквлум Аман бери тартсын де!*

*Дорогой Абаке,
Пусть баатыр возвращается (пока цел), Пусть послушается меня.
И возвращается домой поскорей!*

* * *

На другой день, узнав об уходе Манаса, кытай напали на небольшой отряд кыргызов во главе с сорока дружинниками. Сражение произошло в пустыне «Ит-8лбес». Врагов оказалось в тысячу раз больше. Кытай окружили немногочисленную дружину и стали теснить ее со всех сторон. Вот как описывает картину боя сказитель Саякбай Каралаев:

*Бири-бирине каралау,
Алмамбет, Чубак аралау, Серек, Сыргак аты уйкау. Ээрчиткени кырк чара,
Сыргакты коюп артына,
Каптап келген кытайдын Каршы коюп бетине,
Ордун салып дыр коюп, ит-влбвстун чвлунв
Кирип келди чуу коюп...*

* * *

*Асман ачык, жер бурквк,
Жерден бир тал кврунбвйт, Топурак жайнап, тоз болуп, Элден бир тал кврунбвйт.*

Сумерки опустились на место сражения: Гибли сизобородые мужи,

*Гибли совсем еще юные отроки,
Конские трупы образовали горы,
Все было покрыто кровавой мглой. Языки от жажды распухли во рту, Песок хрустел на зубах,
Ощерившись лежали мертвые кони,
А люди - яростно скалясь,
Бились отчаянно вокруг изорванных, опаленных знамен.
Гремели барабаны и хрипели кернеи.
Изорвались поводья и подпруги коней, Усталые руки поднимались с трудом, у всех были сплошные раны,
Сверкали клинки и взвивались копыя, Седла съезжали на брюхо коней,
Потерявшие близких выли, как волки, Хрипели бойцы и храпели кони,
Падали кони со стрелами в глазницах, Лежали в обнимку кыргызы и кытай,
Теряя оружие, люди рвали друг друга зубами, Кони носились без седоков.
Небо было ясное, на земле - непогода, Все смешалось в черном тумане, Ад опустился с Небес на землю!*

8 это время на поле битвы появился весь в красных доспехах на красном коне знаменитый вражий колдун и стрелок - Шыпшайдар. При помощи колдовства он неожиданно появлялся и исчезал в разных местах - то в гуще сражения, то сверху - под облаками.

АЛМАМБЕТ (Чубаку):

*Каражой уулу Шыпшайдар Кара-кытай, манжуунун Квзгв атар мергени.
Шыпшайдардын келгени, Ажалдын анык жеткени,
Алтымыш баштуу аярдан
Менден алты ай мурун окуду, Учаарын билип ал калды,
Журушту билип мен калдым!*

*Чубагым, Таласка эсен тартпайбыз, Калмактан эсен кайтпайбыз. Айланайын берендер,
длгвнундвн калгаНЫП.*

Белимден кармап буктвп кет. Таласка сввгум жуктвп кет. Керумду кенен оюп кет.

*Аманат кылып ал жерге, Алаке~и коюп кет,
Минип жургвн тулпарым Сараланы союп кет!
Кош бал Чубак эреним,
Ааламда чыкпас береним!*

*Сын Каражоя - Шыпшайдар,
Знаменитый стрелок кара-кытаев и манжуу
явился сюда. Появление здесь проклятого колдуна - Означает нашу верную смерть.
Он на полгода дольше учился колдовству у шестидесятиголового дракона.
Потому он умеет летать, а я лишь - перемещаться по земле.
Брат мой Чубак, не видать нам больше Таласа, Мы не вернемся домой никогда. Друзья
мои, братья-друзинники,
Если кто из вас останется в живых, Погрузите мой прах на Сарала И в Таласе
похороните меня. А моего любимого Сарала Зарежьте на моей могиле. Прощай, мой
Чуба к,
Прощайте, мои братья-друзинники!*

Как ястреб на куропаток кинулся на врагов юный Сыргак. Всюду, куда ни бросался он, кытай обращались в бегство. Никто не мог устоять перед пламенем его натиска, перед холодом его ярости.

КОНУРБАЙ (Шыпшайдару):

*Кезгелгенди бут буруп ЭффКейиште эр саят,
Жетевну катар бир саят, Квп сындырып белимди, Кырды далай Эримди!
Айланайын Шыпшайдар, Айтканымды свздвй кер, Сыргак кулду квздвй кер!*

По обыкновению, этот бурут насаживает ви- тязей на свое копые - и не одного, а подряд семерых. Он отнял нашу силу, он истребил многих богатырей.

*Дорогой мой Шыпшайдар,
Возьми на заметку мои слова,
Возьми на прицел этого раба Сыргака!*

Когда Сыргак преследовал врагов, споткнулся его конь Кокчебич, и слетел с его головы булатный шлем. Сыргак повернул коня, и когда перегнулся с седла, чтобы поднять свой шлем, Шыпшайдар выпустил стрелу, и она глубоко вошла ему в глаз. Вылетел из седла Сыргак и пал на землю. Вторым выстрелом Шыпшайдар прикончил коня Сыргака. Когда Чубак увидел, как погиб Сыргак, слезы брызнули у него из глаз, и ярость его удесяте- рилась. Ближних врагов он рассекал мечом, дальних доставал копьем, и дрогнули кытай. Громко крикнул Шыпшайдар, и когда Чубак обернулся на голос, красная оперенная стрела глубоко вошла в грудь Чубаку.

Померк свет в глазах Чубака, и он рухнул с коня.

Долго смотрел на мертвого друга-побратима Алмамбет. слезы вскипали на его глазах. Он прикусил губы, чтобы не дать волю чувствам, и кинулся в гущу врагов, круша всех подряд.

И Ко~урбай снова взмолился перед Шыпшайдаром.

КОНУРБАЙ:

*Баатыр, взвктвн куйгвн ерт жаман, вздвн чыккан жоо жаман,
Жанакы Алмамбет деген нт жаман. Айтканыма квне кер,
Алмамбет кулду ата кер!*

*Баатыр, страшен огонь, пожирающий сердцеви́ну, Страшен родич, ставший
врагом. Очень опасен этот пес Алмамбет, Послушай мои слова,
Подстрели раба Алмамбета.*

Заметив Ко~урбая, Алмамбет толкнул коня и приподнялся на стременах, чтобы поразить его пикой. Но колдун Шыпшайдар, который выслеживал его словно дичь, сразил его из лука. Пал герой Алмамбет, и для кыргызов затмился свет.

и Жайсан-Ырчы (Ырчыуул) помчался к Манасу с черной вестью. Он нашел его на привале, на берегу реки.

ЖАЙСАН-ЫРЧЫ (Ырчыуул):

*Ит- влбвстун чвлундв
Согушуп жатып кайрылдык
Алмамбет, Чубак арстан шер, Улак кандын Сыргак Эр, Кырк кыраандын ичинен Он
экиден айрылдык.
Кыйындардын баарысын
Кытайга белек алдырдык.*

*Обливались кровью сердца, Снарядили кыргызы гонца. Снарядили батыра Ырчы
И сказали: "к Манасу скачи».*

*Быстро гонец исполнил приказ, Быстро Ырчы Манаса достиг, Душу раздирал его крик:
"О, Манас, леопард Манас,
Нет в живых драгоценных львов, Нет твоих несравненных львов! Принял смерть за тебя
Сыргак, И погиб исполин Алмамбет. Из твоих сорока бойцов
Нет двенадцати удальцов,- И погиб исполин Алмамбет. Вот он твой великий поход!
Без опоры теперь твой народ. Ни один, ни один из нас
Не вернется живым в Талас, И погиб исполин Алмамбет!
С ужасом слушал гонца Манас, Он смотрит, как беркут, сейчас, Но глаза его меркнут
сейчас. Из немигающих этих глаз
Слезы льются щедрым дождем.
Над несчастным кыргызским вождем Крылья свои простёрла беда!*
(Перевод С. Липкина ил. Пеньковского)

* * *

Манас прибыл вместе с отрядом на место сражения. Кони, люди лежали вповалку в разных местах.

Манас спешил с коня и, ведя его в поводу, склонялся над убитыми, искал друзей - дружинников. Прячась за горы трупов, в это время приблизился на выстрел Шыпшайдар и поразил стрелой в шею Аккула. Призывно заржал Аккула и рухнул на землю. А проклятый колдун улетел на недосягаемое стрелой расстояние и радостно отплясывал дикий калмакский танец, куражился и хвастался перед своими:

*Жаралуу Манас квок жалдын Атын атып таштадым,
Эптеп-септеп Манасты Айыктырып айалык,
Бээжиндеги кырк шуркут, Казыналык катынга
Алтарып айгыр салалык, Каалап тукум алалык.*

*Я убил боевого коня ~аНаса - Сизогривого и лишил его силы.
Давайте как-нибудь вылечим ~аНаса от ран И возьмем его семья на племя.
Пусть он станет жеребцом сорока Бэйджинских казенных шлюх, Пусть он покроет их,
И мы выведем новое племя.*

А Манас Великодушный сидел перед по-вергнутым боевым конем и горько переживал смерть своего друга. Великодушный внезапно вострепнулся, вспомнив очень давнее и забытое. Когда его еще юношей объявили ханом, появился святой старец и подарил ему золотую заговоренную стрелу со словами:

*Кайкайып турган кайран бел Буктвлгвндв аткыныц!
Алмадай болгон КУУ башка Куч келгенде айткыныц! Аманат жандан туцулуп,
Жадаганда аткыныц!*

Используй эту стрелу, когда придется очень туго, Используй эту стрелу, когда согнет тебя беда! Используй эту стрелу, когда не останется у тебя надежды!

Колдун Шыпшайдар при менял свое колдовство -то приближался, то исчезал, то поднимался на небеса, то быстрой тенью скользил по земле и выпускал стрелу за стрелой в Манаса. Но благо: стрелы колдуна не причиняли вреда Великодушному, так как он весь был закован в броню, и даже лицо его было надежно защищено железной маской от вражских стрел.

Итак, Манас вспомнил о золотой стреле святого старца и извлек ее из рукояти своей боевой камчи.

Он наложил стрелу на свой боевой лук Аленгир и повел его за колдуном.

Зазвенела тетива бугатырского лука, с диким визгом ушла заговоренная стрела, настигла проклятого колдуна. Гром прокатился по земле - Шыпшайдар грянул на землю с заоблачных высот и испустил дух.

И завопили разом все кытай, оплакивая колдуна - Шыпшайдара. И двинули свою рать.

И сошлась стена на стену, рать - на рать.

И сурово сказал Манас:

"Витязи, слушайте мой приказ: На кыргызов бремя легло.

Страшной схватки время пришло. Чтобы наше племя могло

Жить, не чуя бича над собой,-

С давним недругом надо вступить В беспощадный последний бой".

* * *

Приняли барсы этот приказ. Немного численную рать

Начал к бою готовить Манас... Как Ала-Тоо чист и высок, На врага полетел седок,

Потрясая широкий дол: I Вновь кыргыз на врага пошел. j Вновь заklubилась черная

пыль, J Вновь погрузился черный ковыль i

в кровяной и густой рассол. ~

Прыгали, потеряв седоков,

¡Обезумевшие скакуны, Был Манас, как возмездье, суров, '
А оставшиеся богатыри .

*Истребляли души врагов,
Превращали их в чернотал, Убивали их наповал,
Был страшен в гневе своем Манас!
(Перевод С. Липкина иЛ. Пеньковского)*

бакай исполнил волю провидицы Каныкей и доставил Манасу тулпара по имени Тайбуурул в самую трудную для него минуту, когда он остался без боевого коня. Кыргызы отбили тело Алмамбета у кытаев и крепко прикрутили волосяными веревками тело героя к седлу.

БАКАЙ (коню):

*Айланайын Сарала,
Башы~ды жерге сала кер, Алмамбеттин севгун Жаныбарым Сарала, Элге алып бара кер!
Алдырсак жоого - жаман ат! Алмамдын асыл сулдеру Бир взу~е аманат!*

Манас с Бакаем прощаются со славным конем и направляют его в сторону Таласа:

*Драгоценный наш друг, Сарала, Опусти низко ГОЛОВУ,
И доставь тело Алмамбета в Талас. Ты ЧУДО-Лошадь, Сарала, До родных наших мест
Доставь бесценный прах,
Одна надежда на тебя!*

Мрачное предчувствие не обмануло прови- дицу Каныкей: трагичным и роковым оказался «Великий поход». Многие дружинники Манаса полегли в походе, не вернулись домой витязи: Алмамбет, Чубак, Сыргак - побратимы Манаса. Пал в походе верный конь Аккула, Манас вернулся домой со смертельной раной. Каны- кей выехала навстречу Манасу. Вышли встре- чать и вдовы Алмамбета, Чубака и Сыргака - Арууке, Сягул и Бирмыскал.

Вот как описывает сказитель Саякбай Ка- ралаев встречу Манаса со вдовами. У нас сохранились кинокадры этого эпизода в ис- полнении покойного Саякбая, полные печали и глубокого трагизма.

Голос САЯКБАЯ КАРАЛАЕВА:

*IIАккула окко учурдум, аяш! Алтын айдар чок белбоо
Алмамбет шейит кечирдим, аяш! Канатымдан айрылдым, аяш!
Караан кылып отурган Эр Чубактан айрылдым, аяш!
Мен калмакты К83двй жсал чалдым, аяш, Бээлес, жанга табылбас,
Мен Сыргагымды жеп алдым, аяш!
Мен канатым окко жулдурдум, аяш!*

Услышав черную весть, рыдают и рвутся из рук удерживающих их женщин вдовы.

*Мен каран кун жанды тындырдым, аяш! Ач арыстан, ары шер
Жардыгында влбвдум, аяш! Алмамбет, Чубак, Сыргагым Бардыгында влбвдум, аяш!*

Стрела насмерть поразила Ак-Кула, аяш,
Золотокосый Алмамбет,
Единственный наследник Азиз-хана,
Нашел свое бессмертие, ушедши в иной мир, аяш. Я лишился своих крыльев, аяш,*

Я лишился моего верного сокола Чуба ка, аяш, Я потерял своего драгоценного Сыргака, аяш, Стрелой оторвало мое крыло, аяш, Черный день опустился на нас, аяш, Я лишился всех моих львов, аяш, Почему я не умер, когда были живы мои львы, аяш, Почему я не погиб, когда были живы Алмамбет, Чубак и Сыргак!

Арууке, вдова Алмамбета, со словами при- ветствия обращается к Манасу, но простые и бесхитростные слова обретают в ее устах тяж- кий подтекст для Манаса.

. Аяш - друг мужа или жена друга.

АРУУКЕ (Манасу):

*Аяш-жан, ай кара!-(ГЫ болгондо, Кунду эмне кылабыз?
Тоодогу жылык токтобойт, Муну тосуп коер ээси жак, ТелфНРДИН салган ишине,
Аяш-жан, кетврбвскв кеэи жак! Абайлабай чалдырды#(
Алмамбет, Чубак шери#(ди.
Аяш-жан, ка!-(Гайга белек алдырды#! Аяш-жан, кыйналбай эсен келди#(би? - Кызырлуу шерик баарысын
Аяш-жан, кангайга белек берди#(би?*

*Аяш - если затмится луна, К чему нам яркое солнце?
В горах у меня пасутся бесчисленные табуны, Какой от них прок, если некому их завернуть. Небо обрушило на нас великое горе,
Аяш - кто даст мне сил справиться с этой тяжестью!*

*Аяш, это ты позволил кангаям погубить наших витязей,
Аяш, это ты преподнес кангаям бесценный подарок,
Аяш, не утомился ли ты с дороги, Здоров ли ты?
Аяш, неужели это правда,
Что всех наших витязей ты подарил кангаям?*

Каныкей видит нечеловеческие нравствен- ные муки мужа и уводит его. Она вовремя находит точные и мудрые слова, чтобы укре- пить дух Манаса и выразить ему сочувствие.

КАНЫКЕЙ:

*Баатыр, айтса арман арылбайт, Баатыр, акырет кеткен эгиздер,
Баатыр, арман кылсам табылбайт. Телегейи те#(да втквн,
Алмамбет, Чубак, Сыргактай,
Баатыр, оболтон канча Эр втквн. Кайгырса журвк камыгат, Кайрат кылчы, баатырым,
Кайрандар кайдан табылат?!*

*Баатыр, велико наше горе, и страдание его не убавит,
Баатыр, как бы мы ни причитали,*

*Баатыр, нам не вернуть двух близнецов, ушедших от нас в иной мир.
Нет в этой жизни бессмертных - все преходяще, Витязи, подобные Алмамбету, Чубаку, Сыргаку, Сколько их минуло, нет им числа.
Страдание и печаль изнуряют сердце и душу, Возьми себя в руки, призови свое мужество, Нам все равно не вернуть их великие души!*

В своей юрте Манас умирает от раны в позвоночнике:

*Айым, келе бери колу~у, Ажалым жетип мен влсвМ, Жыйган алтын чачып кет,
АТа'і Темир кан квэдвй качып кет. Эрн влгвндв катынга
Твркуну жакын болуучу.*

*КОЛУ'ідагы Семетей - Б/смайылга бере квр! Менин квэум втквндв,
Талас сага жер болбойт,
Сени Абыке, Квбви жен койбойт! Долум, кетмендеп кврум оё квр, Бир адамга билгиэбей,
Билинбес жерге кое квр!
Кырк эки жылы кан болдум,
Кулаалы кыйып куш кылдым,
Ушу турган калкыма : Тентиген журтту баш кылдым.*

*Айым, дай твою руку,
Когда дни мои будут сочтены и я умру, Ты разбросай свое золото (богатство),
И беги к отцу своему - Темир-хану.
Когда помирает муж,
Надо искать своих родичей.
А младенца Семетя отдай на воспитание брату своему Исмаилу.
Когда кончатся мои дни,
Талас перестанет быть твоей родиной, А братья мои, Абыке и Кёбёи, станут твоими
первыми врагами!
О, моя вздорная и упрямая,
Кетменем выкопай мне могилу, И сохрани в тайне от всех ее! Сорок два года я был
ханом, И ухожу без сожаления:
Из стервятников я сделал соколов, .'*

*И для этого народа
Из бродяг я создал правителей.*

КАНЫКЕЙ:

*Айквлум, керээзил(ltu айт, кебил(ltu айт! Карабеттин корголой турган жерин айт!
Квк жал - тврвм, баш квтвр,
Кокустан квзу~ жумулса,
Баатырым, квмуучу киши~ бар беле? Уялаштай кейуучу
взу~в караичуу киши~ бар беле? Тунврп башка иш туишв, Туу тубундв былк этпей,
Туруучу киши~ бар беле? Туйгунум, квзу~ жумулса, КызмаТЬП(lтЫ былк этпей,
Кылуучу киши~ бар беле?!*

*О, Великодушный, скажи заветное слово, Объяви свое завещание!
Скажи, куда мне деться, проклятой!
Сивогривый мой повелитель, подними-ка голову,
Если закроются твои глаза
Кто те люди, что похоронят тебя? Кто в горе оплачет тебя?
Кто те люди, что примут участие в тебе? Если наступят черные дни,
Кто, не дрогнув, выстоит возле траурного знамени?
Если закроются твои глаза, мой сокол, Кто возьмет на себя все заботы?!*

Однажды на рассвете внезапно испуганно проснулся Манас. Он собрал все свои силы и вышел из юрты. На дальнем гребне гор он увидел силуэт Сарала - коня Алмамбета, несшего на себе мертвого всадника. Гонимая предчувствием, вышла из юрты и вдова Алмамбета - Арууке. За много дней пути от Сарала осталась одна лишь тень: конь едва дер-

жался на ногах от истощения. Из груди Арууке вырвался тяжкий стон, и ее горький плач подхватили мужчины и женщины, стар и млад.

* * *

Манас умирал. Повсюду в юрте были развешаны его доспехи и оружие, щит и меч.

Юрта была полна народу. Все хотели быть рядом во время смерти Великодушного. Снаружи доносятся глухие звуки добулбаса - это Жайсан Ырчы, Жайсан-шаман изнемогает в неравной борьбе с духами-исполинами, явившимися за душой Манаса. Манас делает вялое движение рукой:

*Кой дегиле Жайсанды,
Кыйнабасын жанымды...*

*Пусть перестанет Жайсан,
Пусть не мучает мою душу... Плачущему БАКАЮ:*

*Абаке, Бакай, ыйлаба!
Акырет сапар баратам,
Менин аманат жаным кыйнаба! Казасы жетсе влбвйбу,
Жараткан жаэып койгонго пендеси кургур квнбвйбу!*

*Не плачь, мой абаке Бакай! Я ухожу в иной мир, Не мучь мою душу.
Если судьба кончается,
Если велит создатель,
Дело раба покориться (судьбе)!*

Юноша Коёнаалы, близкий родич Манаса, рвется, чтобы попрощаться с Великодушным. Каныкей удерживает юношу, потому что, как никто другой, она знает тайну его страшного взора: тот, на кого падал пристальный взор Манаса, не оставался в живых.

КАНЫКЕЙ:

*Аяш ата,. Манастын
Квзундв кара калы бар,
Жуэундв жаман эары бар,
Карачуу БОЛСОИ о,. кылбайт,
Байкачуу БОЛСОИ СОй кылбайт.*

*у твоего названного отца - Манаса Под глазом - черное родимое пятно, Взор его смертелен,
Не смей на него смотреть,
Иначе тебе - верная смерть.*

КОЁНААЛЫ:

*Аяш атам Манаска
Учурашып кол тутпай,
Ушинтип кантип калайын, Ушу турган КУУ жанды
Курмандыкка чалайын.*

*Я должен попрощаться с моим названным отцом - Ма на сом,
Я готов принести в жертву мою жалкую жизнь.*

Манас умирает. Коенаалы, вырвавшись из рук Каныкей, крепко стискивает руку Манаса:

Кадыры толук кан атам, СапарЫ'ibIЗ саламат, Коенаалы бала'ibIЗ

Бир кудайга аманат!

*О, Великодушный мой названный отец, Пусть будет благословен ваш путь. Ваш сын
Конаалы
Готов стать вашей- жертвой!*

От железного рукопожатия Манас просы- пается и пристально вглядывается в юношу.

МАНАС:

*Манас - Манас болгону,
Манас атка конгону,
Сан кыйылган жак эле, Бул колдонгон баланы Тук кергенум жак эле.*

*С тех пор, как я стал Манасом,
С тех пор, как я ношу имя Манас,
Мне не приходилось видеть мальчика С такой сильной рукой.*

Горько вскрикнула Каныкей, жалея мальчика:

*О!Сбогон терем, О!Сбойсу!С,
Ач квздугу!С койбойсу!С...*

О, мой повелитель, Не будь жестоким, Оставь в покое мальчика...

МАНАС:

Жаши экенде жайрайт, ээ, Бугункудви калбайт, ээ...

*Конаалы чырақты
Жолдош кылып алайын, Кыяматтык тар жолдо
Ушуну кармап барайын!*

*О-о, ведь он увянет совсем еще юным, О-о, ведь он погаснет еще до зари. Решено - я беру
его в спутники, Решено - он будет светить мне
во мраке подземного мира.*

Это были последние слова Манаса, и он тихо отошел. Каныкей сняла маску и закрыла глаза ему.

И тогда померкло солнце, и земля сотряс- лась, и камни рассыпались. Гром оглушил лю- дей, а молния ослепила всякого. Дохнул хо- лодный ветер, и луна перестала светить. Ско- тина сбежала с летовок, и собаки выли на черное солнце. Звезды упали с неба, и силы небесные поколебались. И возмутил ась природа: взыграли, поднялись и вздыбились на озере волны, завихрились, за клубились тучи на небе, ураганным ветром смяло юрты в айле, сорвало их с места и разбросало далеко, переломав им крылья.

*Скалятся в дикой скачке обезумевшие от страха
. кони;*

*Разыгрался лесной пожар, и разверзся вулкан; С небесным громом сорвалась высоко в
горах лавина;
Зарыдали кыргызов сыны, Наступила ночь без луны,
Шесть ночей не всходила луна, Каныкей, Манаса жена, Проливала слезы свои, Вырывала
косы свои,
Пал на землю кыргызов туман.*

Раздался такой стон, такая страшная сила горя была в нем, что людям почудил ось: это сама земля отцов застонала.

Вырвался этот стон из груди Каныкей.

Над двенадцатикрылой белой юртой черным вороновым крылом реет треугольник траурного стяга.

Палят огромные черные котлы посреди стой-бища, и красное пламя пожарищ взмывает в небо, опалая облака.

Молодая женщина в черном траурном одеянии, в черном головном уборе - элечеке, выводит скорбные слова поминальной песни:

Кошок - КАНЫКЕЙ:

Тунугу кетти жылдыэдын, Туйгуну кетти кыргыздын!

Тоодогу ЖЫЛКЫП(канчалык, Тобурчак, буудан аралам. Тосуп койчу бала жам.

Тозокко салбай жанымды, Тоодоюм, квкжал ала жат!

Арбагын жеткис Жылдыэга. Ата болгон жан элел,

Ай батканда Tel(балду.

Айдынын журтка дөл(балду. Айтпай калЫП(кеп кыргыз,

Алсырап кетип тим болду...

Асманда чолпон жылдыэым, АрТЫП(дан жоктор КЫРГЫЭЫП(, Айтпай кыргыз кеп ЖУРТУИ(

АрТЫП(дан издеп тим болор. АрТЫП(да калган айЫМЫП(, Аны I(ДЫН аты ким болор?

О, народ, мой, закатилась яркая звезда, Ушел (покинул нас) сокол кыргызов!

В горах бессчетны табуны твоих коней, Аргамаки и скакуны...

Ребенок твой мал, чтобы их завернуть, Не ввергай мою душу в ад,

Не оставляй меня, заberi с собой! Закатилась луна, наступила ночь. Слава твоя беспредельна была.

Многочисленное племя кыргызов,

Обессилен, смирилось с судьбой...

Твое кочевье - многочисленные твои кыргызы,

Будут искать тебя тщетно и успокоятся

постепенно, Но вдова твоя безутешная,

. Что станется с ней, каково будет ей?

А вот перевод С. Липкина иЛ. Пеньковского:

На руках у меня - сирота,

А в глазах у меня - чернота,

Умер наш светоч, хан Манас,

Нет теперь опоры у нас.

Будем жить мы теперь вразброд, Все мы станем добычей врагов, Будет честь у нас отнята,

Нет у кыргызов теперь отца!

Как муравьи ползут люди по белой гладкой стене огромной горы Эчкили. Несут тело, завернутое, как кокон, в белый войлок. Все исчезает в черной промежности горы. Это Каныкей распорядилась тайно предать земле священное тело Манаса. Черная дыра пещеры на белой меловой гигантской горе смотрится издали черным треугольником женского лона. То, что вышло из женского лона, навсегда ушло в лоно земли. Круг замкнулся, равновесие восстановилось.

Существовал у кыргызов очень древний способ захоронения, об этом говорят следующие строки «Манаса»:

*"Кылыч менен кырдырган,
Кымыз менен жуудурган». ~*

Кекетей хан просит перед смертью: «О, народ мой! Когда меня не станет, острой саблей оскребите меня, сладким кумысом омойте меня, панцирем голову сожмите мне, кошмой кости обтяните, священному огню предайте».

Эти строки говорят о древнем культе огня и обряде сжигания у кыргызов.

Археологические данные подтверждают фольклорные данные.

Призрак Манаса в золотом костюме проходит через анфиладу юрт. Во всех юртах идет погребальное угощение, люди не замечают призрака Манаса, едят мясо, женщины и юноши обслуживают гостей. Призра!< входит в последнюю юрту и видит себя, лежащего на фоне звездного неба. По обе стороны его тела - близкие ему люди: Канькей, Бакай и т. д.

А для публичного захоронения:

*«...Срубил Бакай арчевый ствол,
Приложил старанье он, Высек изваяние он:
Под руками Бакая возник
Деревянный Манас-двойник!»*

д душа Манаса в виде птицы-сокола сидела в юрте.

Посадили двойника Манаса (тул) на бело-снежного жертвенного коня с черной траурной попоной, крепко прикрутили его ремнями к перевернутому задом наперед седлу, одели в одежды Манаса, облачили в досп~хи Манаса, повесили на него боевое оружие Манаса. Д человек, стороживший тул, был страшен и огромен, поверх могучего торса, татуированного причудливыми изображениями диких зверей и птиц, был наброшен яркий красный халат,

на голове его - красный же калпак. И оружие на нем было Манаса, а в руках у него - священное красное знамя Манаса с з~атотканым изображением головы барса.

И повел он белого коня с двойником Манаса на высокий холм, где был приготовлен священный костер, на котором должны были сжечь тул Манаса. Суровые воины выстроились на тропе, провожая двойника своего вождя. Девять юношей и девушек кропили кумысом «тропу смерти»!

Хор женщин в черных элечеках и черном одеянии выводит скорбные слова поминального плача.

На лицо двойника Манаса Бакай накладывает маску из глины, запечатывает ему уста.

Возложили двойника Манаса на высокую гору из бревен.

Замерли в ожидании воины, женщины в черном.

Трубное ржание коня раскололо тишину. Словно с неба свалился Жайсан Ырчи и стал отплясывать магический танец. Пал ниц и замер.

С тяжким грохотом разверзлось небо, ударила молния, и вспыхнул гигантским пламенем погребальный костер.

Бьет в небо пламя погребального костра, гудит огонь, уносясь в небо.

Не успел еще остыть пепел погребального костра, как над аилом стали собираться грозные тучи.

,Солнце скрывается в тучах. Становится темно и тянет холодом. Все живое прячется по юртам. Тревога и ожидание, И это тревожное состояние усиливается одиноким воем собак. Им отзывается лошадь. Гул начинается в противоположном конце аила. Пугающий, низкий, жутковатый гул. Высоко в горах вспыхнул сам по себе священный мазар. Всплеснулась музыка, и аил словно пронзила невидимой молнией - огонь упал с неба, и за-

пылали по всему стойбищу казаны. На горе стоят встревоженные люди, глядят вдаль из-под руки. Люди начинают в панике убегать.

Девочки гонят телят, бросают их на пол- дороге и, приподняв подола платьев, пускают изо всех сил в аил.

Люди привязывают двери, закрывают дымо- ходы юрт, прячутся в мистическом страхе ПОД одеялами, шубами.

Призрак Манаса появился внезапно из озера, он ехал на мертвой белой лошади, накануне при несенной в жертву. Пересек наискось весь аил, переехал при мертвой тишине вброд речку и растворился в белом слоистом тумане противоположного берега. Люди в белых саванах бесконечной чередой спускаются к реке и исчезают в туманной мгле.

Призрак ушел, оставив после себя гнетущую атмосферу опасности. И опасность не замедлила заявить о себе. На гребне ближних хол- мов появились вооруженные всадники, и начал- ся ад.

Жгли юрты и убивали людей, насильовали женщин и угоняли коней...

Не враги напали на аил Каныкей, а близкие родичи Манаса, вернее, его сводные братья Абыке и Кобош, Кочкор и Чыйбыт, Аджыбай и Колбай. И выполнили они волю отца Манаса- Джакыпа...

Оставили после себя от твердого - камень,
от мягкого - пепел.

Сожженные остовы юрт, чадающие кошмы, разоренный и развороченный аил предстанут

перед нашим взором после набега буйных
братьев Манаса - стоны, причитания, плач... Но что это?

Как будто смеется и гукает ребенок, время от времени слышится тихий ленивый плач и звон бубенца. Так, по обыкновению, плачет ребенок, оставленный без присмотра и требующий к себе внимания взрослых.

Но где он? Ближе и ближе тихий звон бу- бенца.

Повсюду пепелище и чаДящие останки юрт.

Вот и он! Каныкей его нашла под сваленными крылья- ми юрты - он лежал в золотой колыбели, надежно укрытый кошмами от вражьих глаз и трогал ручонками бубенцы на колыбели.

Красивая молодая женщина в черном траурном одеянии-это была вдова Манаса Каныкей - подхватила на руки ребенка, не- истово целовала и прижимала к груди.

И в этот момент мы оставим мать и дитя в разоренном кыргызском становище...

и тут необходимо кое-что пояснить: идея верховной власти - главная идея после идеи объединения кыргызских племен перед лицом внешней опасности (и в этом величайший реализм и историзм кыргызского эпоса).

Вернее, идея верховной власти сливается с идеей объединения.

*"Кулаалы жыйып, куш кылдым,
Кулдарды жыйып, журт кылдым»*

"Кориунов собрав, я превратил их в соколов, Рабов собрав разноплеменных, в народ их превратил», - говорит С горечью перед смертью Манас, видя, что его держава вновь распадается после его смерти.

Во все времена тема власти была одной из главных тем искусства и литературы (весь В. Шекспир построен на этом). И «Манас» не исключение. Многие историки культуры считают, что главная идея эпоса - это идея преда- тельства:

„Әэктөн чыккан от жаман, вэдвн

чыккан жат жамаНII

"Страшен огонь, пожирающий сердцевины, страшен родич, ставший врагом».

В историографии эпоса трактовать образ Джакыпа, отца Манаса, как недалёковидного, неумного человека и скупца - стало традицией и общим местом. Подобная трактовка образа

Джакыпа говорит о полном и глухом непонимании эпоса - его идеи и семантики.

Образ Джакыпа - один из самых глубоких и сложных образов эпоса. Он, Джакып, желает женить одного из своих сыновей на строптивой Каныкей по древнему закону левирата, чтобы взять узду власти в свои руки, чтобы сохранить единство кыргызских племен после смерти Манаса.

Вот как следует понимать и трактовать образ Джакыпа-хана, отца Великодушного.

...Однако, вернемся в аил Каныкей. Пока мы с вами отсутствовали и занимались Джакыпханом, 9уйные братья Манаса разорили и сожгли аил Каныкей, разграбили кошевы и угнали коней.

* * *

Пронизывающим холодом межзвездных пространств и тяжелой толщей синего ледового панциря скованы вершины скалистых гор. В черном пустом небе свирепо ревет и грохочет огненная буря, терзает и рвет в клочья тучи, придавая им ежесекундно самые невероятные и фантастические формы и очертания. В неистовом грохоте грозных разрядов угадываются мощные горячие всплески оркестровой меди, а в вихре тяжелых туч-призрачные, смутные очертания парящего исполнинского коня и богатырской фигуры всадника, закованного в синюю броню.

Мираж обретает более четкие формы: и уже не синяя туча, растрепанная бурей, несется по грозовому небу, а легендарный крылатый конь Аккула летит, неся на себе огненноликого

Манаса Великодушного. И вслед за ним парят над спящей вселенной герои бессмертного эпоса: Алмамбет, Чубак, Сыргак, Бакай, Каныкей, Семетей, Айчурек...

Небо оглашает песня манасчи-птицы, повествующая о последних словах напутствия героя своему народу:

СЕМЕТЕЙ:

Улуу, кичүү, кары, жаш,

Курбу, курдав, талапташ, Ар туйунду чечип кой,

Жаман, жакмы втквн иш, Кайран журтум кечип кой! Ала- Тоону жер кылган, Азаматын эр кылган,

Ак калпактуу калы,. журт, Кыйры,. менен эсен бал!

Биз кеткен менен сапарга Арка болор Сейтек бар,

Далай журттун уулу бар.

Бейпай болбо, ар бир жан, Узулуп кетсе улачу,

Чачылып кетсе жыйноочу, Кыжылдаган жоо болсо,

Жолотуп жоону киргизбей, Жогубузду билгизбей, Увул калган силерге

Сейтек болсун чо~ мураа! .

Биздер кеттик сапарга, Ж

длбс журтум, кошула!

Старые и молодые, юные и седые,

Ровесники, охваченные единым порывом, Развяжите узлы всех тайных мыслей,

*И простите меня, народ мой многострадальный, За все, что случилось
хорошего и плохого. Сделав горы Ала-Тоо своей родиной, Сделав сврих молодец
богатырями,
Белокопачный многочисленный мой народ,
С ближним Рф и дальними живи в благополучии! Уходя в далекий путь, оставляем вам
Сейтека, Оставляем вам опорой храбрых наших сыновей. Порвавшееся он свяжет,
разбросанное соберет, Бесчисленного врага не подпустит,
И не даст почувствовать наше отсутствие Остающийся с вами Сейтек,
Который будет вам верной опорой. А мы уходим в далекий путь,
Прощайте, мой бессмертный народ!*

* * *

Качается колыбель над Бездной-Вечностью... До самого горизонта простирается туманная
горная Вселенная...

«MANAS» - HEROIC EPIC OF KYRGYZ PEOPLE (SUMMARY)

Kyrgyz people say: «Word is a crown of *all* arts.» Kyrgyzs considered word as beginning of
every- thing. Sacred Artistic Word. They created it, che- rished it and have brought it carefully
through more than 20 centuries of their hard historical destiny.

Poetic genius of people brought to life numerous
epic tales - the so-called small epics, heroic,

lyrical-romantic and social-phylosophical ones. They deserve to be named separately: «Er
Toshtuk»,

«Kojojash», «Janul-Murza», «Er Tabyldy», «Kedeikan», «Kurmanbek», «Er Soltonoy»,
«Janysh-Baiysh», «Shyrdakbek», «Legend about Saryndjy», «Tomor», «Deldesh»,
«Mendirman», «Janybek», «Ayar», «Asan- Kaigy», «Oljobay and Kishimjan», «Joodarbeshim»,
<,Seyitbek», «Kambar Baatyr», «Besh Kazak», «Choro», «Jalair Jalghyz», «Ak-Satkyn and
Kulmyrza», «Ak-Meyer», «Berdikojo». This large list doesn't
exhaust all the epic treasury of the Kyrgyz people. Many epic tales didn't reach our days, they
were

lost somewhere in the sands of time. Each of these '«small epics» is not worse either in its
content and beauty or in its volume than the best models of the world epic culture and they could
become genuine spiritual decoration of any national culture. But to be true we should
acknowledge that all of them are pygmies before the greatest titan of the
culture - «Manas».

The «Manas» epic Occupies a unique place even among the greatest monuments of the World
epic culture and shares its glory with the world culture space. And it is not the fault of the epic,
but its misfortune that the highest artistic horizons of the genius Kyrgyz epic poem, its unique
heroic world are still unknown to the world literature.

CONTENTS OF THE EPIC

The epic cycle about «Manas» has 3 parts:

The first part - «Manas»;

The second part - «Semetey» (Son of Manas);

The third part - «Seytek» (Grandson of Manas, Son of Semetey).

The first part of the epic is devoted to the liberation struggle of Kyrgyz people headed by Manas against Toguz-Oguzs, Turks, Kara-Kitays (Kydyans) and Kalmyks (Turkic ethnonym of Oyrat of Jungary).

The first part of the epic is monumental. There is much of magic and mythological, unreal. We are amazed by the poetic force of imagination and simultaneously at the impressing originality of its poetic and magic realism.

The second part of the trilogy «Semetey» has less elements of fantasy and mythology than the first one. All the images here are recognizable and psychologically motivated, the characters are bright, powerful, complex. The genre of «Semetey» is a tragedy. But at the same time the second part has certain elements of magic and mysticism of the first part. Mysticism here is not reality but transformation of reality in the mind of the epic

heroes.

And finally the third part «Seytek» in comparison with the first and the second parts is quite realistic with the echo from mythology of the first two parts.

The «Manas» trilogy is like a powerful full-flooded river, turned back from its mouth to its source. It would be fair to note that this river of the folk art is becoming scanty as well as thousand-year history of the Kyrgyz people before October Revolution. The genius of people is the most fully expressed in the first two parts of the trilogy - in «Manas» and «Semetey».

Each part of the trilogy is cyclic. The beginning and the end of each part is dramatically circled.

«Semetey» begins with the tragic point of the

previous cycle and it pitilessly comes to the more tragic final. The first part of the epic begins with

the birth of Manas and ends with his death. The

second cycle begins with death of Manas and the

birth of his son Semetey. «Semetey» ends with the

tragic death of the hero. The third cycle «Seytek» begins with Semetey's death and the birth of his son Seytek.

The whole cycle ends with wonderful resurrection of the trilogy characters: Bakay, Kanykey, Semetey, Aichurek and Kulchoro and their coming back in other world. And Seytek defeating all his enemies continues to live in peace and prosperity with his people.

«Seytek» concludes the «Manas» trilogy. We can trace the continuation of the Manas story, but these are already not full-flooded rivers of the folk arts but scarce folk-lore springs hardly known among people: «Er Saryk», «Story about Aлым-saryk», «Story about Kulansaryk», «Er Kenen», «Akayar baatyr», and finally «Ak-Jol Baatyr», on the «Ak-Jol Baatyr» the epic cycle about Manas is exhausted.

One of the amazing peculiarities of the «Manas» epic is its boundlessness having no analogues in the world folk-lore. «Manas» in its scale and range exceeds all the epics of the world. Only the first cycle of the epic (the version of Sagymbay Orazba-kov) comprises 183 thousand poetic lines, 263 print sheets. The version recorded from the narration of Sayakbay Karalayev, comprises more than half a million poetic lines or 750 print sheets, it is the amount of 20 large volumes of book publication.

The epic «Manas» impresses greatly not only with the boundless oceanic flow of its narration but also with oceanic depth of its content and epic characters. And this is the unity of the outer and inner world of the epic.

**MANASCHIES - THE EPIC POEM «MANAS»
NARRATORS**

We don't know who was the first narrator of the epic. Perhaps it was one of 40 commanders from Manas's Army, perhaps it was an unknown shepherd or herdsman. The legend brought to our days the name of glorious Jaisyn-Yrchy, contemporary of Manas, who was the first to sing and glorify the heroic deeds of Manas. The epic also mentions the name of another singer - Yrchy ulu, one of Manas's warriors. The memory of the people has retained the names of outstanding narrators of

the past: Keldibek, Balyk, Akylbek, Tynybek, Nazar,

Naimanbay, Teltay, Kalmyrza, Donuzbay, Jandake, Chodon, Kenje-Kara. Direct successors of these great narrators in Soviet epoch were: Chojjue, Sagymbay, Sayakbay.

SAY AKBA Y KARALAEV...

The great narrator, one of the last manaschies among the pleiad of outstanding narrators of the past, from whose words «Manas» trilogy was recorded. Almost all manaschies associate their talent with visions in their dreams or inspiration given from above. They like to mention that before being inspired from above, they didn't know the content of the epic, they didn't have talent for narration, that all this happened only after the mentioned prophetic dream.

In all times the artists of the world were a special caste with their own customs and privileges. Prayer and poetry were similar phenomena, because a poet was a priest in a certain sense, his creativity was *connected* with religion, and then a poet became a magician.

According to the ideas of ancient people Word

had Divine origin. Word was given mysterious and magic force and poets who possessed the magic and mysterious force of Word were considered to be selected by the Heavens. The talented narrators of the epic - Manaschies were also considered as selected by the Heavens (The Spirit of Manas). Their names were surrounded by a veil of mystery, their divine talent being mixed with mystic fear.

And there is nothing strange in it: Heathen Pantheon gave abundant food for those selected Spirits - poets - improvisors.

The roots of the «Manas» epic go back to the inter-river space between Yenisei and Altai rivers, to the culture of the Yenisei Kyrgyzs of the VI-XII-th centuries including part of Tashtyk culture of the I-V-th centuries B. C. We consider the influence of Islam on the epic to be quite superficial. All the semantics and the content of the epic especially the part which is called

atmospheric state or the mood of the epic bears the traces of the Central-Asian nomadic culture with its tri-pie model of the world, with its gloomy Pantheon of Heathen idols, with its ancient Runic scripts, with its grey myths and legends.

The narrators themselves thought that they were only unintentional performers of the Holy Will and they were sure that those beautiful songs which they perform are nothing but gifts given by the Heavens from the Immortal Spirit of Manas the Generous. That's why the manaschies' poetic talent was surrounded by sacred aureole and they strictly followed certain religious-mystic canons of behaviour.

Even before the initiation (the ritual of initiation in dream or in reality) they already were mature akyns-improvisors. By this time each of them undoubtedly had a certain verbal school, had got acquainted with the epic and properly learned it. In nature there is no narrator without poetic school, all of them composed their own songs based on the experience of traditional poetic masterpieces of the past but under their own composition system. All of them were taught by other akyns (though they unwillingly recall about it) until they acquired their own independent voice. And all of them knew the exhausting day-to-day literary labour: for many years they cherished the idea and plastics of the poetic narrations. And once the poet became mature for the

Sacred Narration he saw the desired dream, and in dream he was attended by Manas the Generous and he was inspired by the Heavens. The poet became narrator of the epic «Manas» - manaschy. According to the popular belief each real manaschy had his own Spirit - Protector, who often appeared in the image of a wonderful white little camel or threatening' male camel - «bura», or white swan, sometimes in the image of a beautiful girl.

SPIRITUAL CONTENT OF THE EPIC «MANAS».

During the 2000-year history Kyrgyzs underwent the influence of all the religions of the world:

Shamanism, Zoroastrianism, Nestorianism, Buddhism and Islam. Ancient Kyrgyzs worshipped four elements of Nature: Sky, Earth, Fire and Water. The Sky was a symbol of male origin and it was personified in the image of a mighty bull. Earth meant female beginning. Cult of the Sky appeared from Cult of the Sun. The ancient Chumeres called God of the Sun as Dinghis, Mongols called him as Tengri, Turks and Kyrgyzs called him Tenir. Cult of the Sky was spread almost in all Central and Eastern Asia. Sky was the main divinity for the ancient Hunns, Usuns, Sianbiys. Interaction of the two starting points - Sky and Earth - gave birth to all Things and Phenomena, Life and Death.

Father is Sky, Mother is Earth, Rain is Seed of

the Sky, Sky - Earth - Man - made the three

potentials of the world - triada. Everything in the world is born from the Earth, fertilized by Rain. Kok Tenir (Tengri) meant blue, Pre - eternal Sky. It combined all astral ideas and it was adequate to the notion «Universe», The colour «Kok» (blue, dark-blue, green) meant the colour of the Sky, verdure, life. In the symbolic hierarchy of colours Blue was the most valued as well as white. The Blue colour of the Sky divinity came out of the white colour of the Sun. The white colour was a sacred symbol, meaning colour of the Sun, milk and it had the meaning of Purity, Chastity, Holiness, Innocence, Morality, Truth. «Ak» is one of the ninety nine names of God for Moslems.

It was forbidden to use «white» in regard of not clean animals, such as dogs, pigs sometimes horses. The five elements of the Universe had their colour symbols: Fire - red, Earth - yellow, Tree - blue, Iron - white, Water - black. In old times only representatives of heathen cult (shamans and top society - Khans) had the right to wear white headgears. Red was a sign of militant rank, warriors wore red kalpaks. White was the colour of Khan's dignity and it was dominating colour of the epic tales - Akkula (the horse of Manas), Akshumkar (falcon of Manas and Semetey), Akolpok (armour-clad of Manas and Semetey). The usual white Kyrgyz kalpak (national

hat for men) has a deep sacred symbolic meaning. Kyrgyzs inherited it from Saks, who used to wear it in ancient times. Many Turkic tribes wore such caps, but only Kyrgyzs retained them as national caps till our days.

In the epic «Manas» Kyrgyzs are called «All kalpak Kyrgyzs» (Kyrgyzs wearing white kalpaks). Kyrgyzs' ancestors deified Nature and thought themselves indispensable of it. A man was part of Nature, that's why appeared fantastic images of people - nomads, people - plants, anthropomorphic mountains in the folk art of Central and Eastern Asia. These motives were spread not only in the Oriental arts, but also in the West. In the Middle Ages they are repeated in the Western European folk-lore and arts, reaching the apogee in the fantastic images by Bosch and Breugel.

Vertical division of the Universe into three parts - the Upper, the Middle and the Lower worlds - has been preserved many peoples of Siberia, including Kyrgyzs. Division into 3 space zone is

reflected in detail on numerous stone statues and menhirs of Tazmin culture (New Stone Age of the Yenisei). In the Upper world birds were flying, mighty bulls were pulling sunny vehicles, deer and elks were running in the blue spheric sky, wonderful canoes were moving, all these attracted and involved the souls of the deceased. In the Middle world people lived, it had green colour, the colour of life. The Lower, underground world was dark and awful, it was inhabited by evil spirits and terrible animals. This

was the world of darkness and chaos. Sky, Earth and Underworld are connected with each other by the world axis, and the world axis goes through some «hole» on the top of the Earth, and through this «hole» Gods go down on the earth, shamans and souls of the deceased - go to the Upper and the Lower worlds. Among all the mortals only shamans (bahshy) could move freely in sacred zones and thus demonstrate their superhuman state, while other people can reach this state only once - at the moment of dying. Except for shaman only funeral horse (horse which was killed when

his host was buried) could go through the levels and take the host's soul to the other world. According to shamans' ideas horses as well as birds were conductors for souls. Perhaps this heathen legend influenced Islam: Mohammed prophet rose to the Sky on his horse AI-Burak. Ancient Kyrgyzs worshipped the Cult of their ancestors. With appearance of Islam the Cult of ancestors mixed with the Cult of Moslems, and this gave birth to a strange symbiosis of Heathenism and Islam as worshipping of holy mazars. The Cult of Forefathers acquired a peculiar form of religion - Cult of Manas. The epic image of Manas was canonized and nomadic Kyrgyzs worshipped him. This is a special kind of deifying a myth- Eugemerism. Manas is God, manaschies are priests of this created Divinity, cult performers of the Upper Will of the Mythological Deity. Narrators of the epic bring closer to each other the image of Manas and the image of mythological Gods.

The Sun was considered as an all-seeing eye of God. The ancients associated an eye with some magic force. Mortals couldn't endure the terrifying

fixed look of Gods. And Manas also possessed such magic force. He had a black birth-mark under his eye. His fixed look could kill a man. That's why his wife Kanykey didn't show him his small son Semetey, and Manas touched his son's forehead with the end of the loop and kissed it. The detail is genius in itself.

As to the appearance of Manas, we have the following concept: for us Manas is incarnation of the ideal popular Spirit, and spirit as it is known is not material. Manas is mirage of people's fantasy, that's why it wouldn't be right to attach the collective image of the mythological Hero to the specific features of a specific man, otherwise we will destroy the mystery and enigma of the epic Hero's sacred image. To explain this thought we can refer to the miniature of the XVI-th century with the picture of Mohammed Prophet rising to the Sky on his horse AI-Burak, the Prophet's face being closed with a veil.

The epic «Manas» had been created, during long historical period. That's why in different epochs it

expressed the Categories of Time and Space in

different ways; archaic layer of the epic - Circle Time, later layer - Linear Irreversible Time.

Our ancestors watched how the Sun made its circle in the Sky from East to West, how it was born every day and died every day. The world was perceived in the state of rest or rotation in the great circle. The ancients thought that events and destinies repeat in the circulation of time, the flow of time stops.

True Time - the Eternity. Time mingled with eternity of stone idols. Eternity Symbol is a circle. Time and Space are perceived as closed circle:

« Togoroktun tort burchu» ((Four ends of World

Circle») - the epic says. Not changing but repetition was the determining moment of the epic heroes consciousness, that's why life is repetition of other people's previous deeds. Past is repeatedly revived in present, descendant repeats destiny, character and deeds of his ancestor: Seytek - Semetey, Semetey - Manas. That's why with Kyrgyzs dwelling of the deceased - cemetery - is near the settlements of the alives even up till now. They are considered to be in the one world where the past and future co- exist together.

The epic Time often doesn't coincide with the real time. There exists sacred time: Manas died when he was 52, every year of his life in the epic equals to live hudred years. So 52 years of Manas's life are Eternity.

There exists also Sacred Space - the world governed by special forces, concealed from mortals by magic protective field. The epic has such a notion as «Eighteen thousand of the Earth spaces or Universes» which actually mean Eternity. According to the information which reached our days ancient nomads determined time by solar- dial. For this they used a smoke-stack on the top of "yurta" - "tunduk". By the slope angle of a sunray penetrating through the "yurta" smoke-stack it was possible to determine the exact time 5 minutes. The "yurta" inside was divided into 12 parts like a clock-face.

In the epic there are many examples when the present time is understood as the only and true value. And in this respect the Kyrgyz Epic un- derstands Time as irreversible historical succes- sion.

«What is today, will not be tomorrow, This is the Circle of Life» - the epic tells. These lines express painful understanding of irreversibility of time that arises narrator's feeling of hopeless dispair and irrevocable close

death. .

But narrator vorries in vain for the destiny of the epic: it, the epic, will for sure outlive its creators.

Manas the Generous will die but the second generation will resurrect from the ashes. Semetey will die but Seytek will come into being. Seytek will quit the world but Er Saryk will appear and continuously so.

Times like winds will urge the waves of generations succeeding each other and this is the circle of Eternity of the Kyrgyz Epic and this is the phylosophy of the «Tale about Manas».

The epic is greatly extended in Time and Space, it had been composed for thousands of years on a vast territory - from the banks of the mighty Siberian Yenisei river till the celestial Kyrgyz Ala-Too mountains.

«Manas» is the best that was created by the great nomadic world from the Upper Yenisei till Mongolia and the Tien-Shan. The epic «Manas» is the greatest peak of the spiritual culture of people, from the heights of which we can see the ini- magible expances of history and human thought. Today the epic belongs not only to the Kyrgyz culture but also to the treasury of the world culture.

«MANAS» IS A TRAGEDI OF ITS EPOCH

When manaschies. narrate about the most dramatic episodes it is Impossible to listen to them without a lump in the throat, without tears in the eyes. Women are weeping and sobbing, narrators themselves cant keep their tears:

The last outstanding narrator Saykbay impressed greatly and schocked his listeners, brought them to the point of ecstasy and then suddenly the innermost meaning of the epic opened in all its magnificent beauty and severeness with its true tragic heights. .

And wasn't it the great tragedy catarsis purifying the soul?

Really it was! Calming down their dissatisfaction with the existing reality. the listeners of the epic plunged into fantastic surreal epic, identified themselves with the epic heroes, performed the great deeds for which there was no place in everyday life and thus they acquired the illusion of being free from the realities of life and that is the most important - they cleaned their own souls. Catharsis is a result.

The «Manas» trilogy is a great tragedy of its epoch. In its external composition, internal content and semantics the «Manas» epic refers to one of the highest literary genres - tragedy.

And there is no doubt about it. The epic «Manas» has all the classical proportions and genre features of a high tragedy, including the eternal theme of Fate.

The Kyrgyz epic embodies the eternal ideals which are above time, and in this sense «Manas» is one of the rare epics which is above time and which comprises more than one thousand-year history of the ancient nomads from the Yenisei river till the Tien-Shan mountains.

The idea of Kyrgyz tribes' unification before the external danger, futility of implementing this high and noble idea as a result of interference of some above force irrespective of the people's will (Fate) show «Manas» as the greatest tragedy of its epoch. Fatal predetermination of all the forthcoming events runs through all the epic, turning the epic heroes into obedient toys in the hands of mighty Fate.

The heroes of the trilogy come into being, live full of dramatic events life and find their tragic death only by the Will of Fate. Birth of the Kyrgyz hero and all his glorious life was destined by the

ancient Chinese Book of Fates: «Among Kyrgyzs there will be born a great hero Manas. He will surpass everybody in strength, wisdom and greatness of soul. He will liberate Kyrgyzs from Kytay and he will gather them under his wing, he will make a stone from sand particles, Nation from separate tribes and he will be given the name «Generous» .

Long before the birth of Manas a boy named Mendibay saw forty small divine beings, who were flying and shouting: «Jakyp! Manas!» and he told about it to the would-be father of Manas whose name was Jakyp. Fate demonstrated its power breaking the natural course of events and the ties of time.

Very often the heroes of the epic are governed in their epic life not by their own will, but by predictions and promptings of Fate. For this case Manas had a wonderful stone-predictor "Tolgo tash", to which he applied each time before making an important decision: in case of happy end this unusual stone became as light as a bird's feather and flew over Manas's head predicting success. But sometimes the stone became heavy as if it had all the weight of the black Earth and then Manas couldn't move it from its place: Fate predicted failure. In such cases Manas being not only courageous but also a wise man postponed the event and obeyed the will of the mighty Fate, he remained at home.

But son of Manas Semetey had broken once this rule and thus he challenged the Fate. By his mother's advice he came to the magic stone and... couldn't move it from its place. And instead of obeying the Fate he like a true hero of a tragedy tried to oppose Fate and died.

Everything in the epic is under the laws of ~ high tragedy: finally Manas suffers a defeat from more numerous enemies, his best friends die, Manas himself comes back to Talas, mortally wounded, having lost his horse Ak-Kula in the battle.

At the end of the first part of the epic the events reach the peak of the tragic heights., The episode of wounded Manas's coming back to Talas, his

meeting with Aruke - Almambet's widow, his dying will and testament, interminability before death - this is the tragic human state, tragic human suffering:

«For forty years I had been Khan, I

I gathered kites and turned them into falcons,

I gathered slaves from different tribes and made them Nation,

I gathered beggars and made them governors», -

said Manas with great sorrow before dying. He knows that after his death everything will go to rack and ruin, the state will collapse, enemies will again raise their heads, his family and relatives will be in trouble, his young son is under the threat of death and the honour of his beloved wife Kanykey will be outraged.

The Hero dies. The gains of his life will be scattered like dust.

Under the violent gust of severe wind the weak fire of light in the darkness vanishes - the life of the Hero will vanish. And only light grey haze will slowly melt away in the air as a soul of the deceased reminding us about fragility and futility of human life before the Eternity.

The Eternity will absorb all the heroic deeds of Manas and will leave no hopes. The Hero will die not only physically but moral death is also waiting for him because his moral ideas were crushed. And as it is known tragedy implies not only physical death of the characters but also their moral destruction.

Such are the laws of tragic genre. Such is life of the Hero who lived under the laws of tragedy.

«MANAS" EPIC IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY CULTURE

In the 60-s of the last century a very important historical event happened: Kyrgyzy joined Russia.

When two genetically remote cultures joined, complicated and irrevocable ethnic-cultural process began, as it should be expected. On the one hand the boundaries of the national culture extended

absorbing the cultural values of Russian people, their artistic traditions. On the other hand this significant meeting of two cultures caused the long and irrevocable process of washing off the national originality from the nomadic culture of Kyrgyzs. When there is a clash of two cultures which are on different steps of public mentality, perhaps victims and wounds are inevitable, and sometimes the cost is the life of «small culture». Besides, such contact is probably connected with severe psychological breaking of nomadic consciousness causing various deformations of national culture, all the consequences of which can't be foreseen.

Seduction by alien culture and attempts to reach the heights of the alien culture speeding up own historical and cultural processes gave birth and are giving birth to ugly forms of new pseudo-national selective culture which is so far from the original culture of people. Here probably also proper «nine months» are needed otherwise instead of expected geniuses mutilated freaks of pseudo-national culture will be born.

Everything has its beginning and everything has its end: the epic as any organism in life once comes into being then experiences stormy young years and once becomes mature and stops to grow. And now the epic has been finally formed, and it presents closed, esthetic system further development of which would be not only fruitless, but would lead to deformation of the genre. And the epic goes into immortality. New times come and together with them comes the epoch of the bookish-epic form, which we are experiencing now.

How is Manas connected with the contemporary Kyrgyz culture? Undoubtedly the epic «Manas» is a cluster of all possible literary genres from folk-lore to tragedy, and that's why the connection of «Manas» with contemporary culture is wide and multichanneled: the epic is published in the Republic, there are many performances about Manas, composers, artists, painters often apply to the epic.

As any complex cultural phenomenon «Manas» contains two layers of information: surface information which people understand and realize

and innermost information which remains concealed and incomprehensible. The world of «Manas» is enigmatic and mysterious. The whole epic consists of the encoded magic sacred symbols and signs and we can't manage to open this

veil of mystery. Sometimes it seems that «Manas» lives in other space dimensions and has his own mighty protective field which protects its spiritual space against any invasion from outside. In order to penetrate into the inner boundaries of the epic it's necessary to find the key to the lock. Such key may be either our deep scientific knowledge of the semantics of the epic or good knowledge

of the Sacred world of the epic on the level of its singers - manaschies. The seeming simplicity of the epic is deceptive, the whole epic contains numerous complicated and subtle metaphors and symbols. Many categories of culture from the past epochs become hieroglyphs and must be deciphered. And they will remain for us eternal and attractive enigma. We hope that researchers and artists of the future will study the epic on a new level of national consciousness and will find in «Manas!» the eternal source of inspiration.